

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск 2 (10)
2019

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2522-9788

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск № 2 (10)
2019

Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. Издаётся с 2015 г. Периодичность издания: 2 раза в год.

Форма распространения: электронное периодическое издание

Включён в перечень рецензируемых научных изданий ВАК ДНР (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.)

Включён в наукометрическую базу РИНЦ. Договор с РИНЦ № 425-07/2016 от 14.06.2016г.

Включён в электронную библиотеку и наукометрическую базу CYBERLENINKA. Договор № 33919-01 от 31 октября 2018 г.

В журнале публикуются научные статьи и материалы, освещающие философские, исторические и политологические исследования проблем культурного и цивилизационного развития современного общества, вступившего в фазу острого кризиса своих основ.

Учредитель и издатель – государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет».

Редакционная коллегия: Главный редактор – Н. П. Рагозин, к.филос.н.; зам. главного редактора – С. В. Дрожжина, д.филос.н.; Драч Г. В., д.филос.н.; С. П. Поцелуев, д.полит.н.; Андреева Т. А., д.филос.н.; Е. В. Андриенко, д.филос.н.; А. И. Атоян, д.филос.н.; Т. В. Лугуценко, д.филос.н.; В. М. Шелюто, д.филос.н.; Т. Э. Рагозина, к.филос.н.; А. В. Гижа, к.филос.н.; Б. И. Молодцов, к.филос.н.; Н. А. Басенко, к.полит.н.; С. И. Сулимов, к.филос.н.; К. В. Черкашин, к.полит.н.; И. В. Черниговских, к.филос.н.; Целик Т. В., к.филос.н.

Ответственный секретарь – к.филос.н. Т. Э. Рагозина.

Адрес редакции: Донецкая народная Республика, 83001, г. Донецк, ул. Артёма, 96, ГОУВПО «ДОННТУ», 3-й учебный корпус, кафедра философии. Тел.: (062) 305-39-18; 071-334-9416.

Эл. почта: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.org>

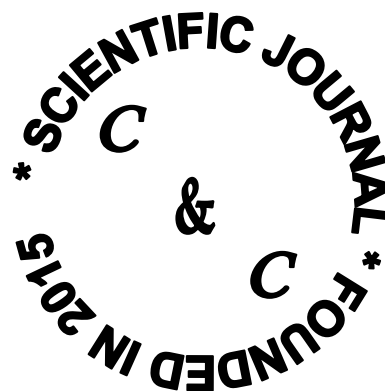
Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики. Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000143 от 20.06.2017.

За содержание статей и их оригинальность несут ответственность авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Подписано к печати по рекомендации Учёного Совета ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет». Протокол № 8 от 29.11.2019 г.

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC
STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«DONETSK NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY»

ISSN 2522-9788

Culture

& CIVILIZATION (Donetsk)

Issue № 2 (10)
2019

Culture and Civilization (Donetsk). Scientific journal. Published since 2015. Published twice per year.

Circulation type: online periodical magazine

Included into list of reviewed scientific publications of Higher Attestation Commission of Donetsk People's Republic (Order no 1134 dd 01.11.2016)

Included into scientific database of Russian Index of Scientific Quotations (RISQ). Contract with RISQ no 425-07/2016 dd 14.06.2016.

Included into e-library and scientific database of CYBERLENINKA. Contract with CYBERLENINKA № 33919-01 dd 31.10.18

The Journal is devoted to publishing of scientific articles and materials in the field of philosophic, historical and political sciences' problems of cultural and civilizational development of modern society, which has entered the stage of severe crisis of its basics.

Founded and published by State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University».

Editorial board: Editor-in-Chief – N.P. Ragozin, Ph.D.; Vice Editor-in-Chief – S.V. Drozhina, Ph.D.; G.V. Drach, Ph.D.; S.P. Potseluev, Political Sciences Doctor; T. A. Andreeva, Ph.D.; E.V. Andriyenko, Ph.D.; A.I. Atoyán, Ph.D.; T.V. Lugutsenko, Ph.D.; V.M. Shelyuto, Ph.D.; T.E. Ragozina, Candidate of Philosophic Sciences; A. V. Gizha, Candidate of Philosophic Sciences; B. I. Molodtsov, Candidate of Philosophic Sciences; N. A. Basenko, Candidate of Political Sciences; S. I. Sulimov, Candidate of Philosophic Sciences; K.V. Cherhashin, Candidate of Political Sciences; I. V. Chernigovskiyh, Candidate of Philosophic Sciences; T.V. Tselik, Candidate of Philosophic Sciences.

Secretary in Charge – Candidate of Philosophic Sciences T.E. Ragozina.

Editorial office's address: Donetsk People's Republic, 83001, Donetsk, Artema str., 96, Donetsk National Technical University, 3rd Campus, Philosophy Chair. Tel.: (062) 305-39-18; 071-334-9416.

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.ru>

The journal is registered by Ministry of Information of Donetsk People's Republic. The Certificate on registration of mass media № 000143 dd 20.06.2017

Contents and originality of the articles are of the authors' responsibility. The editors' opinion may differ from that of the authors'.

Signed to publishing according to recommendation of the Scientific Board of «Donetsk National Technical University». Protocol № 8 dd 29.11.2019.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Научный журнал

Основан в 2015 году

Выходит дважды в году

№ 2 (10) / 2019

ISSN 2522-9788

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции журнала	Памяти Сергея Николаевича Мареева	7
Философия		
Рагозин Н. П.	Современные реформы образования и науки как зеркало противоречий позднего капитализма	11
Рагозина Т. Э.	О философском обосновании труда, или: о необходимости критического «сведения счётов» с недавним философским прошлым	20
Попов В. Б.	Трансформация понятия «тотальность» в постклассической общественной мысли	36
Сидоренко В. А.	Социокультурные фильтры в процессах межкультурной коммуникации	44
Тихомирова Н. Ф.	Музыкальный стиль как сложноорганизованная система ..	51
Лугуценко Т. В., Роговец О. В.	Био-арт как направление в изучении проблемы телесности в условиях современных трансформаций культуры	58
Черных И. А.	Основания духовности в религиозном и светском смыслах	64
Лугуценко Т. В., Товчига А. С.	Фотография как документ: анализ концептуальных подходов в аспекте социальной философии	71
Гижа А. В.	Что лежит за пределами информации?	79
Волянский Н. П.	Религия как форма культурной памяти и механизм социально-исторической преемственности	87
Негода Л. Л.	Культура как форма социальной памяти нации	93
Армен А. С.	Противоречия современного общества в зеркале феминизма	99
Курито О. В.	Философские основы формирования ценностно-этической составляющей образования	104
Политические науки		
Кухтин М. М.	Марксистская концепция отчуждения и структурный реализм К. Уолца	110
Анонсы и объявления	VI-я международная научная конференция «Духовное производство: основные тенденции развития в эпоху позднего капитализма»	116
Приложения	Требования к оформлению научных статей	117
	Образец оформления статьи	118

CULTURE & CIVILIZATION (Donetsk)

Scientific journal

Founded in 2015

Published twice per year

No. 2 (10) / 2019

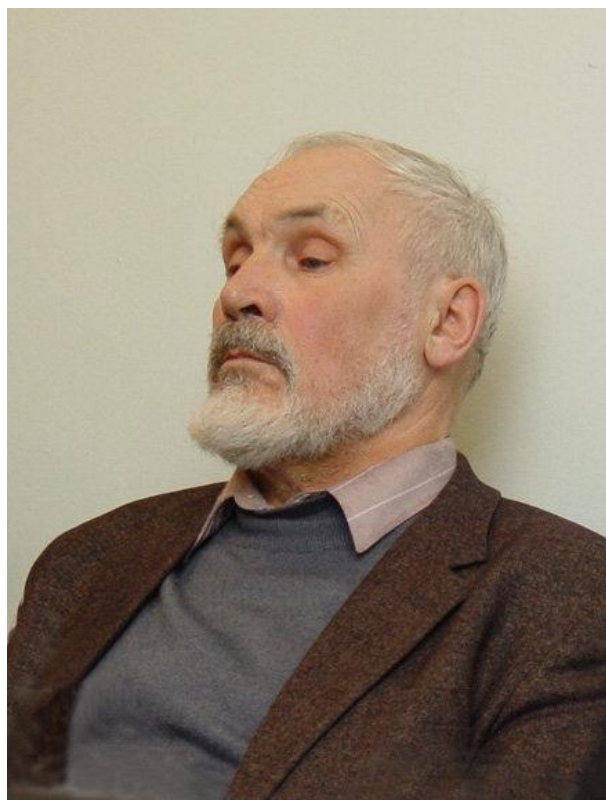
ISSN 2522-9788

CONTENTS

From the editors Magazine	In memory of Sergey Nikolaevich Mareev	7
Philosophy		
R a g o z i n N. P.	Modern reforms of education and science as a mirror of the contradictions of late capitalism	11
R a g o z i n a T. E.	On the philosophical justification of labor, or: on the need for critical "settling accounts" with the recent philosophical past	20
P o p o v V. B.	Transformation of the concept of "totality" in post-classical social thought	36
S i d o r e n k o V. A.	Sociocultural filters in the processes of intersubject communication	44
T i k h o m i r o v a N. F.	Musical style as a complex system	51
L u g u t s e n k o T. V., R o g o v e t s O. V.	Bio-art as a direction in the study of the problem of physicality in the conditions of modern transformations of culture	58
C h e r n y k h I. A.	The foundations of spirituality in religious and secular meanings	64
L u g u t s e n k o T. V., T o v c h i g a A. S.	Photography as a document: analysis of conceptual approaches in the aspect of social philosophy	71
G i z h a A. V.	What lies beyond information?	79
V o l y a n s k I y N. P.	Religion as a form of cultural memory and a mechanism of socio-historical continuity	87
N e g o d a L. L.	Culture as a form of social memory of a nation	93
A r m e n A. S.	The contradictions of modern society in the mirror of feminism	99
K u r i t o O. V.	Philosophical foundations of the formation of the value-ethical component of education	104
Political sciences		
K u k h t i n M. M.	The Marxist concept of alienation and the structural realism of C. Walz	110
Notices and information	VI-th international scientific conference "Spiritual production: the main development trends in the era of late capitalism"	116
A n n e x e s	Requirements to design of scientific articles	117
	Examples of articles' design	118

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА

Сергей Николаевич Мареев¹
(2.05.1941 г. – 12.09.2019 г.)

12 сентября 2019 года после продолжительной болезни ушёл из жизни Сергей Николаевич Мареев – известный советский, российский философ, доктор философских наук, профессор, ученик и соратник Э. В. Ильенкова. Одна из последних книг Сергея Николаевича, посвящённая творческому наследию его учителя, называлась «Ильенков. Жить философией» (Москва: Академический проект, 2015). Эта формула – «жить философией» – вполне приложима и к жизни самого С. Н. Мареева, которая вся была посвящена служению и развитию марксовской философии.

Сергей Николаевич Мареев родился 2 мая 1941 года в Москве. После окончания школы служил на Северном флоте и по окончании службы в 1964 году поступил на философский факультет МГУ. При этом Мареев поступал на философский факультет с конкретной целью – *изучать философию Карла Маркса*. Дело в

¹ Эта фотография Сергея Николаевича Мареева публикуется впервые.

том, что в корабельной библиотечке сторожевика «Кондор» матрос Мареев нашёл работы молодого Маркса, опубликованные в первом томе его собрания сочинений, которые захватили его и были прочитаны «взахлёб». «Открытие» Мареевым для себя К. Маркса, как он впоследствии вспоминал, определило его философские убеждения на всю жизнь.

Этот факт личной биографии С. Н. Мареева был какими-то незримыми нитями связан с общим духовным подъёмом в стране, победившей нацистскую Германию. Часть тогдашней послевоенной интеллигенции обратилась к новому прочтению Маркса, стремясь найти в его теоретическом наследии ресурсы для духовного и социально-политического обновления советского общества. Идейным лидером этой интеллигенции был *Эвальд Васильевич Ильенков*, один из самых ярких представителей того направления в советской философии, которое ныне называют «творческим марксизмом».

Матрос Сергей Мареев в период службы на Северном флоте
(Североморск – 1964 г.)

Поступив на философский факультет МГУ, Мареев обнаружил, что здесь при всех торжественных реверансах в сторону официальной марксистско-ленинской философии, интерес к изучению философии Маркса почти исчез. Только преподаватель политэкономии советовала учить эту науку не по учебникам, а по «Капиталу», и обращать внимание не только на экономическое содержание, но и на *метод исследования*. Лучшее изложение метода Маркса, как подсказал Марееву один сокурсник, было дано в книге Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса». Мареев разыскал эту книгу в библиотеке, и она стала для него учебником философии К. Маркса. На старших курсах заочное знакомство с Ильенковым было дополнено знакомством очным, когда Мареев стал посещать кружок, который вёл Эвальд Васильевич в Институте философии Академии наук СССР, и продолжилось чуть позже – в 1971, когда С. Н. Мареев принёс Э. В. Ильенкову в Институт философии готовую кандидатскую диссертацию

По окончании философского ф-та МГУ (1969) С. Н. Мареев работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1970-1972), затем в секторе теории

познания Института философии АН СССР (1972-1984). В 1986 г. Мареев защитил докторскую диссертацию на тему «Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса». После защиты диссертации Мареев работал в ряде московских вузов, являлся членом правления философского общества «Диалектика и культура», организовывавшего на протяжении многих лет международные *Ильенковские чтения*.

Научное творчество С. Н. Мареева было направлено на разработку «творческого марксизма», понимаемого как тождество диалектики, логики и теории познания². Первая крупная работа Мареева «Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса» (1984) была посвящена анализу принципа конкретного историзма как выражения внутреннего историзма, свойственного методу восхождения от абстрактного к конкретному. В 80-е годы Мареев³ также разрабатывает категорию «системы», понимаемой как органическая целостность, исследует диалектику формы и содержания и категорию «формальной формы», которая используется в экономических рукописях Маркса.

Для Мареева категории диалектики – не орудие создания абстрактной «системы категорий», пригодной для всех времён и наук, а формы научно-теоретического воспроизведения логики развития научного знания. С этой точки зрения он обращался к логическому анализу экономических теорий и категорий («Введение в пострыночную экономику», 1993; «Экономическая теория Маркса и её критики», 2013), одновременно с этим анализом показывая теоретическую несостоятельность критиков Маркса.

Начиная с 90-х годов С. Н. Мареев публикует ряд книг, посвящённых личности и творчеству своего учителя Э. В. Ильенкова («Встреча с философом Э. Ильенковым», 1994. Изд. 2-е доп., 1997; «Ильенков», 2004; «Ильенков: жить философией», 2015), а также историко-философское исследование генезиса и поворотных моментов «творческого марксизма» в советской философии, ключевой фигурой которого несомненно был Ильенков («Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков», 2008).

Главными чертами, отличающими «творческий марксизм» от официального диалектического и исторического материализма, согласно Марееву, является то, что он не признавал существования «двух материализмов», образующих некую «науку наук», вооружённую общей теорией развития, а видел в философии Маркса и Ленина материалистическое понимание истории как диалектический метод научного познания и революционного преобразования мира, учение о мышлении, взятом в его деятельном, практическом отношении к миру.

Теоретическим источником диалектического и исторического материализма в Советском Союзе была, как известно, философия Г. В. Плеханова, истолковавшего философию Маркса в духе домарксовского созерцательного материализма, в то время как «творческий марксизм» был генетически связан с ленинским понимани-

---

² Более подробно о теоретических взглядах С. Н. Мареева см.: Майданский А. Д. Мареев Сергей Николаевич // Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное. Под общей редакцией М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – М., 2014, с. 361-362.

³ Второе, дополненное издание: Мареев С. Н. Конкретный историзм: Монография. М., 2015.

ем философии Маркса как дальнейшего развития и материалистической переработки диалектики Гегеля.

В двухтысячные годы С. Н. Мареевым (в соавторстве) написаны учебники по истории философии (С. Н. Мареев, Е. В. Мареева, В. Г. Арсланов. «Философия XX века», 2001; С. Н. Мареев, Е. В. Мареева. «История философии (общий курс)», 2004;) и философии науки (Е. В. Мареева, С. Н. Мареев, А. Д. Майданский. «Философия науки», 2010).

Сергей Николаевич Мареев в 2000-ные годы

Развал Советского Союза, сопровождавшийся кризисом догматического советского марксизма, от которого поспешили отречься многие из его прежних официальных блюстителей, несколько не повлиял на идейные позиции С. Н. Мареева. Он продолжает активно работать и публиковаться, критикуя идейный разброд и шатания, и продолжая разрабатывать классические философские проблемы (Мареев С. Н. «Мыслить... (избранные статьи последних лет)», 2011), в частности – проблеме идеального в постановке Ильенкова.

Идейная последовательность и нравственная цельность позиции С. Н. Мареева, который до последних дней своей жизни оставался верен марксизму как философии свободы, как учению о преодолении всех форм отчуждения человека и возвращения человеку человеческой сущности⁴ не может не вызывать уважения и обязательно послужит притягательным примером для новых поколений философской молодёжи.

⁴ Смотри одну из последних статей С. Н. Мареева «Возвращение человеку человеческой сущности. К. Маркс о коммунизме // Свободная мысль, 2019, №5.

Ф И Л О С О Ф И Я

УДК 130.2

Н. П. Рагозин

(к. филос. наук, доцент)

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: nragozin@inbox.ru

СОВРЕМЕННЫЕ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК ЗЕРКАЛО ПРОТИВОРЕЧИЙ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

***Аннотация.** Статья содержит социально-философский анализ природы знания и образования в современном обществе. Превращение науки и образования в непосредственную производительную силу общества является общепризнанным в современном научном дискурсе. В статье этот процесс рассматривается как овладение капиталом производительными силами науки и образования, и автор предпринимает попытку раскрыть его противоречия и проблемы. В связи с этим рассматривается содержание понятий «образовательные услуги», «общественное благо», «общество знаний», «человеческий капитал».*

***Ключевые слова:** благо, образовательные услуги, человеческий капитал, знания, компетенции.*

Наука и образование, становясь, как и предсказывал К. Маркс, непосредственной производительной силой общества, в рамках капиталистического способа производства приобретают характерную социально-экономическую и культурную форму, которая отличает их от науки и образования предшествующих исторических эпох. Эпоха глобального капитала порождает новые вызовы, на которые возможны различные ответы. Мы рассмотрим две модели реагирования на эти вызовы, персонифицированные позициями ЮНЕСКО и Мирового банка на мировом уровне, а затем посмотрим, как эта проблематика преломляется в научно-образовательных проектах в России.

Такой стереоскопический взгляд позволяет увидеть общее и особенное в процессах преобразования общественного способа производства за счёт изменения роли и способов взаимодействия в нём духовного производства и производства материального. Мы полагаем, что именно это преобразование общественного способа производства, в которое так или иначе вовлечены все страны и народы, составляет содержание того, что называют «глобализацией», в процессе которой рождается новое общество, называемое «обществом знаний», «когнитивным обществом», «экономикой знаний». Это формирующееся на наших глазах новое общество возникает на основе тех общественных форм и отношений, которые получили развитие в рамках позднего капитализма, а потому неизбежно унаследует некоторые его черты. Вопрос заключается в том, какое «наследство» мы сохраним, а от какого откажемся. Каким будет это «общество знаний»? Будут ли знания доступны только привилегированному меньшинству, как это было во всей предшествующей исто-

рии, или знания станут доступны всем членам общества, поскольку для этого впервые в истории возникли все необходимые материально-технические предпосылки?

Позиция ЮНЕСКО по вопросам развития образования и науки в современную эпоху, выраженная в докладе «Переосмысливая образование. Образование как всеобщее благо?» (Париж, 2015), может быть суммирована таким образом. Современная модель образования должна быть ориентирована на устойчивое развитие общества как главную цель. Эту модель отличает гуманистический подход к образованию, что «означает отказ от узкоутилитарного подхода и экономизма с целью учёта всего многообразия измерений человеческого бытия» и «предполагает уделение особого внимания вопросам социальной интеграции групп населения, нередко являющихся объектом дискриминации», что даёт «всем без исключения возможность раскрыть свой потенциал в интересах устойчивого будущего и достойной жизни» [1, с. 10]. Гуманистический подход связан с реализацией права человека на образование, понимаемого как право на развитие человеческой личности. Экономический аспект образования для этого подхода имеет важное значение, однако его сторонники призывают не ограничиваться рамками чисто утилитарной концепцией развития человеческого капитала, свойственной современному либеральному дискурсу. Образование включает воспитание, формирование ценностных установок уважения к человеческой жизни и достоинству человека, необходимых для обеспечения социальной гармонии в условиях многообразия мира. Осознание фундаментальной важности учёта этических аспектов в процессе развития противопоставляется доминирующему в настоящий момент «экономико-центричному дискурсу» [1, с. 37]. Поэтому сторонники гуманистического подхода считают, что следует отказаться от систем обучения, в которых человек воспринимается как товар [1, с. 38].

В докладе ЮНЕСКО отмечается, что характер и масштабы участия частного сектора в оказании образовательных услуг способствуют размыванию границ между государственным и частным образованием [1, с. 83]. В связи с этим авторы доклада ЮНЕСКО выдвигают идею о том, что образование следует понимать как «общее благо». Это понятие отличается от «общественного блага» тем, что оно трактует знание и образование как общее наследие человечества, которое принадлежит всем членам общества, объединённых совместной деятельностью, является инклюзивным и направлено на реализацию основных прав всех людей. Образование как общее благо требует ограничения режима приватизации образования, превращения непосредственно общественных по своей природе знаний в объект частного права. Образование должно реагировать на изменяющиеся потребности современного рынка труда, но такая гибкость должна достигаться за счёт многопрофильности и универсальности системы образования.

Иная модель образования продвигается в проектах Мирового банка⁵. Если выделить её суть, то она заключается в формуле «образование как услуга капиталу». Мировой банк исходит из того, что институт образования предназначен для подготовки квалифицированной рабочей силы для рынка труда, а затраты на её подготовку следует перекладывать на самого носителя рабочей силы, развивая платное образование. При этом объём подготовки наёмного работника не должен превышать суммы знаний и навыков-компетенций, которые будут требоваться функциональными обязанностями той должности, которую ему предложит нани-

⁵ С программой реформы образования, продвигаемой Мировым банком, можно познакомиться по следующим публикациям: [2], [3], [4].

мать. Если в силу научно-технического прогресса профессия исчезает, то работнику следует приобретать новую профессию. «Образование на протяжении всей жизни» здесь понимается не как *процесс саморазвития человека*, а как бег ослика за морковкой, именуемой «образовательным капиталом», который, как мы видим, обесценивается при появлении каждого нового поколения техники и росте безработицы на рынке труда.

Мировая система образования Мировому банку видится выстроенной иерархически. На её вершине находятся «университеты мирового класса», в которых ведутся прорывные научные исследования, сосредоточена мировая элита учёных, учатся наиболее одарённая молодёжь со всего мира. Содержание таких университетов могут позволить только наиболее богатые страны, в первых рядах которых находится США. Ниже этих элитных вузов будут находиться университеты, предназначенные для обеспечения кадрами региональных экономик, а ещё ниже – некие учебные заведения типа «сервисных и сертификационных центров», в которых обучающиеся будут потреблять онлайн образовательный контент и верифицировать свои образовательные достижения.

При сравнении этих двух концептуальных подходов к развитию образования в условиях глобализации мы видим, что подход ЮНЕСКО отличается от подхода Мирового банка тем, что:

1) он рассматривает образование как институт расширенного воспроизводства общества, культуры и человека, в то время как для Мирового банка образование – это подготовка кадров для капиталистического рынка труда и средство расширенного воспроизводства капитала;

2) для ЮНЕСКО образование должно служить не только научно-техническому, но и социо-культурному и духовному прогрессу общества; Мировой банк озабочен научно-техническим и экономическим прогрессом, его подход к образованию технократический и экономико-центрический;

3) ЮНЕСКО настаивает на демократической организации образования, на его доступности и инклюзивности, справедливо полагая, что такое образование может укрепить демократические основы общества, ввести социальные и прочие конфликты современного общества в русло их цивилизованного обсуждения и разрешения; Мировой банк своей иерархической образовательной пирамидой закладывает основы для нового издания сословного общества, в котором глобальная элита будет оснащена высшими достижениями науки и техники, которые позволят ей держать в узде низшие сословия.

Мы видим, что на вызовы глобализации возможны разные ответы, а значит, и сама глобализация может быть наполнена разным содержанием. Общая траектория движения глобализации не содержит в себе ничего фатального, она зависит от выбора каждого государства, от того, насколько удастся найти оптимальную меру сочетания объективных возможностей, открываемых глобальным развитием науки, техники, средств массовой коммуникации, экономики и потребностями каждой конкретной страны, уровнем развития общей и профессиональной культуры её граждан, системой их ценностей и трудовой мотивацией. С этой точки зрения мы предлагаем взглянуть на те проекты реформы образования, которые вызывают острые дискуссии в российском обществе. К их числу принадлежат проекты, которые разрабатывают Агентство стратегических инициатив, Московская школа управления «Сколково», Сколтех – «Будущее образования: глобальная повестка» [5] и «Эпоха «гринфилда» в образовании» [6].

Эти проекты, по-видимому, создаются с благой целью – обеспечить России достойное место в мировой системе образования и науки путём форсированного введения всех мировых образовательных новинок и механизмов управления системой образования. Авторы скрупулёзно собрали все «тренды» в глобальной образовательной системе и с гайдаровской радикальностью собираются по этим лекалам перековать российскую систему образования. Их подход к российской системе образования точнее будет назвать не реформой, а построением в «чистом поле» (*англ. «гринфилд»* – буквально «зелёное поле», в переносном смысле – чистое, неспаханное поле) новой системы образования. Образование для них «нематериальный инвестиционный актив, процесс формирования, фиксации и капитализации которого нужно сделать максимально управляемым», в нём происходит «формирование индивидуальных траекторий обучения под запросы заказчиков». При этом «заказчики» стремятся собственные расходы на образование сделать минимальными, а контроль за ним – максимальным. При такой «оптимизации» полноценное высшее образование предполагается сделать *эксклюзивным*, богатым по содержанию, а массовое образование должно стать усвоением набора «компетенций», необходимых для обслуживания текущих потребностей рынка труда.

В элитарном образовании сохраняется «живое» обучение, но оно «будет сравнительно более дорогим» и, как следствие, будет иметь «премиальный характер». Элитарное образование ещё будет связано с развитием творческого мышления. Но массовое образование на это уже не нацелено. Это образование основано на дистанционном самообучении с последующим тестированием усвоенных компетенций и сетевой оценкой «репутаций» (которые отныне будут заменять публичную проверку профессиональных знаний и навыков). Эта образовательная модель настроена *на разрыв классической связи обучения и научного исследования*, личностной связи преподавателя и студента, и предназначена для подготовки «компетентного исполнителя». Авторитет учёного и учителя заменяется «общественной репутацией», учащийся не входит на время обучения в реальную корпорацию профессоров и студентов, а ориентируется на «бренд» вуза, раскрученный в виртуальном пространстве интернета и «сетевого сообщества». Этот «бренд», нанесенный на свидетельство о прохождении тестирования, предполагается достаточным основанием для получения работы.

Все эти «тренды» преподносятся как состоявшийся факт и совершенно безальтернативная реальность. А единственной функцией высшего образования, по мнению авторов подобных проектов, является *оказание услуг капиталу*.

Авторы этих проектов не отдадут (или отдают?) себе отчёт в том, что они предлагают образовательную систему России подчинить правилам глобальной иерархии, закрепляя Россию на периферии современного мира. Эти проекты проникнуты духом технократизма, для их авторов и учащиеся, и преподаватели являются не субъектами, а объектами образовательных реформ. Авторы проектов не задумываются над тем, насколько отвечают потребностям и интересам членов образовательного сообщества и нуждам страны предлагаемые ими реформы. Видимо они рассчитывают во имя абстрактных «мировых образовательных трендов» проводить эти реформы мерами административного давления. Научное обоснование этих проектов сомнительно, а в практическом плане они ущербны и опасны.

Вся история развития образования и науки свидетельствует, что творческий прорыв в науке и образовании возникает не в условиях возведения кастовых перегородок в обществе, а как продукт синергии больших национальных проектов,

национального единения, усилия по улучшению жизни всех членов общества на основе раскрытия творческого потенциала каждого человека. В этом смысле более предпочтительным выглядит подход к реформе образования и науки, который предложен коллективом ученых Сибирского федерального университета, при участии 730 экспертов из 7 федеральных университетов, 8 национальных исследовательских университетов, 69 вузов и 30 исследовательских организаций, бизнеса и органов власти [7].

Достоинством этого проекта является то, что его авторы отталкиваются от реальных проблем существующей российской системы образования и науки. Они моделируют различные способы решения этих проблем, увязывая реформу науки и образования с возможными сценариями развития России, переживающей период перехода от индустриального общества к постиндустриальному обществу («когнитивному обществу», «экономике знаний»). Успех этого перехода не предрешён. Страна может застрять на фазе «сырьевой экономики», может двинуться по пути «догоняющей модернизации», может удовлетвориться позицией «локального лидера», наконец, может избрать амбициозный сценарий построения «когнитивного общества».

Авторы проекта исходят из того, что образование и наука выполняют значительное количество социальных функций, а не являются всего лишь «служанками капитала», и набор этих функций меняется в зависимости от того, по какому сценарию пойдёт развитие России. Они выделяют такие функции: 1) традиционные функции подготовки кадров и проведения научных исследований; 2) функцию «генерации нового»; 3) функцию удовлетворения образовательных запросов личности; 4) общественно-преобразующую функцию – создание и поддержание «новой социальной реальности», новых коммуникаций и отношений в обществе; 5) функцию поддержания социальной стабильности в обществе.

В случае активного движения России в сторону построения «когнитивного общества» приоритетными станут такие функции, как: 1) проведение фундаментальных научных исследований; 2) создание технических и технологических инноваций; 3) подготовка кадров для высокотехнологических секторов экономики; 4) дополнительное профессиональное образование; 5) переподготовка и повышение квалификации; 6) личностное развитие. При этом могут возникнуть и новые функции высшей школы. В случае же застоя или нисходящего развития высшая школа худо-бедно будет выполнять функции подготовки кадров, служить культурным центром, поддерживать социальную стабильность в обществе, выступая социальным буфером и инкубатором молодежи.

Выше мы уже отмечали, что достоинством проекта Сибирского федерального университета является опора на реальное положение дел в университетском образовании и науке. Именно поэтому эксперты данного проекта, сами являясь университетскими учёными и преподавателями, более взвешенно и осторожно оценивают способность и возможность высшей школы встать на путь реформ. Они отмечают, что высшая школа в настоящее время «находится не в лучшей форме», она испытывает трудности в развитии связей с другими социальными субъектами (производственными компаниями, органами власти, институтами гражданского общества) и потому её превращение в одного из ведущих субъектов создания «когнитивного общества» экспертам представляется проблематичным в перспективе ближайших 10-20 лет. Эксперты сибирского проекта, в отличие от сколковских реформаторов, отмечают, что и сами новые образовательные технологии ещё слабо

разработаны и степень их освоения высшей школой совершенно недостаточна. Поэтому их массовое применение в системе образования станет очередным шоком без терапии.

Эксперты сибирского проекта полагают, что реформа системы образования должна идти эволюционным путём, и в качестве первоочередных её шагов называют следующие меры: 1) поддержка единого образовательного пространства (единые стандарты, нормативы ресурсного обеспечения и т.п.); 2) поддержка «избыточности» образования и науки как основы развития экономики и общества, человеческого потенциала; 3) развитие полицентрической системы высшего профессионального образования, в которой региональные вузы становятся альтернативными центрами стратегии и исследований; 4) отказ от политики концентрации ведущих вузов в столицах, отказ от политики дифференциации высшего образования, «рационализации и оптимизации» высшей школы; 5) модернизация высшей школы путём поддержки лидеров с охватом всей сети вузов; 6) принятие комплекса мер поддержки и закрепления в России молодых талантливых учёных; 7) создание системы стимулов занятия наукой и инновациями аспирантов и молодых преподавателей; 8) организация с участием государства целевой поддержки патентов российских учёных и изобретателей в зарубежных патентных системах; 9) введение преференций и налоговых льгот для инновационных предприятий при университетах.

Если сравнивать «сколковский» и «сибирский» проекты реформы образования, то их отличия можно сформулировать так: первый выражает интересы крупного капитала, который стремится поставить под свой полный контроль науку и образование, в своё время К. Марксом названные «общественными производительными силами». Здесь противоречие между общественным характером науки и образования и частной формой их присвоения предполагается разрешить в пользу частной формы их присвоения. На первый взгляд это делается во имя ускорения научно-технического прогресса, но на самом деле такая реформа носит реакционный характер, создавая новое сословное общество, в котором «высшее сословие» научно-технические достижения может использовать для тотального контроля и программирования жизни и деятельности «низших сословий». Апология такого типа общества уже осуществляется в доктрине «постгуманизма».

«Сибирский» проект реформы образования и науки более широко смотрит на этот процесс, он сохраняет в определённой мере традиции либерально-демократического подхода к пониманию роли науки и образования в обществе. Не случайно его авторы рассматривают современную эпоху как второе Просвещение. Это предполагает, что наука и образование должны служить не только экономически господствующим слоям, но и обществу в целом. Здесь мы наблюдаем попытку нахождения некоей точки равновесия между общественной природой науки и образования и сетью опутывающих их частнособственнических отношений.

В качестве официального представителя общества выступает государство, к которому в первую очередь и апеллируют авторы этого проекта реформ. Но государство является формальным представителем общества, его политический курс определяется степенью влияния на государственную машину различных слоёв общества. В современном мире глобальный капитал рассматривает государство как инструмент защиты и продвижения собственных интересов, но не как представителя общественных интересов. Отсюда – стремление капитала «освободить» государство от социальных обязательств. Во всём мире мы наблюдаем отказ от модели «социального государства», которая возникла во второй половине XX века. Не

обошла стороной эта тенденция и современное российское государство. Поэтому для сохранения гуманистического и демократического направления развития науки и образования недостаточно просто апеллировать к государству. Требуется широкое демократическое движение в защиту образования и науки как достояния всего общества, движение, способное заставить государство служить интересам общества, а не интересам одного лишь капитала.

Такого рода широкий демократический проект реформы российской науки и образования существует в виде движения «Образование – для всех» [8], одним из создателей которого является О. Н. Смолин, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке.

Основными принципами этого проекта развития образования и науки являются: 1) образование – не часть сферы услуг, а один из главных элементов общественного воспроизводства человека; 2) образовательная деятельность – не оказание рыночных услуг, но социальное служение; 3) затраты на образование – не бремя государственного бюджета, которое нужно сокращать, но долгосрочные инвестиции в человека; 4) основная цель образования – многостороннее развитие способностей личности; 5) образовательные отношения учителя и ученика должны иметь не функциональный, но личностный характер; 6) образование должно ориентироваться на фундаментальные знания и ценности (образование ради культуры); 7) залог успеха модернизации, развития человеческого потенциала и национальной безопасности – не элитарное образование для богатых и управляющих, но эгалитарное – образование для всех. Это, так сказать, положительные принципы образовательной реформы.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в обществе вокруг реформы образования идёт борьба различных политических сил, которые продвигают свои принципы и подходы, составители программы «Образование – для всех» сочли необходимым указать, какие позиции они считают для себя неприемлемыми. К ним относятся: 1) приватизация образовательных организаций в любой форме; 2) деление образовательных учреждений на автономные, бюджетные, казённые, которое превращает бюджетные учреждения в коммерческие организации, главной целью которых является извлечение дохода; 3) введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) в качестве единственной (главной) формы выпускных экзаменов в школе и вступительных – в вузах; 4) массовое сокращение вузов; 5) принудительное введение двухступенчатой системы высшего образования во всех или абсолютном большинстве вузов; 6) введение образовательных ваучеров, в том числе в форме государственных именных финансовых обязательств (ГИФО) на основании результатов ЕГЭ; 7) исключение из структуры школьных стандартов минимального содержания образования.

Программа «Образование – для всех» содержит широкий перечень требований, который стремится повернуть государственную политику в сфере науки и образования лицом к потребностям большинства членов общества. Это касается и государственного финансирования этих сфер (повышение расходов на образование в краткосрочной перспективе – не менее чем вдвое; в среднесрочной перспективе – до 10% от валового внутреннего продукта и увеличение расходов на высшее образование не менее чем до 7% от расходной части федерального бюджета) и предлагаемой широкой программы мер социальной защиты и поддержки учащихся и повышения заработной платы преподавателей.

Сопоставляя национальные проекты реформ образования и науки с международными проектами ЮНЕСКО и Мирового банка легко заметить, что национальные проекты тяготеют к двум главным подходам к процессу формирования «общества знания». Вопрос стоит так: либо новые возможности, предоставляемые развитием науки и техники, будут использованы для создания новых общественных отношений и форм общения, облегчающих труд людей и открывающих дорогу большинству членов общества к научному, социальному и художественному творчеству, либо они станут новым инструментом сохранения своего господства в обществе привилегированного меньшинства. Либо эти реформы будут проводиться с широким участием общества и в его интересах, либо они будут проводиться «эффективными менеджерами» за спиной общества и в интересах крупного капитала. Сторонники первого пути формирования «общества знаний» выступают за демократический и гуманистический характер реформ образования и науки. Сторонники второго способа реформирования науки и образования выступают за придание этим реформам элитарного, экономико-центрического и технократического характера.

На национальном уровне мы видим ещё и третий подход к реформам образования и науки. Члены научно-образовательного сообщества по отношению к реформам пребывают в позиции «рыцаря на распутье». Являясь носителями образования и науки и субъектами их развития, они прекрасно отдают себе отчёт в ценности этого национального достояния, в необходимости сохранить его и передать следующим поколениям. Поэтому они не готовы с головой броситься в омут радикальных реформ. С другой стороны, международная научная конкуренция заставляет искать ресурсы для более динамичного развития науки и образования. Однако, в отличие от «эффективных менеджеров», учёные и преподаватели высшей школы знают, что не все зарубежные образовательные «тренды» годятся для развития отечественной науки и образования. Яркий тому пример – внедрение в России Болонской системы.

Научно-образовательное сообщество ищет союзников в проведении назревших реформ, пытаясь наладить взаимодействие с властью, бизнесом и гражданским обществом. Но при выборе союзников нужно исходить из того, с кем совпадают твои коренные интересы. И таким приоритетным союзником может быть только общество, поскольку только в обществе может полнее всего раскрыться общественная природа образования и науки. Образование и наука должны служить интересам развития собственной страны. А что касается места национальной системы образования на глобальном рынке «образовательных услуг», то оно будет определяться привлекательностью социальной модели общества и конкурентоспособностью продукции отечественной науки и техники. Мы будем успешны в том случае, когда будем представлять самостоятельный полюс глобального мира, а не плохую копию мира однополярного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Переосмысливая образование. Образование как всеобщее благо? Париж: ЮНЕСКО, 2015. – 93с.
2. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. – Москва: Издательство «Весь мир», 2003. – 199 с.
3. Салми, Джамиль Создание университетов мирового класса / Джамиль Салми; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009–132 с.
4. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов / под ред. Ф. Дж. Альтбаха, Д. Салми; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2012 – 382 с.
5. Будущее образования: глобальная повестка. Доклад, подготовленный Агентством стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» и Сколтехом в рамках глобального форсайта образования до 2035 года. Краткий текст доклада: edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru.pdf
6. Денис Конанчук, Андрей Волков ЭПОХА «ГРИНФИЛДА» В ОБРАЗОВАНИИ. – Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО (SEDeC) сентябрь 2013. – 45 с.
7. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад, под ред. В. С. Ефимова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 182 с.
8. Смолин О. Н. Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. – М.: Проспект. – 2006. – 416 с.

N. P. Ragozin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nragozin@inbox.ru

**MODERN REFORMS OF EDUCATION AND SCIENCE
AS A MIRROR OF LATER CAPITALISM CONTRADICTIONS**

***Annotation.** The article gives social and philosophic analysis of nature of knowledge and education in contemporary society. Transformation of science and education into society's producing force itself is commonly acknowledged in modern scientific discourse. This process is studied in the article as obtaining capital by producing force of science and education, and the author takes an effort to enlighten its contradictions and problems. Due to this, the essence of the following concepts is studied: 'education services', 'society benefit', 'society of knowledge', 'human capital'.*

***Key words:** benefit, education services, education services' market, human capital, knowledge, competencies.*

Поступила в редакцию 5 ноября 2019 г.

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

О ФИЛОСОФСКОМ ОБОСНОВАНИИ ТРУДА, ИЛИ: О НЕОБХОДИМОСТИ КРИТИЧЕСКОГО «СВЕДЕНИЯ СЧЁТОВ» С НЕДАВНИМ ФИЛОСОФСКИМ ПРОШЛЫМ

***Аннотация.** Предлагаемая статья посвящена анализу причин кризисной ситуации, сложившейся в марксистской философии советского периода к 80-м годам XX века и проявившейся в виде противоречий трудовой теории антропосоциокультурогенеза. Наметившаяся в рамках философского мышления тенденция отказа от труда как базового философского принципа объяснения общественно-исторического развития остро поставила в повестку дня вопрос о действительном содержании категории «труд» в марксизме и о необходимости философского обоснования труда как теоретического принципа. В связи с этим автор предпринимает критический анализ сложившейся в философии советского периода системы взглядов на труд и ставит вопрос о том, является ли вообще имеющееся на сегодняшний день обоснование труда (представленное анализом его категориальной схемы «цель – средство – результат») философским или за философское обоснование долгие десятилетия неправоммерно принималось нечто совсем иное, например – его политэкономическое обоснование, развитое и представленное классиками буржуазной экономической мысли, всесторонне рассмотренное К. Марксом в «Капитале», в итоге подвергнутое им критике и преодоленное в составе более глубокой системы взглядов на труд? Тогда в чём же состоит суть Марксова «открытия труда»?*

***Ключевые слова:** труд как субстанция исторического развития, противоречия трудовой теории антропосоциогенеза, «труд вообще», экономическое обоснование труда, философское обоснование труда.*

I. К постановке проблемы

Если бы непременным условием всякого научного труда считалось наличие эпиграфа к нему, то таким эпиграфом к нашему очерку вполне могли бы послужить слова, сказанные Николаем Гартманом в предисловии к своей знаменитой работе: «Проблемы, будучи однажды открыты, развиваются в истории по своему собственному закону. До своего окончательного разрешения они не теряют своей значимости, насколько бы в то или иное время ни удалялась от них животрепещущая заинтересованность» [1, с. 71].

Приведённые слова Н. Гартмана наилучшим образом вводят в суть проблемы, долгое время считавшейся решённой и даже получившей в марксистской философии советского периода статус завершённого мировоззрения. Имя этому мировоззрению – *материалистическое понимание истории*. Его центральный тезис – положение о труде как всеобщей основе общества и истории. За время, истекшее после Маркса, этому положению было посвящено немало книг, статей, исследований. Назовём лишь некоторые, наиболее значимые работы: Давыдов Ю. Н. «Труд и свобода» [2]; Кузьмин В. П. «Принцип системности в теории и методологии К. Марк-

са» [3]; Поршнева Б. Ф. «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» [4]; Спиркин А. Г. «Труд» [5]; Барулин В. С. «Социальная философия» [6]; Туровский М. Б. «Труд и мышление» [7]; Туровский М. Б. «Предыстория интеллекта. Избранные труды» [8].

Несколькими поколениями философов были детально проработаны отдельные, частные аспекты этой обширной проблематики, так и не приведшие к желаемому результату – *обоснованию труда как субстанции исторического развития*, пока, наконец, философская мысль, обессилев в бесплодном цитировании классиков марксизма, не отвернулась от этой проблематики вовсе, в одночасье потеряв к ней всякий интерес и задвинув её в дальний угол как ненужную философскую ветвь. Сегодня, полтора века спустя после совершённого Марксом философского «открытия труда», приходится констатировать, что этот основополагающий философский принцип всё ещё ждёт своего развёрнутого философского обоснования.

Актуальность обращения к проблеме философского обоснования труда как универсальной основы человеческой истории, общества и культуры в ближайшем будущем будет возрастать всё более и более по мере того, как будет идти осознание тупиковости постмодернистской методологии истории – с одной стороны, а с другой стороны – по мере того, как будет становиться очевидной бесплодность поисков универсальных начал истории в рамках цивилизационного подхода, обречённого на эмпиризм по самой своей сути. Сказанное требует уточнений, а именно: признание ограниченности цивилизационного подхода *как методологии* не означает отрицание значимости и необходимости изучения *цивилизации как специфической формы и ступени* общественного развития.

Вот почему нельзя не согласиться с утверждением Н. Гартмана о существовании действительных, а не навеянных сиюминутной прихотью или иными соображениями проблем, которые, будучи однажды открыты, развиваются в истории по своему собственному закону, не зависящему от произвола познающих их субъектов; проблем, которые невозможно ни *отменить*, ни *запретить* декретами именно потому, что они являются теоретическим выражением объективных тенденций общественного развития.

Более того, такого рода проблемы, нимало не теряя своей значимости даже тогда, когда от них пытаются отмахнуться в угоду модным веяниям эпохи, постоянно напоминают о себе нерешённостью тех задач, над которыми тщетно бьётся современность, всуе не осознавая, что эти вызывающие «животрепещущую заинтересованность» задачи сами могут получить своё принципиальное разрешение лишь при условии осмысления преданных забвению фундаментальных философских проблем.

К числу именно таких проблем относится *философское обоснование роли труда как субстанции-субъекта истории* (истории становления и развития человека, общества и культуры) – проблема, которая в качестве философского кредо хотя и была заявлена и поставлена марксизмом, но по ряду причин по сей день не получила развёрнутого теоретического обоснования.

В связи с этим, резонно встаёт ряд вопросов, очерчивающих содержание задач настоящего исследования. Прежде всего, это касается необходимости осознания того, *что* собой представляет в теоретическом отношении сложившееся за годы *после Маркса* понимание труда, нашедшее воплощение в обширной философской литературе. Это – та часть (плоскость) единого целостного анализа означенной выше проблемы, которую условно можно было бы назвать «сведением счётов с недавним философским прошлым».

Такое сведение счётов с нашим недавним философским прошлым необходимо для осмысления и выявления причин (методологического и мировоззренческого свойства), не позволивших «философскому открытию труда» превратиться в широко используемый действенный инструмент исследования человеческого общества, его истории и культуры. И, наконец, самое главное и интригующее: в чём суть *философского обоснования труда* в отличие от обоснования, сложившегося в исследовательской литературе на сегодняшний день?

II. О противоречиях трудовой теории антропосоциокультурогенеза

Ответы на поставленные выше вопросы предполагают анализ и преодоление некоторых укоренившихся ещё с советских времён стереотипных взглядов на труд – взглядов, приобретших силу предрассудков и потому заслуживающих быть подвергнутыми критике.

Первый и самый, пожалуй, массовый стереотип в отношении понимания труда как основы общества и истории, призванного объяснить *начало* человеческой истории, связан с представлением о труде как *орудийной деятельности* или, если брать шире, – с представлением о *труде вообще* как процессе, производящем *вещи*: «Труд..., - пишет один из ведущих исследователей этой проблемы М. Б. Туровский, - есть сама деятельность по изготовлению вещей, служащих для удовлетворения человеческих потребностей» [8, с. 78].

Благодаря такой интерпретации труда, ставившей во главу угла его чувственно-предметный характер, обусловленный тем, что он есть *деятельность, производящая вещи*, действительное содержание труда как основы общества и истории оказывалось усечённым до объёма одной из его сторон, одной из особенных форм его существования, представленной известной всем категориальной схемой «цель – средство – результат». Именно анализ данной схемы, принимавший у разных авторов вид различных сочетаний между собой структурных элементов «*труда вообще*», некритически воспринимался ими как философское обоснование субстанциальной роли труда – *быть реальной основой общества и истории*.

Такой взгляд на труд всегда подкреплялся соответствующими ссылками на многочисленные места в «Экономических рукописях 1857-1861гг.» и «Капитале». При этом многие авторы даже не пытались ставить вопрос о специфике *философского понимания* труда в отличие от его *политэкономической трактовки*, как и в целом – о специфике взглядов, развиваемых Марксом-экономистом и Марксом-философом.

Вместе с тем, указанное рассмотрение труда по определению не могло привести к его обоснованию в качестве *начала* и *всеобщей основы* человеческого общества и истории хотя бы потому, что категориальная структура «цель – средство – результат» была выработана философской и политэкономической мыслью эпохи Просвещения (каждой из них – для своих специфических нужд) в качестве формулы, отражающей механизм *индивидуальной деятельности человека*⁶ и потому задающей исключительно *антропоморфный*, а не *социоморфный* взгляд на историю,

⁶ Поскольку ранее, в связи с анализом *деятельностного подхода*, нам уже доводилось высказываться о концептуальных границах категориальной структуры «цель – средство – результат», постольку мы отсылаем читателя к нашей статье «Концептуальные границы деятельностного подхода: критический анализ» (См.: [9]).

в силу чего она не может служить объяснением происхождения такого феномена, как *общество*. Это – во-1-х.

Во-2-х, эта формула орудийной деятельности как *труда вообще*, содержащего в своей структуре *цель* в качестве необходимого компонента своего функционирования, *уже* предполагает наличие *готового* человека с *готовым* сознанием, – человека, *уже* способного отличать себя от природы и противопоставлять себя окружающему миру. Такая точка зрения, сводившая труд к *орудийной деятельности индивида*, структурно представленной схемой «цель – средство – результат», вопреки своим исходным установкам – объяснить происхождение человека с его сознанием из труда как основы, их порождающей, – делала проблему антропогенеза принципиально неразрешимой логической коллизией, обрекая философскую мысль на вечное вращение внутри замкнутого круга ⁷.

Эту общую всем философам послемарксовского периода точку зрения высказывает в своей статье «Труд» А. Г. Спиркин: «Цель предваряет во времени и регулирует сам процесс труда» [5, с. 262], – пишет Спиркин, подкрепляя этот взгляд знаменитой цитатой из «Капитала» о пчеле и архитекторе. Как ни крути, а получалось, что философское сообщество, чем белее педантично оно старалось следовать положениям классиков, тем прочнее загоняло себя в тупик, оказавшись в котором оно, наконец, вынуждено было обескураженно задать самому себе вопрос: «так кто же кого создал: труд – сознание или сознание – труд?»

Никакие терминологические ухищрения, никакие заклинания в виде многократно повторяемой сакраментальной энгельсовской фразы «Труд создал самого человека...», никакие упования на магическую силу цитат классиков не могли устранить этот порочный круг: труд как *предпосылка*, с помощью которой требовалось объяснить происхождение сознания как некоего *результата*, уже содержал в себе сознание в качестве готового структурного элемента. Или, иначе: сознание как *результат* и *следствие*, которое только ещё должно было быть выведено из труда как *предпосылки* и *условия* его возникновения, само в качестве структурного элемента оказывалось необходимым *условием* и *предпосылкой*, обуславливающей возможность осуществления труда. Зайдя таким образом окончательно в тупик, данное направление философских поисков не нашло ничего лучше, как просто отбросить за ненужностью эту проблематику, переключив свою «животрепещущую заинтересованность» на другие проблемы.

В связи с этим, напрашивается ряд вопросов принципиального характера: почему авторы, пытавшиеся строить философское обоснование основополагающей роли труда как фактора антропосоциогенеза в полном, казалось бы, соответствии с характеристиками, даваемыми труду Марксом, тем не менее, всегда неизбежно оказывались в логическом тупике? Является ли вообще такое обоснование (представленное анализом «труда вообще» и его категориальной схемы «цель – средство – результат») *философским* или за философское обоснование долгие десятилетия неправоммерно принималось нечто совсем иное, например – его *политэкономическое* обоснование, развитое и представленное классиками буржуазной экономической мысли, всесторонне рассмотренное К. Марксом в «Капитале», в итоге подвергнутое им критике и преодоленное в составе более глубокой системы взглядов на труд?

⁷ В этом отношении весьма показательна и статья Д. В. Гурьева с характерным названием «Предшествовал ли труд сознанию?» (См.: ж. «Вопросы философии», 1967, № 2) [10].

Если так, то не вела ли подобная не критическая позиция к понятийной инверсии и, как следствие, к утрате *послемарксовской* философской мыслью своего действительного, собственно философского аспекта исследования труда? Не в этом ли состоял камень преткновения?

Чтобы ответить на возникшие вопросы, необходимо выяснить следующее: что именно представляет собой в содержательном плане категория «труд вообще», чьи характеристики, свёрнутые в формуле «цель – средство – результат», чаще всего использовались авторами, мнившими, что они воссоздают *Марксову философскую позицию* по этому вопросу? В частности, откуда и как появляется в научном словаре Маркса категория «труд вообще», каково её предназначение и границы применимости?

III. Об отличии философской категории «труд» от «труда» как политэкономической категории

Главное произведение К. Маркса «Капитал», равно как и его первоначальный вариант, вошедший в историю под названием «Экономические рукописи 1857 – 1861 гг.», не оставляют ни малейшего сомнения в том, что труд рассматривается в них как *экономическая категория*, становление содержания которой было непосредственно сопряжено со становлением *предмета* экономической науки. Поэтому во *Введении* к «Экономическим рукописям 1857 – 1861 гг.», а точнее – в разделе «Метод политической экономии» Маркс детально останавливается на раскрытии содержания этой «простейшей абстракции, которую современная политическая экономия ставит во главу угла» [11, с. 42]. «Труд, – пишет Маркс, – кажется совершенно простой категорией. Представление о нём в этой всеобщности – как о *труде вообще* – является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», *экономически рассматриваемый* в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию» – (курсив наш – Т. Р.) [11, с. 41].

Что же означает «труд вообще», рассматриваемый *экономически*, и чем он отличается от «труда» как такового, рассматриваемого *философски*?

Дело в том, что категория «труд вообще» в политэкономии была выработана в ходе долгих поисков ответа на вопрос «Какова природа богатства? Откуда и как оно возникает? Что является *источником* богатства и как возможно его *приращение*?» Поскольку на разных этапах становления экономической науки имелись разные ответы в зависимости от того, *что именно* понималось под богатством, постольку Маркс даёт блестящий по глубине и лаконичности очерк становления представлений о богатстве как предмете политической экономии, параллельно раскрывая сущность и природу представлений о *труде вообще*.

«Монетарная система...», – пишет Маркс, – рассматривает богатство ещё всецело как нечто объективное, полагая его, как вещь, вовне – в деньгах. По сравнению с этой точкой зрения было большим шагом вперёд, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, однако сама эта деятельность всё ещё понималась ограниченно, как деятельность, производящая деньги» [11, с. 41].

И в самом деле, перенесение источника богатства из *предмета* в *субъективную деятельность* было несомненным шагом вперёд в ряду других, последовав-

ших за ним шагов, как показало дальнейшее развитие экономической мысли. Так, например, противостоявшая этой системе «физиократическая система, - продолжает очерк Маркс, - ...признаёт в качестве труда, создающего богатство, определённую форму труда – земледельческий труд, а самый объект она видит уже не в денежном облачении, а в продукте вообще, во всеобщем результате труда. Этот продукт, однако, соответственно ограниченному характеру деятельности, всё ещё рассматривается как продукт, определяемый природой, как продукт земледелия, продукт земли *par excellence*» [11, с. 41].

Вот он, новый шаг вперёд – физиократы усматривают богатство уже *не в деньгах только*, а в *продукте вообще*, т.е., во *всеобщем результате* труда, хотя и мыслят этот *продукт вообще* пока весьма ограниченным образом и по сути дела неверно, а именно – как *продукт, определяемый природой*, как *продукт земли* (природы), а *не собственно человеческого труда*. Этот принципиальный недостаток проистекал из того обстоятельства, что экономисты, рассматривая богатство, продолжали связывать его источник с каким-либо *конкретным, определённым видом труда*, то есть – с трудом в его *особенной форме*, анализ которой при всём их желании не мог привести к обнаружению *всеобщего закона* происхождения и функционирования богатства именно потому, что они обращались к анализу его *особенных форм*, а не *формы всеобщности*.

Для понимания же труда как *субстанции стоимости* произведённых продуктов, то есть, для понимания труда как *источника стоимостных свойств* товаров, позволявших в реальной практике товарообмена приравнивать различные потребительные стоимости в определённых пропорциях друг к другу и на этом основании осуществлять обмен одного товара на другой, – для этого необходимо было уйти от рассмотрения конкретных, особенных, определённых форм труда и перейти к анализу его всеобщей формы – к *труду вообще*: к труду как *целесообразной деятельности вообще*, создающей богатство.

Такое сведение определённых видов труда к его абстрактной всеобщности в виде *целесообразной деятельности как таковой*, создающей богатство, с необходимостью влекло за собой также и признание созданного трудом богатства как *продукта вообще*. Более того, это делало возможным взгляд на богатство (этот *продукт вообще*) как на *результат труда* и, следовательно – как на *тот же самый труд*, только овеществлённый, застывший в готовом продукте. А это, в свою очередь, уже рождало взгляд на труд как на *источник* всякого богатства, на труд как *субстанцию стоимости*.

«Огромным шагом вперёд Адама Смита, - фиксирует Маркс немеркнущую заслугу своего предшественника, - явилось то, что он отбросил всякую определённость деятельности, создающей богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признаётся также и *всеобщность предмета, определяемого как богатство*; это – *продукт вообще* или опять-таки *труд вообще*, но уже как прошлый, овеществлённый труд» – (курсив наш – Т.Р.) [11, с. 41].

Революционизирующее для развития экономической мысли значение данного шага состояло в том, что отныне проблема поиска источника богатства как *некоей находящейся вне самого богатства причины* оборачивалась совсем другой проблемой, а именно: проблемой внутреннего отношения предмета к самому себе, или, что то же самое, – проблемой отношения различных его моментов друг к другу в

составе целого, что собственно и получило своё логическое завершение в появлении *экономической категории* «труд вообще». И только с этого момента труд, получив в экономических теориях своё отражённое существование в форме *труда вообще*, оказывается представлен такими его всеобщими моментами, как: **а) собственно целесообразная деятельность** или *цель* + **б) взятые вместе, предмет труда и орудие труда** осмысливаются как *средства труда* + **с) продукт труда** как готовый *результат* всего процесса:

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{целесообразная} \\ \text{деятельность} \\ \text{цель} \end{array} \right\} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{предмет труда} \\ + \text{орудие труда} \\ \text{средство} \end{array} \right\} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{продукт труда} \\ \text{результат}^8. \end{array} \right\}$$

Именно таким путём в рамках развития экономической мысли рождается знаменитая категориальная формула-схема «цель – средство – результат», которая и становится абстрактно-всеобщим выражением *экономической точки зрения* на труд как предмет классической буржуазной экономической науки. Поскольку эта формула позволяла объединить все условия возникновения богатства в один общий процесс труда как целесообразной деятельности, в котором они выступали как всего лишь *его моменты*, постольку оказалось возможным осмыслить богатство в его *всеобщей форме*, о чём уже было сказано выше.

Иначе говоря, сведение труда к его абстрактно-всеобщему выражению, представленному формулой «цель – средство – результат», позволило увидеть, что богатство существует не только в форме *продукта* как готового *результата* труда, но и в форме *средств труда*, представленных *предметом труда* и *орудием труда*, которые тоже стали пониматься как *формы богатства*, ибо они тоже были результатами и продуктами труда, хотя и прошлого, овеществлённого труда.

Шаг, который оставалось сделать – это увидеть в самом труде как живом процессе целесообразной деятельности тоже *особую форму богатства*. И этот шаг был сделан, богатство как предмет экономической науки было, наконец, осмыслено *всеобщим образом*: как существующее во всех трёх ипостасях, охватываемых формулой «цель – средство – результат», а значит – как *труд вообще*, как *целесообразная деятельность человека*, создающая необходимые для его существования средства – (потребительные стоимости). Кстати, именно этот шаг обусловил переход буржуазной экономической науки от фазы её существования в качестве разрозненных эмпирических доктрин к собственно *экономической теории как системе научных взглядов*.

«Как труден и велик был этот переход» [11, с. 41] – восклицает Маркс. В чём же заключалось его величие? Его величие состояло в том, что такое представление о богатстве, взятом в его всеобщей форме, одновременно позволяло увидеть *единое основание* всех особенных форм его существования, в качестве которого отныне выступал *труд*.

⁸ Достаточно сравнить точку зрения на труд, развиваемую новоевропейской экономической наукой, с трактовкой труда в одноимённой статье А. Г. Спиркина, опубликованной в «Философской энциклопедии» [5, с. 261-262], являвшейся точкой зрения, официально признанной философским сообществом конца XX века, чтобы увидеть их идентичность и, как следствие, некритическое отождествление политэкономического и философского аспектов анализа труда.

Иначе говоря, величие этого перехода состояло в том, что он позволил осмыслить *формы богатства* как *формы труда* и благодаря этому увидеть, как труд буквально *перетекает* из одной формы своего существования (из формы *живой целесообразной деятельности*) в другую форму своего же существования (в форму *продукта* труда, который в новом производственном акте мог принять уже форму *предмета* или *орудия* труда) и как поэтому все эти формы богатства получают *единое измерение* – измерение *трудом*, а точнее – измерение *количеством труда*. Величие этого перехода состояло, следовательно, в том, что он позволил понять труд как *единую причину* и *единый источник* всякого богатства, всех без исключения производимых людьми вещей (всех потребительных стоимостей) и, тем самым, впервые понять труд как *субстанцию стоимости*.

Как видим, история становления английской экономической мысли на протяжении нескольких столетий, начиная с монетарных систем и заканчивая *трудоустройственной теорией стоимости* А. Смита и Д. Рикардо, была напрямую сопряжена с формированием представлений о «труде вообще», завершившимся выработкой его абстрактно-всеобщей формулы «цель – средство – результат», которая, собственно, и легла в основу рикардовского *закона стоимости* – закона, базирующегося на понимании *труда как меры стоимости*, на признании того, «... что стоимость товаров определяется количеством реализованного в товарах труда» [12, с. 15].

Благодаря этому абстракция «труд вообще», вобравшая в себя в свёрнутом виде всю предшествующую историю экономических учений, становится в итоге тем ферментом, чьё революционизирующее влияние на экономическую мысль находит своё выражение в изменении представлений о самом *предмете* экономической науки: если до Адама Смита таким предметом выступало *богатство*, то теперь – *труд, создающий богатство*.

Так вот, именно этот «... "труд вообще", труд *sans phrase* [без дальних разговоров]», который «... не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще...» [11, с. 42], – именно этот (как специально оговаривает Маркс) *экономически рассматриваемый труд* как раз и получает своё обобщённое выражение в знаменитой формуле «цель – средство – результат», которую марксистская философия советского периода на протяжении многих десятилетий использовала для решения своих философских нужд, полагая, что таким образом она осуществляет развёрнутое обоснование *материалистического понимания истории*.

Некритически отождествив *экономически рассматриваемый труд* с собственно философской позицией Маркса по поводу сущности общественно-исторического развития, сведя труд преимущественно к *деятельности, производящей вещи*, современные последователи Маркса прочно загнали проблему философского обоснования труда в логический тупик.

Вся курьёзность сложившейся ситуации состоит в том, что таким образом материалистическое понимание истории большинством философов-марксистов некритически отождествлялось даже не с экономической точкой зрения на труд *самого К. Маркса* (ибо его теоретическая позиция принципиально отличается от рассмотренной выше позиции А. Смита и Д. Рикардо, связанной как раз с абстракцией «труд вообще» и потому *именно в этом пункте* подвергнутой критическому анализу со стороны Маркса), а с экономической точкой зрения *классиков буржуазной политической экономии*, которые, согласно характеристике Ф. Энгельса, сами ещё «оставались в плену экономических категорий, которые они нашли у своих пред-

шественников» [12, с. 20], которые, в свою очередь, исповедовали сложившиеся на заре эпохи Просвещения и восходящие к точке зрения Т. Гоббса и других представителей старого материализма сугубо антропоморфные взгляды и представления об истории как сознательной деятельности индивидов, преследующих свои интересы и цели. Вот ведь какая незадача!

Поскольку всё это не могло не «аукнуться» последствиями методологического характера для советской школы марксизма, окончательно запутавшейся в своих внутренних противоречиях и почти переставшей существовать к концу XX века, постольку в современной "повестке дня" актуальными для дальнейшего развития философии оказываются следующие вопросы:

1) чем *философское обоснование труда*, развитое марксизмом в рамках материалистического понимания истории, принципиально отличается от «*экономически рассматриваемого труда*», представленного точкой зрения буржуазной политической экономии? – это одна линия различий;

2) чем трудовая теория стоимости Маркса принципиально отличалась от трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии? – это другая линия различий;

3) и, наконец, чем *философское обоснование труда*, представленное в рамках материалистического понимания истории, принципиально отличается от разработанного самим же К. Марксом *экономического учения о труде*? – это третья линия различий.

IV. О методологических возможностях и границах экономической категории «труд вообще»

Начнём с выяснения сути различий, существующих между философским обоснованием труда, на котором базируется материалистическое понимание истории, и точкой зрения на труд классиков буржуазной экономии.

В прямой связи с поставленной задачей попытаемся выяснить вопрос о том, в каком же «плену» (если верить Энгельсу) и каких конкретно «экономических категорий, которые они нашли у своих предшественников» [12, с. 20], оставались классики буржуазной экономической мысли А. Смит и Д. Рикардо, ставя «во главу угла» развиваемых ими теорий прибавочной стоимости категорию «труд вообще», содержательное значение которой представлено формулой «цель – средство – результат». Для этого обратимся к выдающемуся произведению другого классика политической экономии, а именно – к «Теориям прибавочной стоимости» Карла Маркса, где он даёт развёрнутое изображение «физиократических предрассудков» [13, с. 40], в плену которых, несмотря на осуществлённый ими переход к новому, более глубокому пониманию природы буржуазного производства, продолжали оставаться оба теоретика трудовой теории стоимости.

Первое, что подлежит констатации, так это то, что и Смит (который, по характеристике Маркса, «был сильно заражён физиократией» [13, с. 36]), и Рикардо вместо того, чтобы подвергнуть критике все основные категории физиократов, вместо того, чтобы «свести теоретические счёты» со своими предшественниками, продолжали во многом некритически (т.е., попросту не отдавая в этом себе отчёта) руководствоваться свойственным ещё физиократам «...их общим взглядом на природу стоимости, которая в их понимании *не есть определённый общественный способ существования человеческой деятельности (труда)*, а состоит из *вещества, давае-*

мого землёй, природой, и из различных видоизменений этого вещества» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 14].

«Смешение, или, вернее, отождествление стоимости с веществом природы, а также связь этого взгляда со всей системой воззрений физиократов» [13, с. 31] составляли главный «физиократический предрассудок», который имел свои вполне определённые социальные и гносеологические корни: «...различие между стоимостью рабочей силы и той стоимостью, которая создаётся путём применения этой рабочей силы, - указывает Маркс, - <...> ни в одной отрасли производства не выступает так осязательно и бесспорно, как в земледелии... Сумма жизненных средств, потребляемых рабочим из года в год, или масса вещества, потребляемая им, меньше той суммы жизненных средств, которую он производит» [13, с. 14]. Поэтому понятно и объяснимо, почему все физиократы «стоимость сводят к потребительной стоимости, а последнюю – к веществу вообще» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 17].

Однако, если для физиократов такое понимание было абсолютно естественным и вполне объяснимым, поскольку вся физиократическая система взглядов соответствовала «буржуазному обществу той эпохи, когда оно вылупляется из феодализма» [13, с. 21], то для «трудовиков» Смита и Рикардо это было уже чем-то не совсем простительным, закономерно повлекшим за собой роковые для всей классической буржуазной экономики последствия.

Именно из указанного понимания физиократами природы стоимости проистекало главное противоречие всей их системы взглядов, некритически унаследованное их преемниками А. Смитом и Д. Рикардо и перенесённое на почву трудовой теории стоимости: «...для неё, впервые пытавшейся объяснить прибавочную стоимость присвоением чужого труда, притом присвоением на основе товарного обмена, - подчёркивает Маркс несуразность сложившейся ситуации в теории физиократов, - стоимость вообще не есть форма общественного труда, а прибавочная стоимость не есть прибавочный труд; для неё стоимость – это только потребительная стоимость, только вещество, а прибавочная стоимость – только дар природы, которая возвращает труду вместо данного количества органического вещества большее его количество» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 23].

Вот так и получилось, что «...прибавочная стоимость - фиксирует положение дел К. Маркс, - <...>выводится из природы, а не из общества, из отношения к земле, а не из общественных отношений» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 23]. Вот он, тот главный порок, который некритически унаследовали от физиократов классики буржуазной политэкономии А. Смит и Д. Рикардо, перенесшие его на почву трудовой теории стоимости.

Именно этот главный недостаток, свойственный всей системе воззрений физиократов, латентно продолжал влачить своё существование и в недрах новой системы взглядов Адама Смита (и Д. Рикардо), исподволь разлагая её и предопределяя воспроизведение на почве новых взглядов старых предрассудков, которые Маркс педантично фиксирует в III-ей главе «Адам Смит», специально выделив это в отдельный пункт, озаглавленный «Элементы физиократической теории у Адама Смита». В чём же заключались эти элементы физиократической теории у А. Смита?

Резюмируя существо и новизну проблематики, которую, в противовес монетаристской системе, поставили в повестку дня экономической науки XVIII века физиократы, Маркс констатирует следующее: «...сущность капиталистического производства физиократы усматривали в производстве прибавочной стоимости. Имен-

но это явление им надлежало объяснить. <...> Но откуда в таком случае берётся прибавочная стоимость, т. е. откуда берётся капитал? Такова была проблема, стоявшая перед физиократами» [13, с. 34].

К слову сказать, эта же самая проблема стояла и перед создателями трудовой теории стоимости – А. Смитом и Д. Рикардо, только вот способы решения этой проблемы, которые обусловили различия между двумя школами и прогресс в развитии экономической мысли, значительно отличались друг от друга. Так, например, физиократы считали, что собственно *производительный труд* имеет место исключительно в сфере *земледелия*, в связи с чем земледелие трактовалось ими «...как та отрасль производства, в которой только и имеет место капиталистическое производство, т. е. производство прибавочной стоимости» [13, с. 21], которую они сводили к *земельной ренте*⁹.

Иначе говоря, прибавочная стоимость (капитал) создаётся, с точки зрения физиократов, только в сфере земледелия. За счёт чего? – За счёт *прироста вещества природы*. С этим как раз и была связана их главная ошибка, о которой уже говорилось выше и которую вскрыл Маркс: «Их ошибка заключалась в том, что *прирост вещества*, который вследствие естественного произрастания растений и естественного размножения животных отличает земледелие и скотоводство от промышленности, они смешивали с *приростом меновой стоимости*. Для них основой была *потребительная стоимость*. А *потребительной стоимостью всех товаров* <...> было для них *вещество природы как таковое...*» (Курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 34-35].

Так вот, уйдя далеко вперёд по сравнению с физиократами, перестав отождествлять труд, производящий прибавочную стоимость (богатство), только с земледельческим трудом и распространив его на все отрасли общественного производства, благодаря чему у А. Смита начинает фигурировать «просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой» [11, с. 41], обосновав взгляд на труд как на «простую субстанцию» и источник *всякого* богатства, – сделав этот, по характеристике Маркса, «огромный шаг вперёд» в направлении к правильному пониманию истинной природы капитала, Адам Смит, тем не менее, именно в вопросе о *происхождении* капитала, продолжал разделять с физиократами тот предрассудок, согласно которому первоначальное возникновение капитала происходило путём "*сбережения*" и "*накопления*" излишков произведённого продукта (вещества природы, натурально-вещественных компонентов богатства в целом), а не путём эксплуатации чужого труда.

Не случайно поэтому Маркс хвалит другого известного экономиста – Гарнье (критика А. Смита) за то, что тот «...совершенно правильно нащупывает, что теория А. Смита о накоплении посредством сбережения покоится на этой физиократической основе» [13, с. 35].

Вывод из сказанного, который важен для нашего дальнейшего анализа, может быть сделан следующий: *капитал* в целом, несмотря на то, что в качестве его простой субстанции и всеобщей основы у А. Смита и Д. Рикардо уже фигурирует «*труд вообще*», тем не менее, продолжал рассматриваться ими исключительно со стороны его натурально-вещественной формы – как мир предметного богатства,

⁹ *Промышленность* же и *торговлю* они рассматривали как такие отрасли, в которых происходит только дальнейшее перераспределение земельной ренты, но которые сами прибавочный продукт не производят.

как совокупность потребительных стоимостей, как *мир вещей*, а не как мир *общественных отношений*, – словом, не как *общественная форма* организации человеческой деятельности (труда).

А всё потому, что классики буржуазной политэкономии, как абсолютно верно вслед за Марксом охарактеризовал положение дел Ф. Энгельс, «оставались в плену экономических категорий, которые они нашли у своих предшественников» [12, с. 20], в частности – в плену такой категории, как *стоимость*, содержание которой (некритически воспринятое «трудовиками») ещё задолго до них физиократами было сведено к *потребительной стоимости* (и, тем самым, – к веществу природы).

Однако, и это ещё далеко не всё то, что без должной критической переработки переключалось от физиократов и свойственного им сугубо натуралистического понимания природы стоимости в теоретические построения Смита и Рикардо.

Именно потому, что у физиократов «... *стоимость сводится всего лишь к потребительной стоимости, следовательно к веществу*», именно поэтому, указывает Маркс, «...в этом веществе физиократов интересует *только количественная сторона*, избыток произведённых потребительных стоимостей над потреблёнными, следовательно *только количественное отношение потребительных стоимостей друг к другу...*» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с 23].

Этот чисто *количественный* взгляд на природу *стоимости*, являвшийся существенным недостатком всех физиократических учений, будучи перенесён в трудовую теорию стоимости сначала у Смита, а затем у Рикардо, распространяется также и на понимание *прибавочного продукта вообще*, равно как и на понимание его всеобщей меры – на «*труд вообще*», который совсем не случайно, а вполне закономерно тоже предстаёт только со своей количественной стороны, – со стороны, которая становится его главной содержательной начинкой, породившей принципиальную ограниченность новых теорий, а именно: чисто количественное понимание *прибавочной стоимости*, которая именно в силу этого не могла быть понята со своей качественной стороны – со стороны *общественной формы*.

Как видим, в рамках трудовой теории стоимости в качестве пережитков продолжали воспроизводиться, причём уже на расширенной основе, два главных предрассудка физиократической системы воззрений: *натурализм* в понимании природы прибавочной стоимости (капитала) и чисто *количественный* взгляд на её сущность, которые принципиально закрывали путь к дальнейшему научному анализу капиталистического производства, не позволяя сделать предметом анализа его *общественную, конкретно-историческую форму*.

Вот эти-то пороки и недостатки предшествующей буржуазной экономической мысли, которые, как губка, впитала в себя категория «*труд вообще*», поставленная во главу угла классической буржуазной экономией, продолжали незримо оказывать своё губительное, разлагающее действие, только теперь уже на расширенной основе¹⁰ – внутри трудовой теории стоимости, порождая новые противоречия между теорией и действительностью, не позволяя мысли «понять внутреннюю связь явлений» и не давая ей идти дальше.

Заметим, что всё вышесказанное в этом очерке касается не только «плена *экономических категорий*», не позволившего науке в лице Д. Рикардо и его школы

¹⁰ Натурализм и односторонне количественный взгляд теперь были распространены уже не только на понимание *земельной ренты*, но также и на понимание промышленной *прибыли* и *процента* с капитала.

двигаться дальше, но и «плена философских категорий», содержание которых, будучи некритически воспринято представителями экономической науки, также устанавливало незримый предел её развитию, методологически обуславливая границы, дальше которых теория идти не могла. И это опять-таки было связано с категорией «труд вообще».

V. Труд, производящий вещи (потребительные стоимости, богатство), и труд, производящий общество

Дело в том, что абстракция «труд вообще» («деятельность вообще»), содержательная структура которой передаётся формулой «цель – средство – результат», была выработана и возникла не только в рамках экономической науки Нового времени. Исторически она возникла и существовала в более широком контексте – в контексте становящегося *исторического сознания* эпохи, которая только-только ещё выходила из недр средневекового феодального общества.

И если в политэкономии, как было показано выше, категория «труд вообще» была выработана в ходе долгих поисков ответа на вопрос о том, «Какова природа богатства? Откуда и как оно возникает, что является *источником* богатства и как возможно его *приращение?*», то нарождающееся новоевропейское историческое сознание XVII-XVIII веков активно разрабатывало представления о «труде вообще» как *целесообразной деятельности индивидов* для решения задач мировоззренческого толка – для обоснования научного взгляда на сущность общественно-исторического процесса и на место человека в нём.

Так, например, в становящейся философии истории эпохи Просвещения понятие *целесообразной деятельности вообще* своим содержанием было призвано обосновать (в противовес христианскому историзму) связанный с деятельностью человека *земной источник* телеологического характера истории, её целесообразной формы; т.е., было призвано служить логической моделью, противостоящей средневековому теоцентризму и способной вытеснить *провиденциализм* из истории, заменив его антропоцентризмом – концепцией исторического процесса, провозглашавшей, что человек *сам* может ставить себе *цели* и достигать нужных *результатов* с помощью определённых *средств*. Категориальная структура «цель – средство – результат» как раз и стала той философской формулой, в которой оказалось свёрнуто понимание *деятельности индивида как разумного существа*, способного ставить и реализовывать свои цели.

Будучи категориальным закреплением *принципа индивидуальной деятельности* (и, следовательно, *принципа субъективной целесообразности*), схема «цель – средство – результат» на целые столетия вперёд стала также и «формулой истории» в целом – той моделью, которой с успехом оперировало Просвещение, кладя её в основу понимания общественной истории как деятельности преследующих свои цели индивидов, благодаря чему история, как правило, приобретала вид деяний великих исторических личностей. Поскольку никакого другого, кроме *антропоморфного*, понимания сущности истории данный взгляд в себе не содержал, постольку он с самого начала исключал возможность объяснения происхождения общества как *совокупности общественных отношений* в целом, равно как и анализ *конкретно-исторической формы* общества – в частности.

Именно этот односторонне-метафизический взгляд на историю общественного развития, воплотившийся в известной категориальной схеме «цель – средство –

результат», будучи взят на вооружение буржуазной экономической наукой, как раз и составил методологическую основу политэкономической абстракции «труд вообще», став существенной ограниченностью экономической мысли. С одной стороны, абстракция «труд вообще» потому ставилась современной политической экономией «во главу угла», что она была нужна ей, чтобы увидеть поддающуюся количественному исчислению единую основу *мира вещей* (богатства), с чем, к слову сказать, данная абстракция (в лице А. Смита и Д. Рикардо) справилась блестяще.

С другой стороны – именно поэтому она могла быть предназначена только и исключительно для теоретического осмысления самых простых, самых бедных и абстрактных – чисто *количественных закономерностей труда, создающего богатство в его натурально-вещественной форме*. «Процесс труда, как мы изобразили его в простых абстрактных его моментах, - резюмирует Маркс в «Капитале» взгляд классической буржуазной экономии, - есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей...» [14, с. 195]. Что же касалось возможности добраться до анализа "святая святых" капиталистического производства – до механизма образования прибавочной стоимости как субстанции капиталистических производственных отношений, то такая возможность с помощью категории «*труд вообще*» была абсолютно исключена¹¹.

Итак, труд, *рассматриваемый экономически*, то есть, исключительно с точки зрения своей *натурально-вещественной формы* и чисто *количественных* параметров – вот то действительное содержание абстракции «труд вообще», которое свёрнуто в формуле «цель – средство – результат» и которое задаёт её концептуальные границы и возможности. А это значит, что формула «цель – средство – результат», в которой свёрнуты *количественные* характеристики труда как *процесса, производящего вещи* (потребительные стоимости), не может быть *ключом* к пониманию труда как *процесса, производящего общество – форму связи* людей друг с другом, которая, во-1-х, по самой своей сути всегда есть носитель *качества (формы социальности)* и которая, во-2-х, поэтому не содержит в себе *ни грана вещества природы*.

Труд, производящий *вещи (потребительные стоимости, богатство)*, и труд, производящий *общество* – таково в общих чертах отличие труда как предмета политэкономического исследования в рамках классической буржуазной экономической науки от него же самого как объекта философского анализа в рамках материалистического понимания истории.

Что же касается отличия труда, *экономически рассматриваемого* Марксом в «Капитале», от точки зрения буржуазной классической экономии на труд как ис-

---

¹¹ Иначе говоря, представление о *труде вообще* и его простых абстрактных моментах позволяли экономистам сформировать представление о труде как *производительном* процессе, создающем потребительные стоимости: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, то и средство труда и предмет труда, - пишет в «Капитале» Маркс, - оба выступают как средства производства, а самый труд – как производительный труд» [14, с. 192]. Но в том-то всё и дело, тут же в примечании разъясняет Маркс, что «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, *совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства*» (курсив наш – Т. Рагозина) [14, с. 192], ибо оно является таким же абстрактно-общим моментом *всякого* производства, как и абстракция «труд вообще», и потому совершенно ещё недостаточно для объяснения *буржуазного* процесса производства, создающего *прибавочную стоимость* (капитал).

точник богатства, с одной стороны, и, с другой – от его же, Маркса, философской трактовки труда как субстанции-субъекта исторического развития общества, обоснование которого составляет задачу и предмет материалистического понимания истории, то такое принципиальное отличие также существует, но проходит оно по *другой* линии и затрагивает *другие* параметры. Это будет рассмотрено в следующей нашей статье (См.: «Культура и цивилизация», № 1(11) – 2020), после того, как будет показано, *чем именно* Марксова теория прибавочной стоимости принципиально отличается в своей основе от теорий прибавочной стоимости его предшественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю. В. Медведева. – Санкт-Петербург: «Наука», 2003. – 639 с.
2. Давыдов, Ю. Н. Труд и свобода. – М.: Высш. шк., 1962. – 132 с.
3. Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.
4. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М., 1974. – 487 с.
5. Спиркин, А. Г. Труд / Философская энциклопедия // Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5. С. 261-262.
6. Барулин, В. С. Социальная философия: Учебник. – Изд. 2-е. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 560 с.
7. Туровский М. Б. Труд и мышление. – М.: Высшая школа, 1963. – 137 с.
8. Туровский М. Б. Предыстория интеллекта. Избранные труды / М. Б. Туровский. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 575 с.
9. Рагозина, Т. Э. Концептуальные границы деятельностного подхода: критический анализ / Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27 апреля 2018 г. – Воронеж, 2018. – С. 48-57.
10. Гурьев, Д. В. Предшествовал ли труд сознанию/ Д. В. Гурьев // Вопросы философии. – М., 1967. - № 7.
11. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с.
12. Энгельс, Ф. Предисловие ко II-му тому «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс / Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – С. 3-24 с.
13. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 26. Ч. I. – 476 с.
14. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.

T. E. Ragozina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru**ABOUT THE PHILOSOPHICAL SUBSTANTIATION OF LABOR OR:
ABOUT THE NEED FOR CRITICAL “ACCOUNT BILLING”
WITH THE RECENT PHILOSOPHICAL PAST**

Annotation. This article is devoted to the analysis of the causes of the crisis that developed in the Marxist philosophy of the Soviet period by the 80s of the twentieth century and manifested itself in the form of contradictions in the labor theory of the origin of man, society and culture. *The tendency of abandonment of labor as a basic philosophical principle of explaining socio-historical development, which has been outlined within the framework of philosophical thinking, has sharply put on the agenda the question of the actual content of the category “labor” in Marxism and the need for a philosophical justification of labor as a theoretical principle.*

In this regard, the author undertakes a critical analysis of the prevailing system of views on labor in the philosophy of the Soviet period and raises the question of whether the justification of work currently available (represented by an analysis of its categorical scheme “goal - means - result”) is philosophical or philosophical the rationale for many decades wrongfully accepted something completely different, for example, its political economic justification, developed and presented by the classics of bourgeois economic thought, comprehensively considered what did Karl Marx make in Capital, which he ultimately criticized and overcome as part of a deeper system of views on labor? Then what is the essence of Marx's “discovery of labor”?

Key words: labor as a substance of historical development, contradictions of the labor theory of the origin of man and society, “labor in general”, economic justification of labor, philosophical justification of labor.

Поступила в редакцию 27 ноября 2019 г.

УДК [13: 316.3] – 044.922

ПОПОВ В. Б.

(к. филос. наук, доцент)

«Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

(г. Луганск, ЛНР)

E-mail: Itsucots@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТОТАЛЬНОСТЬ» В
ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ**

Аннотация. Переход от классики к постклассике в общественной мысли обозначился в первой четверти XX в. Смысл его заключается в том, что классический холизм, восходящий, в конечном счёте, к платоновско–христианскому абсолютизму с его гегельянской модернизацией (марксистский субстанционализм также не выходит за рамки этой традиции) сменился физикалистским, базирующимся на идеях поля и квантовой механики. Происходит трансформация уже имеющихся и появление новых тотализационных понятий. В этом ряду стоит «социетальность» (А. Г. Келлер, 1903), «социальная тотальность» (Д. Лукач, 1923) и «Целое/целостность» (Я. Смэтс, 1926). Тотализационная тенденция данного периода (неклассического) исчерпала себя к 80-м гг., вытесненная постмодернистским деконструктивизмом и новой версией холизма – тоталлогическим (постнеклассика).

Ключевые слова: тоталлогические понятия, тотализация, постклассика, социальная тотальность, социетальность, холизм, тоталлогия.

Генезис тоталлогических понятий представляется нам одним из важнейших направлений развёртывания общественно-философской мысли, на что мы уже обращали внимание [1]. Однако хотелось бы остановиться на самих трансформационных моментах эволюции подобных понятий, прежде всего на категории «тотальность». Данные процессы связаны с тремя стадиями развития науки, обозначенными В. С. Стёпиным как классическая, неклассическая и постнеклассическая [2]. Поскольку последние две более близки друг другу, нежели первой, имеет смысл говорить также о классике и постклассике.

Не повторяя того, что было уже освещено нами, в качестве исходного момента выделим следующее. Тотализация понятий достигла своего предела в немецкой классической философии, особенно в гегелевской, и уже на иных основаниях продолжалась в классическом марксизме. При этом, если под тотальностью Гегель понимал главным образом тотальность понятия, то Маркс рассматривал тотальность в антропологическом спектре («тотальность человеческого проявления жизни» [3, с. 119]). При анализе же социальных структур он отдавал предпочтение понятию «система» (подробнее см. [1, с. 242-243]).

У истоков постклассической трансформации данной категории находится, на наш взгляд, с одной стороны – Д. Лукач, проложивший дорогу неомарксизму франкфуртской школы, а с другой этнологическое направление в американской социологии, а также западноевропейский холизм, начиная с Я. Смэтса.

Тотальность у венгерского мыслителя в смысловом и категориальном плане определённо обособилась от понятий целое, целостность, прежде всего за счёт смещения акцентов в сторону всеобщей взаимосвязи целого и его частей (впервые в 1923 г.[4]). Лукачевский синтез видится нам в том, что он, трактуя «общество» как «субстанцию-субъект» в ее единстве с деятельностным принципом (материаль-

ное производство), подвёл его под гегельянскую категорию «тотальность». В результате появилась «общественная тотальность» как целостность и взаимосвязь (системность) всей совокупности социально-экономических отношений. При этом, Лукач неизменно подчёркивал, видимо отводя упреки в спекулятивности, что это не формальная, а «конкретная тотальность». Он старается отмежеваться и от панлогистской трактовки тотальности как выражения абсолютной полноты социума. Тем не менее, ортодоксальный марксизм в целом отверг данную категорию.

В нашем анализе лукачевской концепции тотальности представляется немаловажным отметить следующий аспект. Д. Лукач указывает на то, что изменения структуры, вызываемое целеполагающими установками в труде, опосредованные в том числе и коммуникативными процессами, приводят к изменениям в самой тотальности [5, с. 87]. При этом, «объективное охватывание форм и содержания... во взаимодействии между процессами воспроизводства отдельного и его всеобщностью приобретает характер общественной тотальности как объективного фундамента всякой родовой сущности в сфере бытия социальности» [5, с. 87]. Отсюда изменения во всей совокупности общественных взаимодействий преобразуют характер самой тотальности.

Таким образом, этот пассаж можно истолковать и как наличие обратной связи между целым и частным. Не только целое определяет часть, но и трансформации в особенном, наложившись друг на друга, вызывая резонансный эффект, могут привести к тотальным превращениям. Особенно показательно здесь указание на роль коммуникации, что прямо сочетается с неомарксизмом франкфуртской школы и вплоть до теорий коммуникативного действия Ю. Хабермасса и К.-О. Аппеля. Главным же представляется то, что в марксистскую социальную мысль было введено понятие об обществе как социальной тотальности, что явно выходит за пределы традиционного марксизма, где оно рассматривается, как правило, через принадлежность к конкретным общественно-экономическим формациям.

Итак, можно сделать вывод, что лукачевская концепция общественной тотальности с одной стороны подвела черту под классическими разработками в данной сфере, а с другой – перебросила мостик к неклассическим теориям [6]. В первую очередь речь идёт о «негативной диалектике» Т. Адорно и концептуально близких к нему воззрений Ж.-П. Сартра. Затрагивает данную проблематику и Л. Альтюссер. Первые рассматривают тотальность в русле «негативного» подхода, последний же тяготеет к структурализму.

Отнюдь не случайным представляется то обстоятельство, что и в западной историко-теоретической мысли в это же время идёт напряженный поиск обобщающих понятий. Одной из таковых стала «социетальность», введённая в оборот американским социологом и этнографом А. Г. Келлером ещё в 1903 г., как это утверждает В. Д. Плахов [7, с. 321]. По всей вероятности имеется в виду книга «Вопросы в этнографии» («*Quaeris in Ethnographu*») того же года. По крайней мере, в 1915 г выходит его очередная монография «Социетальная эволюция...», где данный термин применяется уже как не требующий особого обоснования [8].

В этой связи, вызывает недоумение, как подобный труд оказался незамеченным Ф. Эраном (F. Heran), который связывает появление категории «социетальность» с трудом Т. Абеля «Систематическая социология в Германии» (Нью-Йорк, 1929). У её истоков, по мнению Ф. Эрана, лежит лингвистическое недоразумение, когда Т. Абель перевел «*gesellschaftlich*» как «социетальное», а «*Vergellschaftung*»

(формирование социальных связей) как социетализацию («societalization»), в то время как суффикс «тал» работает на слова иного класса [9, p. 617-618, 620].

Этот решительный демарш, впрочем, не имел никаких последствий и уже в комментариях к его статье Ж.-Р. Треатон (Treanton), выражая вполне устоявшееся мнение, отмечает, что есть слова, сконструированные против всех правил лингвистики, но получившие право на существование, поскольку позволяют осмыслить новые явления действительности [10, p. 622-623]. Правомочность этого термина Ж.-Р. Треатон связывает с тем обстоятельством, что он позволяет отразить феномен всеобщности, глобальности ряда социальных явлений, что недоступно понятию «социальный».

Однако каким же образом эта категория появилась, куда ранее в трудах А. Г. Келлера? Отметим, прежде всего, то обстоятельство, что он свои первые монографии 1901–1902 гг. написал по германской колониальной политике, что невозможно без изучения самого широкого круга немецких источников. Рискнем предположить, что здесь имела место ситуация, сходная с той, в которой очутился впоследствии Т. Абель. Принимая во внимание достаточно широкое распространение термина «тотальность» в литературе гегельянского и около гегельянского круга, можно усмотреть в понятии «социетальность» наследие именно этого направления или нечто близкое ему.

К сожалению, работа А. Г. Келлера 1903 г. («*Queries in Ethnography*») осталась вне зоны нашего доступа, но проработанная нами монография «Социетальная эволюция...» издания 1920 г. [8] позволяет сделать определённые выводы.

Первое, труд А. Г. Келлера в целом носит историко-этнографический характер, отнюдь не претендуя на социально-философские глубины. Понятие «социетальность» проходит через всю книгу с самого начала, причём используется как нечто, не требующее особых разъяснений, что подтверждает мнение В. Д. Плахова о его более раннем появлении. Лишь в середине работы появляется, наконец, краткая дефиниция социетальной эволюции. Таковая определяется как эволюция общества и его институтов, а не отдельных субъектов [8, p. 189]. Категория явно призвана отразить всеобщность происходящих процессов, его соотнесённость с обществом как целым [8, p. 184]. Аналогичная мысль проводится А. Г. Келлером, когда он говорит о «социетальных изменениях», для объяснения которых можно абстрагироваться от действий отдельных лиц, за исключением великих исторических личностей [8, p. 54].

Все понятия, связанные с социетальностью («социетальный закон», «социетальный отбор», «социетальная жизнь», «социетальный контроль») освещены у него крайне неравномерно [8, p. 27, 209, 260, 326]. В частности, указывается, что, осмысливая глубинные силы общественного контроля, мы получаем основы социетальных законов и социетальной эволюции [8, p. 27]. Под социетальным отбором понимается выбор тех обычаев, которые соответствуют порядку во «всём теле общества» [8, p. 55]. Становится очевидным, что все вышеназванные понятия акцентируют внимание на общественной целокупности (ср. с «общественной тотальностью» Д. Лукача). Наконец, идея социетальности у Келлера сопряжена с идеей всеобщей связи, развиваемая через категорию «социетальная конвенция», понимаемой как взаимодействие социетальной и органической эволюции. Ссылаясь на работы У. Самнера, он практически отождествляет данную связь со всей совокупностью народных обычаев как бессознательно возникающих социетальных склонностей и конвенций [8, p. 28-32].

Вообще то, воззрения У. Самнера, по сути, являются методологической базой для А. Г. Келлера. Концепцию первого относительно общества чаще всего характеризуют следующим образом. Общество ему представляется ни цельным организмом, ни простой совокупностью индивидов, а скорее подвижной системой, отобранных на групповом уровне, всем ходом эволюции, традиций, норм, отношений [11, с. 268]. Видимо к подобной трактовке социетальности (социальной тотальности) и склонялся Келлер. Не применяя термин «система», в качестве категории общественного макроанализа, он, скорее, отдавал предпочтение образу целого, целокупности, развертывающейся в различных связях и отношениях, которое отнюдь не отождествлялось им с «системой». Также затребованным оказалось и понятие «неделимого организма», соотносимого с «обществом в целом» [8, p. 123].

Итак, хотя А. Г. Келлер не дал определения социетальности как таковой, можно заключить, что примыкая в целом к спенсеровско-самнеровской традиции холизма (органицизм у него присутствует в несколько ослабленном виде сравнительно со спенсеровским), под социетальностью учёный понимал целостность / социальный организм как совокупность всего комплекса межличностных отношений, не сводимых к простой сумме индивидов. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что, несмотря на противоположность базисных философских установок Келлера и Лукача (эволюционный холизм с социал-дарвинистскими и социал-бихевиористскими интенциями и материализм с неомарксистской неортодоксальной диалектикой), некие общие точки соприкосновения (гегельянство в его широком контексте?) привели обоих к сходным тотализационным категориям – «социетальность» (А. Г. Келлер) и «общественная/историческая тотальность», «тотальность социальности» у Лукача. Характеризуя келлеровский концепт в целом, нельзя не отметить, что аналогичный термин в трактовке Т. Парсонса («социетальная общность») не даёт кардинального эпистемологического приращения по сравнению с первым.

Тем временем, понятие целого/целостности вступило в новую фазу своего развития, что во многом связано с понятием поля, пространственно-временного континуума, наконец, с открытиями Эйнштейна. В первую очередь мы имеем в виду эволюционный холизм Я. Смэтса, процессуальную философию А. Уайтхеда, эмерджентную С. Александера, а также материалистическую, естественнонаучную версию этого направления (В. И. Вернадский).

Категория «целостность» выдвигается Я. Смэтсом как фундаментальное качество Вселенной (холизм) в противовес традиционным (материальное/материя, идеальное/дух). Идея целостности не ограничивается у него биологической областью, она охватывает как неорганические вещества, так и высшие проявления человеческого духа [12, p. 86]. Целое не сводимо к сумме своих частей. Часть и целое взаимосвязаны и воздействуют друг на друга. На уровне целостности дифференциация на части в целом невозможна. Всё в каждой части и часть в целом [12, p. 86, 125]. Целое видится ему в виде поля как пространственно-временного континуума [12, p. 37, 111]. Понятие холистической Вселенной рассматривается как некая метакатегория, выходящая за рамки как идеализма (философия Абсолюта), так и материализма [12, p. 103, 109, 329-0332]. Целостность – более широкое понятие, чем жизнь или разум, а холизм – это ни философское, ни научное, а сверхнаучное объяснение действительности [12, p. 317, 322]. Целостность у Я. Смэтса выступает как принцип самоорганизации Вселенной, как восхождение по шкале целостностей, создающей все более совершенную форму.

Представляет также интерес смэтсовская трактовка общества через категорию «социальное поле» как систему контроля, влияния, управления [12, р. 342]. Перед нами явно праобраз будущих объёмных моделей социетальности в духе, скажем, П. Бурдьё.

Воззрения Я. Смэтса о «холистическом поле», «творческой эволюции» в советской историографии обычно критиковались за «мистицизм», замаскированный идеализм и т.п. (см., например, [13, с. 322-332]), однако близкие к ним идеи В. И. Вернадского, правда, завернутые в естественнонаучную и материалистическую упаковку не подвергались сомнению. Более того, скептицизм Я. Смэтса по поводу «великих» философских учений, стремление вывести предмет холизма на уровень сверхнауки находят некоторые параллели в идеях русского учёного [14, с. 28-29, 44-47, 53, 86, 186-187]. Конечно, термин «сверхнаука» в трудах Вернадского отсутствует, зато широко представлены идеи о возрастающей роли науки, её неоспоримых преимуществах перед философией (достоверное знание), о том, что наука проникнет и в традиционные сферы господства философского знания. Помимо этого, несомненно влияние идей Я. Смэтса на воззрения таких корифеев, как А. Бергсон, А. Н. Уайтхед, Тейяр де Шарден. Также очевиден и его вклад в парадигму универсального эволюционизма. Всё это подводит к мысли о необходимости переосмысления влияния Смэтса на последующее развитие философского познания через отказ от пренебрежительно негативистских оценок, восходящих ещё к традиционной советской историографии более чем полувековой давности.

Следующий вариант холизма (ноосфера В. И. Вернадского) ознаменован усилением в первую очередь естественнонаучного акцента. Понятие целостности развёртывается им на разных иерархических уровнях. Первое, это целостность самой Вселенной, целостность «планетного пласта реальности» [14, с. 52], последовательно проходящего стадии литосферы, биосферы и ноосферы. Причём каждая из них, тоже представляет собой целостность. Так, биосфера как пространство/время организмов есть неразрывное целое живого вещества (совокупности организмов) вместе со средой их обитания [14, с. 202]. Точно так же обстоит дело и с ноосферой как «царством разума», связываемой с «энергией человеческой культуры», с деятельностью человеческого разума, где особо выделяется прогресс науки [14, с. 27-29, 44-46, 86-89, 127-129, 132-135, 149]. Целостностью является также единство между филогенетической группой животных и ареалом её распространения, что отражено в понятии «биосистема». Такое же, по сути, единство обнаруживают локальные человеческие общности во взаимосвязи с вмещающим их ландшафтом. Классический пример подобной общности представлен, по мнению В. И. Вернадского, Китаем. Наиболее характерным элементом китайского ландшафта является не почва, не растительность, не климат, а население. Китайский ландшафт есть «биофизическая совокупность», где человек и природа не отдельные явления, но единое органическое целое [14, с. 145]. Отсюда один шаг до понятия «этноландшафтная система» Л. Н. Гумилева.

Концептуальные построения А. Уайтхеда и С. Александера в целом относят к процессуальной философии, базирующейся на примате процесса над структурой, на принципе его субстанциональности. Мироздание рассматривается А. Уайтхедом как единство многообразия, причём это возобновляющее себя единство, точнее многообразие единств, непрерывно обновляющих Вселенную [15, с. 601]. Категория «тотальность» применяется им для характеристики события, реализующего се-

бя как «некоторое количество сгруппированных вместе аспектов своих собственных временных частей» [15, с. 165].

В космологической картине А. Уайтхеда фундаментальное понятие социологии (общество) укореняется в самой организации Космоса. Общество определяется им как иллюстрация некоторого типа социального порядка. Таковой характеризуется через некую определённую формы, способность «схватывать» некоторые другие члены соединения и, наконец, то, что эти схватывания налагают условия воспроизведения общей формы [15, с. 604-605]. Суть общества видится ему как «самоподдержание», короче общество является причиной самой себя, представляя нечто большее, чем просто множество (реальных) сущностей, обозначаемых одним именем [15, с. 605].

Каковы же хронологические рамки постклассической трансформации тотализационных понятий? Здесь можно выделить следующие ориентиры: 1903 г. – «социетальность» А. Г. Келлера; 1923 – «социальная тотальность» Д. Лукача и, наконец, 1926 – Целое/целостность Я. Смэтса. Таким образом, данный переход от классики к постклассике обозначился в первой четверти XX в. Смысл его заключается в том, что классический холизм, восходящий, в конечном счете, к платоновско-христианскому абсолютизму с его гегельянской модернизацией (марксистский субстанционализм также не выходит за рамки этой традиции), сменился физикалистским, базирующимся на идеях поля и квантовой механики.

Тотализационная тенденция в той или иной мере присутствует во всех сферах познания от ноосферы В. И. Вернадского и Тейяра де Шардена вплоть до тотальной истории школы «Анналов». О её влиянии можно судить хотя бы по тому, что понятие «социетальность», отсутствующее в ранних работах Т. Парсонса, неуклонно усиливает свой категориальный статус. А. Ф. Филиппов первое применение термина «социетальность» (*societal community*) у него датирует 1966 г. [16, с. 445]. Исследователь связывает это с теннисовским влиянием. Однако, как нам кажется, в трактовке социетальности Т. Парсонс следует скорее А. Г. Келлеру. Трудно представить, что келлеровская «Социетальная эволюция» (заметим, что термин «социетальность» в заглавии книги), издававшаяся 4 раза (1915, 1920, 1931, 1947) прошла незамеченной мимо него. К тому же, как уже говорилось, применяет этот термин и Т. Абель (1929). В его распространении не исключена роль и тех «франкфуртцев», что переехали в США из нацистской Германии.

Тотализационной тенденции в науке в это время приходится конкурировать с новыми видами элементаризма (бихевиоризм Э. Торндайка и Дж. Б. Уилсона (1913), необихевиоризм Э. Толмена и К. Халла (30-е гг.), затем и обменная теория Дж. Хоманса, неопозитивизм и т.п.), но окончательно данная парадигма заглохла к 80-м гг., что связано уже с феноменом постмодернизма и его тотальной борьбой с метанарративами. Этот период (начало XX в. – 70-е гг.) вполне можно обозначить как неклассический холизм по аналогии с периодизацией В. С. Степина. Постнеклассический же обозначился уже в 90-х гг. и связан с расширением когнитивных возможностей синергетики на путях её соединения с постклассическим холизмом [17, с. 75-90] и «Тоталлогическим манифестом» В. В. Кизимы (1993) [18], получившим дальнейшее развитие в его последующих работах [19; 20]. Его воззрения уже анализировались нами [21, с. 320-321], здесь же просто отметим, что позиция В. В. Кизимы, стремящегося, со своей тоталлогией, дистанцироваться как от системного подхода, так и от холизма, представляется отнюдь не бесспорной. Скорее всего, перед нами новый вариант постнеклассического холизма. О его перспекти-

вах можно выдвигать прямо противоположные позиции, однако, само вступление тотализации на качественно новый уровень отрицать не приходится, так что «борьба с тотализационными понятиями» вряд ли когда-нибудь завершится полной победой над ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов В. Б. Социальная тотальность – социетальность в структуре классической и неклассической теории / В. Б. Попов // Гілея. – 2012. – Вип. 58. – С.241-248.
2. Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 697 с.
3. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.42. – С.41-174.
4. Лукач Д. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике [Электронный ресурс] / Д. Лукач // Реж. доступа. – <http://www.situation.ru/app/jart925.htm>.
5. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Д. Лукач. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.
6. Jai M. Positive und negative Totalitat / M. Jai // Sozialforschung als Kritik. – Frankfurt a. M., 1982. – S. 67-86.
7. Плахов В.Д. Западная социология XIX – XX вв.: от классики до постклассической науки. Эпистемологическое обозрение / В. Д. Плахов. – СПб.: Изд-во Юридич. инст. (СПб), 2003. – 384 с.
8. Keller A. G. Societal Evolution: a Study of Evolutionary Basis of Science of Society / A. G. Keller. – N.- Y.: Macmillan company, 1920. – 338 p.
9. Heran F. Pour en finir avec societal / F. Heran // Rev. fr. Sociologie. P. –1991. – A.32. – № 4. – P. 615-621.
10. Treanton J.-R. Plaidoyer pour batard / J.-R. Treanton // Rev. fr. Sociologie. P. – 1991. – A.32. – № 4. – P. 622-624
11. История теоретической социологии. – М.: Канон+, 2002. – Т.1. – 496 с.
12. Smuts J. C. Holism and evolution / J. C. Smuts – N.-Y.: J.J.Little and Ives Company, 1927. – 362 p.
13. Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии / А. С. Богомолов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. –374 с.
14. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
15. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
16. Филиппов А. С. Между социологией и социализмом. Введение в социологию Фердинанда Тенниса / А. Ф. Филиппов // Теннис Ф. Общность и общество. - СПб.: Владимир Даль, 2002. – С.386-446.
17. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
18. Кизима В. В. Тоталлогические аллюзии / В. В. Кизима // Totallogy. Постнекласичні дослідження. 1995. – К., 1995. – С. 20-105.
19. Кизима В. В. Тоталлогия / В. В. Кизима. – К.: ПАРАПАН, 2005. – 272 с.
20. Кизима В. В. Социум и бытие / В. В. Кизима. – К.: ПАРАПАН, 2007. – 204 с.
21. Попов В. Б. Социальная тотальность – социетальность: классические пределы и новые возможности / В. Б. Попов // Гілея. – 2012. – Вип. 59. – С. 318-326.

V. B. Popov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Lugansk Taras Shevchenko University

(Lugansk, Lugansk People's Republic)

E-mail: Itsucots@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT "TOTALITY" IN POST-CLASSIC PUBLIC THOUGHT

***Annotation.** The transition from classics to postclassics in social thought was outlined in the first quarter of the 20th century. Its meaning is that classical holism, ultimately going back to Plato-Christian absolutism with its Hegelian modernization (Marxist substantialism also does not go beyond this tradition) gave way to the physicalist, based on the ideas of the field and quantum mechanics. There is a transformation of existing ones and the emergence of new totalization concepts. In this row is "societality" (A. G. Keller, 1903), "social totality" (D. Lukach, 1923) and "Whole / Integrity" (J. Smets, 1926). The totalization tendency of this period (non-classical) has exhausted itself by the 80s, giving way to postmodern deconstructivism and a new version of holism - totalological (post-non-classical).*

***Keywords:** totalitarian concepts, totalization, postclassics, social totality, societality, holism, totalogy.*

Поступила в редакцию 3 октября 2019года.

УДК 130.2:008

В. А. Сидоренко

(к. филос. наук, доцент)

ГОУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет
имени Святителя Луки»

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

E-mail: philosophy.lsmu@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФИЛЬТРЫ В ПРОЦЕССАХ МЕЖСУБЪЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются механизмы фильтрации и классификации информации, транслируемой в процессе взаимообмена культурным опытом его субъектами. В качестве таких механизмов анализируются коммуникативные прототипы и стереотипы, служащие для упрощения и ускорения процесса фильтрации транслируемых данных, а также позитивные и негативные аспекты воздействия культурно обусловленных прото- и стереотипов на эффективность коммуникации.*

***Ключевые слова:** культуросфера, коммуникативный рейтинг, когнитивная эргономичность, коммуникативные прототипы, стереотипы и архетипы, иерархическая и радиальная категоризация.*

В условиях лавинообразного накопления информации в современном мире перед субъектами культурной коммуникации всё острее встаёт проблема фильтрации поступающих данных и их систематизации. При этом на первый план выходит не столько точность и надёжность таких коммуникативных фильтров, сколько их эргономичность – соотношение эффективности категоризационных процессов и затрат мыслительных ресурсов на эту деятельность. В идеале данные процессы должны протекать автоматически, без целенаправленных умственных усилий. Однако такая автоматизация имеет как положительные, так и отрицательные эффекты, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Социокультурные закономерности коммуникационных процессов раскрываются у П. Бурдые (понятие габитуса как системы приобретённых коммуникативных схем, порождающих конкретные культурные практики индивида), А. Вежбицкой (кросс-культурные взаимодействия, метаязык), Н. Куинн (коммуникационные модели), У. Липпмана (когнитивные основания коммуникации), Б. Малиновского (компаративная антропология на основе этнографических исследований), М. К. Петрова (трансляция культурного опыта), Ю. С. Степанова (семантико-лингвистические аспекты коммуникативных процессов), Д. Холланд (интерпретативные механизмы)

Основным механизмом оценки поступающей информации с точки зрения её пригодности к дальнейшему применению в коммуникативных механизмах являются социокультурные фильтры. Они основываются на когнитивных структурных связях, вызываемых новой информационной единицей (такой единицей может быть любое знание – новый концепт, характеристика уже существующего, его замещение или изменение и т.п.). В этом случае информационная структура напоминает паззл, а социокультурные фильтры – выступы и впадинки, позволяющие соединять фрагменты между собой. В результате фильтрации информация получает различные статусы – верная/неверная, полезная/бесполезная и т.п. Таким образом,

социокультурные фильтры являются тем самым механизмом, который отвечает за самоочищение культуросферы от ложных или неприемлемых сейчас элементов (коммуникативных схем, культурных паттернов, культурных моделей и т. д.). Благодаря навешиванию «ярлыков», обозначающих статус элемента, происходит селекция, эволюционный отбор наиболее актуальных и приемлемых схем, моделей или паттернов.

Данные статусы основаны на соответствии нового ментального фрагмента существующим связям и схемам, которые в свою очередь зависят от личного социального и культурного опыта. К сфере социального опыта можно отнести, например, оценку источника информации. Если информация чётко ложится в информационную структуру, не противоречит ей и не нарушает сложившихся контактов между элементами, вероятность её достоверности увеличивается, источник этой информации получает более высокий статус надёжности, и следующие данные из этого источника будут подвергаться менее строгой фильтрации. Также в этом процессе наблюдается и обратная связь с культуросферой: самые надёжные и проверенные кластеры индивид предоставляет в общекультурный информационный массив, обеспечивая его постоянное пополнение наиболее эффективными решениями новых проблем, встающих перед человечеством.

Культурная обусловленность системы коммуникативных фильтров заключается как в коллективных, так и в индивидуальных языковых, религиозных, традиционных и подобных особенностях ментальной структуры получателя информации. Представим себе ситуацию, в которой человек встречает новое для себя слово, например, «акваланг». Владея только лишь русским языком, из звуко-буквенного состава слова не представляется возможным выделить какую-то информацию о данном предмете, следовательно, концепт не займет своё место в ментальной структуре и, скорее всего, получит статус бесполезного, непонятного и в лучшем случае будет отложен до прояснения (т.е. обрастания связями), а в худшем отфильтрован как ненужный. В то же время знание перевода слова «аква» с латыни уже позволяет частично идентифицировать словообраз путём построения вероятных структурных связей с кластерами «вода», «плавание» и др. Носителю английского языка в этой ситуации будет ещё легче, поскольку слово «lung» означает «лёгкие» и таким образом выводит на функциональное назначение предмета, позволяя использовать слово «акваланг» в активной коммуникации, а соответствующий ему информационный кластер получает статус более актуального и востребованного. Наличие таких средств универсализации способствует коммуникативной адаптации субъекта к многоязычной и многополярной культуре всего человечества в целом.

Социокультурные фильтры формируют наше субъективное отношение к информации, транслируемой культуросферой. Однако следует отметить, что культурная информация не может быть хорошей или плохой, она может быть соответствующей индивидуальной системе человека или не соответствующей. Если реципиент отвергает входящую информацию, это не значит, что информация плоха; это значит, что в личной системе культурного знания индивида связи, ведущие к потенциальному фрагменту, имеют низкий рейтинг надёжности и эффективности.

Уровень эффективности функционирования коммуникативных механизмов прямо пропорционален степени их соответствия окружающей культурной действительности. Однако следует отметить, что культурная информация не является прямым отражением объективной реальности. Она представляют собой продукт твор-

чества индивида, неповторимый по форме, однако подчиняющийся общим законам, как каждая уникальная снежинка существует в соответствии с физическими и химическими свойствами воды в целом. При этом отсутствующий информационный элемент может быть доконструирован на основании ведущих к нему связей в соответствии со структурными закономерностями без получения какой-либо информации о нём непосредственно. В случае такого доконструирования рейтинг надёжности новосозданного элемента снижается, что может сказаться на использовании данной информации при её практическом применении в коммуникативном процессе [5, с. 310].

Следствием творческой природы коммуникативных механизмов стало появление в рамках данной теории категории прототипа. Этот термин получил распространение начиная с 1970-х гг. на основании базовых исследований Э. Рош и его последующей разработки в 1990-х гг. Роем Д'Андрадом.

Прототипом называется умозрительный образ, отражающий или обобщающий типичные свойства объектов, что позволяет их классифицировать и использовать в процессе коммуникации. Отнесение объекта к той или иной категории осуществляется путём сравнения с прототипом. В случае соответствия основных свойств объекта прототипичному он классифицируется как принадлежащий к той же категории. При этом степень принадлежности определяется количеством совпадающих признаков, что позволило Э. Рош назвать такую классификацию «рейтингом прототипичности». В качестве примера она приводит эксперимент, когда при опросе студенты одного из колледжей присвоили наивысший рейтинг прототипичности для категории «птица» воробью и малиновке, а низкий рейтинг соответствия прототипу получили страус и пингвин [11, с. 192-233]. По данному вопросу также следует учесть мнение когнитивных лингвистов (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Ч. Филлмор), которые утверждают, что в качестве прототипа может выступать и фиксированный образ, в том числе вербальный. Однако лингвистический подход к коммуникативному прототипу выходит за рамки настоящей статьи, поскольку выводит объект изучения из области универсальных информационных систем индивида в сферу конкретно-языкового выражения, зависящего от используемого языка и имеющихся в распоряжении языковых средств.

Многими чертами прототипа, такими как участие в оценочной деятельности, содержание информации для соотнесения объектов и другими, обладает и стереотип. Стереотип является намного более культурно детерминированным информационным компонентом, чем прототип. Однако в отличие от последнего, являющегося лишь инструментом, мерилom соответствия объекта существующим информационным структурам, стереотип влияет непосредственно на саму информацию, а не на её идентификацию. Стереотип способен изменять содержание объекта путём игнорирования свойств, не соответствующих стереотипичным, и достраивания отсутствующих качеств. При этом стереотипы подчиняются тем же законам, что и прототипы и другие продукты культурно-информационного влияния, таким как принцип когнитивной экономичности, рейтинговость, универсальность, автоматизм и т. д. [6, с. 2-68]. Стереотип также может быть полностью или частично заимствованным из культуросферы, становясь в таком случае более мощным коммуникативным механизмом, чем прототип.

Это несколько редуцированное представление о стереотипах, как и об архетипах. Идентификация информации может происходить как на основании стереотипного содержания, так и стереотипной формы. Чаще всего формальное несоответ-

ствие прото- и стереотипу используется как повод для несогласия с содержанием информации. При этом выявление схем движения информации должно дать наиболее благоприятное сочетание форм воздействия. Эти формы воздействия на сознание часто выступают инструментом манипуляции сознанием, как индивидуальным, так и коллективным. Однако в отличие от социологии, политологии и психологии для философии важно, чтобы антропологическое измерение имело смысловую составляющую – было коммуникативным посланием субъекту или общности.

Теория коммуникативного прототипа, в отличие от Аристотелевой бинарной категоризации, ипостасной формы взаимодействия Плотина и других, предполагает существование большого количества степеней членства, образцом для которого и выступает прототип. В рамках данного подхода информационная категория определяется описательным способом, не предполагающим дифференцирующего принципа «всё-или-ничего», а устанавливающим измерения, в пределах которых сущности считаются подобными [12, с. 38]. Также неверно рассматривать как модель информационных изменений систему ипостасей, поскольку коммуникативный прототип подразумевает существование сравнительных категорий, невозможных в рамках бинарности Аристотеля или триадной диалектики Платона. Таким образом, категориальное членство устанавливается на основе сравнения с наиболее типичным объектом, воплощающим объединяющие признаки – прототипом.

Анализируя междисциплинарные отношения данной теории, необходимо вспомнить её связь с исследованиями в области герменевтики. Если коммуникативные схемы представляют собой конечный набор иерархически организованных информационных категорий, то прототипичная структура является радиальной организацией значений, сравнительно-относительной, а не абсолютной [7], перекликаясь, таким образом, с взглядами Гадамера и восходя к ситуативному пониманию Витгенштейна. Когнитивный прототип стал связующим звеном между требующей строгой ментальной организации теорией коммуникации и неоднозначно сформулированной герменевтической парадигмой.

Начиная с конца 1980-х годов такими учёными, как А. Лазарева, И. Бидерман, Н. Осака, И. Рентшлер, П. Герхардштейн, делается попытка вычленения компонентов коммуникативных схем и прототипов. Данный подход предполагает, что человеческая система обработки информации имеет ограниченное число простых «базовых элементов», которые могут быть применены к сложным формам [10, с. 22]. Такие элементы получили название «геон» [4, с. 396], что представляет собой аббревиатуру, образованную из словосочетания «геометрический ион», поскольку вначале исследования строились на эмпирическом материале. Объектом исследования стал процесс схематизации чувственной (в основном, зрительной) информации и формирования обобщенного прототипа, построенного на простой геометрической основе.

Бидерман считает, что среднестатистический индивид использует примерно 30 тыс. сложных форм, из которых названия имеют только около 3 тыс. [3, с. 42]. Таким образом в философскую антропологию было введено понятие дискретности когнитивного прототипа, ставшее объектом активных исследований начала XXI века (Э. Вассерман, Д. Ким, С. Диккинсон и др.). Дискретность прототипа позволяет анализировать его по составляющим, что важно с точки зрения исследования процессов интериоризации поступающей культурной информации.

При исследовании структурных особенностей коммуникативной схемы возникает вопрос: может ли в качестве прототипа выступать не один из компонентов,

а вся схема целиком? Клод Ванделуаз пришёл к выводу о том, что структура, объединяющая несколько категорий, имеет то же строение, что и отдельно взятая категория [13, с. 436], а следовательно, прототипичная схема не просто возможна – её существование объясняет многие закономерности информационных взаимодействий в рамках единой когнитивной системы человека. Данная теория позволяет сделать вывод о сходстве внутрискемных и междискемных связей, а также разделить данные связи на прямые (между компонентами одной категории или между прототипичной и коррелирующими категориями) и косвенные (между отдельными компонентами коррелирующих категорий). Опосредованные связи между компонентом а категории А и компонентом б категории В возникают при наличии прямой связи между категориями А и В.

Коммуникативные схемы, включающие в себя поступающие чувственные впечатления и обеспечивающие их кратковременную доступность для обработки, У. Найссер назвал иконическими [2, с. 7]. В случае необходимости обработки данный тип информации переходит в область памяти, в то время как при отсутствии обращения к ним данные отфильтровываются коммуникативными схемами как неактуальные. В этом случае коммуникативная схема выступает механизмом разделения информации на активную и пассивную, что облегчает и ускоряет дальнейший процесс обращения к ней. Необходимость такой фильтрации Д. Бродбент объяснил ограниченной пропускной способностью информационного канала [9, с. 119]. Именно эта ограниченность предопределяет необходимость получения коллективно-культурных обобщений в сформированном виде, то есть такая фильтрация предшествует интериоризации информации, поскольку из «пакетной» информации уже удалено всё лишнее, значительно уменьшая её объём.

Одним из путей трансляции иконических схем является искусство. Задача искусства состоит в сочетании отдельных «Я» в единое целое: «Я» определённой эпохи, цивилизации, культуры [1, с. 33]. Именно такое широкое восприятие субъекта истории и культуры приобретает мировоззренческое значение в научном и художественном мышлении. Восприятие и интерпретация художественного образа является чрезвычайно сложным процессом, ведь его невозможно оформить в виде коммуникативной схемы. Благодаря прямому воздействию на чувственную сферу человека художественный образ почти не поддаётся прототипизации, а в случае формирования на основе определённых образов прото- и стереотипов для других представителей культуры искусство исчезает как таковое, превращаясь в ремесленничество.

Важной характеристикой коммуникативной схемы является её структура. С этой точки зрения выделяются два основных типа схематизации: иерархический и радиальный. Иерархический заключается в построении схем высокого уровня на основе низших, более простых, таким образом формируя информационную структуру по принципу пирамиды. Радиальный тип построения заключается в формировании структуры на основе большего или меньшего сходства фрагмента с центральным компонентом схемы (когнитивного прототипа). Графически в этом случае схема может быть представлена в виде концентрических кругов, описанных вокруг прототипа исходя из рейтинга прототипичности элемента.

Основным недостатком классической теории категоризации является её бинарность, оппозиции по принципу «есть – нет», «принадлежит – не принадлежит», «совпадает – не совпадает» и т. п. Такой подход схож с двоичной системой искусственного интеллекта, построенного на двоично-битном принципе «1-0». Без-

условно, для машинного разума данный подход обеспечивает определённое сходство с человеческим мышлением, однако даже будучи доведённым до абсолюта он не сравнивает коммуникативные способности человека и компьютера, поскольку радиально организованные коммуникативные схемы невозможно свести к системе «или-или». При радиальном построении категории понадобится неопределённое количество сравнительных оценок, полный перебор которых потребует конечного, однако очень большого количества операций для каждого шага, что недоступно для современных систем обработки информации. Таким образом, прототипичный принцип построения информационно-коммуникативной структуры и его культурно-опытная обусловленность становится той отличительной особенностью человеческого сознания, которая остается недоступной создателям искусственного интеллекта. Благодаря этой особенности человек оказывается в позиции зеноновой черепахи, которую никогда не догонит Ахиллес компьютерного разума.

В особо сложных случаях эффективность применения классического иерархического принципа категоризации падает до нуля, что ведёт к полной невозможности классификации объекта и невыполнению коммуникативной задачи. Привлечение же радиальной схемы в любом случае позволяет категоризировать объект, хотя точность результата может быть достаточно низкой.

При этом Лакофф критикует иерархический принцип категоризации за «объективистскую парадигму», поскольку значение категории не всегда равно сумме значений её составляющих частей [8, с. 148].

Отдельно следует упомянуть степень символизма и объективности как противоположных принципов построения коммуникативных механизмов. Объективные схемы формируются под влиянием рациональных факторов, имея чётко очерченный прототип и осознаваемые внутрисхемные информационные связи, в то время как репрезентативность символических схем очень низка. Здесь более уместно говорить о метарепрезентативности, поскольку символические схемы чаще всего основываются на неинтериоризированном внешнем культурном опыте. Так, например, коммуникативная схема, включающаяся при необходимости оценки произведения искусства, использует не компаративные механизмы относительно подобных объектов, а прямое чувственное восприятие, то есть прототипичного компонента в символической схеме часто нет. Отношения внутри символической схемы и между ними строятся на ассоциативном принципе, способном нарушать как иерархический, так и радиально-прототипичный принципы построения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о зависимости системы фильтрации входящей информации от культурного опыта человека, структуры его ментальных схем, обладающей индивидуальной уникальностью и в то же время интегрирующей её носителя в культурную группу на основе общих межфрагментарных связей. При этом классификация информационных структур также схематична, представляя собой вторичное образование внекатегориального уровня. Каждый её структурный элемент характеризуется определённым набором статусов, и именно формирование данных статусов является сферой ответственности социокультурных фильтров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гужва А. П. Симфония как встреча сознаний: Монография / А. П. Гужва. – К.: Кафедра, 2012. – 192 с.
2. Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти. – Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 640 с.
3. Солсо Р. Когнитивная психология. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
4. Biederman I., Cooper E. E. Priming contour-deleted images: Evidence for intermediate representations in visual object recognition // *Cognitive Psychology*. – 1991. – № 23. – Pp. 393-419.
5. Freeman L., Romney A. K., Freeman S. C. Cognitive structure and informant accuracy // *American Anthropologist*. – 1987. – № 89. – Pp. 310-325.
6. Hamilton D. L., Sherman J. *Handbook of Social Cognition*, 2nd edition. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. – 536 p.
7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 2003.
8. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. – Chicago : Chicago University Press, 1987. – 596 p.
9. Moray N. Donald E. Broadbent: 1926-1993 // *American Journal of Psychology*. – 1995. – № 108. – С. 117-121.
10. Osaka N., Rentschler I., Biederman I. *Object recognition, attention, and action*. – Tokyo: Shihano Inc., 2007. – 250 p.
11. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // *Journal of Experimental Psychology*. – 1975. – № 104. – Pp. 192-233.
12. Taylor J. R. *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 308 p.
13. Vandeloise C. Representation, prototypes, and centrality // *Meanings and prototypes* / S. L. Tsohatzidis (Ed.). – London and New York: Routledge, 1990. – 584 p.

V. A. Sidorenko

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

SEI LPR «Saint Luka Lugansk State Medical University»

(Lugansk, Lugansk People's Republic)

E-mail: philosophy.lsmu@mail.ru

**SOCIO-CULTURAL FILTERS
IN THE PROCESSES OF INTER-SUBJECT COMMUNICATION**

Annotation. The article discusses mechanisms of filtering and classifying the information transmitted in the process of cultural experience interchange by its subjects. Communicative prototypes and stereotypes are analyzed as such mechanisms simplifying and accelerating the process of transmitted data filtering, as well as positive and negative aspects of the impact by the culturally determined proto- and stereotypes on the communication effectiveness.

Keywords: cultural sphere, communicative rating, cognitive ergonomics, communicative prototypes, stereotypes and archetypes, hierarchical and radial categorization.

Поступила в редакцию 15 ноября 2019 года.

УДК 130.2:78.01

Н. Ф. Тихомирова

(преподаватель-методист)

ГОУК ЛНР «Луганская государственная
академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
(г.Луганск, Луганская Народная Республика)E-mail: tichom57@gmail.com**МУЗЫКАЛЬНЫЙ СТИЛЬ
КАК СЛОЖНООРГАНИЗОВАННАЯ СИСТЕМА**

***Аннотация.** В статье анализируется эволюционное развитие понятия «музыкальный стиль» в историко-теоретическом аспекте. Появление и становление данного понятия прослеживается с древних времён в работах Аристотеля, определяется значение основ понимания стиля, заложенного в эпоху Просвещения, для дальнейшего его развития. Особое место занимает анализ исследований данного понятия в XIX и XX столетиях. Взяв за основу философское определение системы, в работе выделяются подсистемы стиля или уровни: эпохального или исторического стиля, национального и индивидуально-го. Стилевая система, занимающая более высокую ступень в иерархии стилевых уровней, включает соответствующие подсистемы нижерасположенных уровней. Явление связи при этом является ведущим для создания стилевой системы, при этом связь существует как между разными иерархическими уровнями, так и внутри их.*

***Ключевые слова:** музыкальный стиль, система, иерархия, целостность, связь.*

Музыкально-стилевая система формируется в контексте социокультурного мира – общества со свойственным ему особым типом культуры. Система музыкального стиля постоянно трансформируется и адаптируется к изменяющимся условиям своего существования.

Исторически понятие стиля сложилось ещё в древности, в течение нескольких столетий феномен музыкального стиля подвергался изучению, исследованию, осмыслению. Результатом данной объёмной работы выступают многочисленные публикации. Однако аналитические исследования связаны в большинстве своём с конкретными музыкально-стилевыми явлениями, в частности, со стилями отдельных композиторов, тогда как рассмотрение стиля в музыке в общетеоретическом ракурсе представлено пока немногочисленными работами. Неотъемлемое от вопросов исторического развития, эволюции музыкального творчества, оно закономерно включается в проблематику истории музыки. Вместе с тем понятие стиля соприкасается с эстетикой и с теорией музыки. Одновременно стиль затрагивает все социальные функции музыкального искусства: создания музыки, её воспроизведения и восприятия. В качестве выражения музыкального мышления стиль в музыке связан также с психологией как в её объективных, социально-исторических, так и субъективных, индивидуальных проявлениях.

Следует отметить, что, по сравнению с искусствоведением, литературоведением и эстетикой, эта проблема в музыковедении не породила оживлённых споров, хотя дискуссии по отдельным вопросам имели место. Сама категория стиля в музыке пока ещё сравнительно мало подвергалась специальной теоретической разработке. Монография «Художественные принципы музыкальных стилей» С. С. Скребкова – в сущности, первый труд подобного типа на русском языке. Следует также отметить работы А. Сохора, М. Михайлова, Ю. Кремлева.

При немногочисленности музыковедческих работ, специально посвящённых теоретической разработке проблемы стиля как музыкально-эстетической категории, практические анализы отдельных исторически конкретных стилей, преимущественно индивидуальных, довольно многочисленны. Это статьи Л. Мазеля, книги В. Бобровского, А. Должанского, М. Сабининой, исследование Ю. Холопова и др.

Поскольку нас интересует понятие стиля как сложноорганизованной системы, считаем необходимым обратиться к философскому понятию «система», сложность однозначного определения которого связана с его предельной общностью и фундаментальностью.

И. Н. Дрогобыцкий – известный специалист в области системного анализа даёт четыре определения системы: «Система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определённое единство» [3, с. 45]; «система есть особая организация специализированных элементов, объединённых для решения конкретной задачи» [3, с. 44]; «система есть сущность, которая в результате взаимодействия её частей может поддерживать своё существование и функционировать как единое целое» [3, с. 44]; «система – это философская категория, характеризующая организацию материи и духовного мира» [3, с. 45].

Но чаще всего принято использовать определение основоположника общей теории систем Л. Берталани: «Система – комплекс взаимодействующих элементов, образующих некоторую целостность» [1, с. 29].

Цель данной работы – на основе контент-анализа имеющейся по данному вопросу литературы изучить эволюцию понятия «музыкальный стиль» в историко-теоретическом аспекте, аргументировать необходимость исследования музыкального стиля как сложноорганизованной системы, взяв за основу принципы целостности, содержательности и взаимосвязи.

Изложение основного материала. Понятие «стиль» появилось в культуре античной Греции и относилось к искусству слова. Оно выступает в «Риторике» и «Поэтике» Аристотеля в качестве характеристики ораторского и поэтического языка. В понятие стиля входит «определённый комплекс закономерностей, которые точно регламентируют и приобретают значение обязательных» [6, с. 7].

Понятие стиля как эстетической категории, которое распространяется на понятие искусства целой эпохи, формируется в XVIII столетии и связывается с именем И. Вильгельмана. Этому немецкому учёному, создателю искусствоведения как самостоятельной науки, принадлежит формулировка понятия эпохального стиля [8, с. 243].

Понятие стиля в музыке формируется в эпоху Возрождения, однако приближается к понятию жанра и выступает в определении старого и нового направления в музыкальном искусстве. В XVIII столетии понятие стиля в музыке, становясь общеупотребительным, трактуется многозначительно. Одно из них надолго закрепилось и сводилось к понятию «манеры». Так, Г. Ф. Телеман в автобиографии пишет о французской и итальянской театральной манере, трактуя их как разные национальные стили [8, с. 244].

Еще большей многозначностью определяется трактовка стиля в «Музыкальном лексиконе» теоретика музыки И. Вальтера (1732): это определение старого и нового стилей, весёлого, важного, величественного, а также высокого и низкого и др.

При всём разнообразии, все же его трактовка имеет существенную особенность, которая выражена наиболее ярко в понимании Ж.-Ж. Руссо, который утвер-

ждал, что стиль – это отличительный характер композиции или исполнительства. По мысли философа, в игре исполнителя также присутствует собственный стиль, который отличает его от других исполнителей.

Таким образом, в эпоху Просвещения были заложены основы понятия стиля как эстетической категории, которая определяет особенности художественно-творческого мышления.

И. Гёте выразил концепцию стиля в статье «Простое подражание природе, манера, стиль». Вместе с дифференциацией стиля и манеры автор вводит в тот же ряд понятие наследования природе, что относится к сфере художественного метода. Это им используется для установления степени проникновения художника в сущность изображаемой действительности и глубины её обобщения в зависимости от размеров и характера дарования и от метода познания. В отличие от «простого наследования природе» в «манере» проявляется присущий художнику и вместе с тем ограниченный его индивидуальностью способ видения действительности. Стиль же, по мысли Гете, «покоится на глубочайших твердых познания... свойства вещей и их состояния», являясь необходимой предпосылкой художественного обобщения. Стиль, таким образом, есть «высшая ступень, которой искусство может достичь» [2, с. 28].

Заложенные в эпоху Просвещения основы понимания стиля как искусствоведческой и эстетической категорий явились фундаментом последующих её интерпретаций на протяжении XIX столетия. Общая основа многочисленных дефиниций этого понятия – стиль как проявление особенностей художественно-творческого мышления. В определениях сущности стилиевых признаков выявляются две противоположные точки зрения:

- стиль рассматривается как категория содержательного и эстетически оценочного характера;

- стиль как категория, которая относится к художественной форме.

Усилению интереса к понятию стиля и связанным с ним вопросам со стороны музыкальных критиков и композиторов XIX столетия способствовал ряд факторов:

- повышение роли творческой личности в искусстве в эпоху романтизма;

- внимание деятелей искусства к проблемам индивидуального и национально-го стилей в связи с мощным национальным движением, что вызвало возникновение молодых национальных школ [7, с. 14].

Так, мысль о рождении самостоятельного русского музыкального стиля в первой опере М. Глинки, отождествляющая с понятием национальной школы, является одной из заслуг В. Одоевского. Широкое развитие эта мысль приобретает у А. Серова, который уделяет категории стиля большое внимание. Понятие «школы» как направления, как стиля в искусстве «в данную эпоху и данной земле» А. Серов считал одним из самых главных во всей музыкальной критике [9].

Г. Ларош, в отличие от А. Серова, в большей мере уделяет внимание «стилю эпохи». В статье «Мысли о музыкальном образовании в России» (1869) «современный» стиль сопоставляется со «строгим», «контрапунктическим» стилем XVI века, который отличается «целостностью и последовательностью». Автор указывает на необходимость понимания каждым музыкантом закономерностей разных стилей как «обычаев», на которых держится музыкальный язык. Знание его исторического развития, закона преемственности предупреждает ошибки смешения общего и индивидуального, существенного и случайного. Г. Ларош вплотную подходит к поня-

тию слухового опыта, индивидуального интонационного фонда, различных видов преемственных связей и их творческого преобразования.

На смену эмпиризму ранних искусствоведческих и музыкально-исторических работ приходит культурно-исторический метод. В начале XIX века вместе с обобщающими работами по истории музыки появляются многочисленные исследования о жизни и творчестве выдающихся композиторов. Появление монографий стало значительной вехой не только в изучении творчества известных музыкантов, но и способствовало развитию понятия индивидуального стиля.

Анализируя развитие методики интонационно-стилевого анализа, необходимо назвать работу Э. Наумана «Музыкальное искусство в истории культуры» и ряд статей В. Тапперта, объединённых им в 1868 году в сборник «Музыкальные этюды».

Таким образом, на протяжении XIX столетия понятие стиля формировалось в своих основных значениях и широко применялось в отношении ко всем видам художественного творчества в эмпирико-терминологическом плане без углублённого научного определения его содержания как эстетической категории.

Конец XIX – начало XX века становится новым этапом европейского искусствоведения, поскольку утверждается в качестве самостоятельной университетской научной дисциплины. Культурно-исторический метод предыдущего периода сменяется установкой на имманентность процесса развития искусства и выдвиганием на первый план формального начала в его анализе. Этим определяется и интерпретация стиля как искусствоведческой и эстетической категории.

Среди русских музыкантов-исследователей, которые уделяли особое внимание проблеме стиля, необходимо назвать Б. Яворского и Б. Асафьева. Объединяет обоих учёных понятие стиля как проявления и отражения музыкального мышления.

Б. Яворский, трактуя стиль в историческом значении, фактически отождествляет его с понятием музыкального мышления. Целостность мышления, опирающуюся на общественную практику и на её осмысление, он считал требованием современного творчества. Неслучайно заглавие его неопубликованного последнего капитального труда – «Музыкальное мышление русских композиторов от Глинки до Скрябина».

Центральное место у Б. Асафьева заняло понятие интонации. Сложившееся постепенно, в процессе многолетних поисков специфической сущности музыкального искусства, понятие это оказалось исключительно плодотворным для музыкальной науки.

Неослабный интерес к стилевой категории, характерен и для второй половины XX столетия: интенсивное изучение индивидуальных творческих стилей, исследования специфики стиля как эстетической категории. На неё опираются практически все выдающиеся музыканты-исследователи – Л. Мазель, В. Цуккерман, Т. Ливанова, М. Арановский, М. Медушевский, В. Холопова.

В 60-70 годах появляются специальные работы, посвящённые изучению категории стиля в музыке, – это статьи А. Сохора, Ю. Кремлева, работа С. Скребкова «Художественные принципы музыкальных стилей», статьи и монография М. К. Михайлова «Стиль в музыке».

Согласно мнению М. Михайлова, стиль в музыке «есть единство системно организованных элементов музыкального языка, обусловленное единством системы музыкального мышления как особого вида художественного мышления. Про-

цессы формирования, развития, эволюции музыкального стиля определяются в конечном счёте мировосприятием и, шире, духовной культурой эпох, различных групп внутри них. Их создают индивидуальные факторы идеологического и общепсихологического характера, преломляемые через относительно имманентные специфические закономерности музыкального искусства» [6, с. 117].

Существует много дефиниций категории стиля, отражающие разные аспекты его рассмотрения. «Музыкальный стиль – это возникающая на определённой социально-исторической почве и связанная с определённым мировоззрением система музыкального мышления; идейно-художественных концепций, образов и средств их воплощения» [5, с. 18]. В данном определении, сформулированном Л. Мазелем, в понятие стиля входят и содержание, и средства музыки, но они берутся в определённом аспекте. Система средств рассматривается не сама по себе, а как пронизанная пониманием содержания творчества. В свою очередь, содержание мыслится не в одних лишь общих, неспецифичных для музыки терминах (например, связанных с отображением явлений жизни выражаемыми идеями и эмоциями), но как воплощённое именно в данной конкретной системе средств. Понятие стиля включает содержательную систему средств и обращённое к ней содержание.

Против включения в понятие стиля содержательного компонента выступает Ю. Кремлев, который утверждает, что если «отождествлять понятие стиля с понятием содержания, то понятие стиля станет просто лишним» [4, с. 55].

В. Холопова утверждает, что стиль является пирамидой таких стилевых уровней или «субзначений»: - наибольшая общая стилевая триада (стиль высокий, средний, низкий); - стиль национальной школы; - «жанровый стиль»; - стиль какого-нибудь вида музыки: фортепианный стиль, полифонический стиль, мелодический стиль и т.д.; - стиль творческой личности: композиторский стиль, музыковедческий стиль, стиль одного эпохального произведения» [10, с. 43].

Ведущим для создания стилевой системы является связь, которая существует как между стилевыми системами, так и внутри самой системы.

Сопоставление разных подходов к содержанию понятия стиль в эстетико-философской, психологической, искусствоведческой и музыковедческой литературе даёт возможность выделить устойчивые признаки, присущие музыкальному понятию стиля. Эти признаки составляют главные свойства стиля, приобретая значение существенных признаков:

- духовность, отражающая соотношение понятия стиля с человеком, его деятельностью и результатами этой деятельности;
- типологичность, освещающая определённые свойства (признаки), которые являются основой систематизации стилевых явлений;
- целостность, которая является главным принципом функционирования стилевой системы;
- инвариантность, которая указывает на присутствие константных элементов в структуре стиля;
- содержательность формы, которая отражает взаимообусловленность содержания и формы.

Музыкальный стиль рассматривается нами как иерархическая система, включающая взаимосвязанные между собой уровни: стиль эпохи, национальный стиль и индивидуальный стиль.

Основным критерием применимости понятия стиля эпохи к музыкальной культуре служит наличие ощутимых в музыке какого-либо крупного историческо-

го периода общности определённого комплекса стилевых признаков, находящихся между собой в системной взаимосвязи.

Особое место в стилевой системе принадлежит национальному стилю. Анализ особенностей национального стиля посвящены работы А. Сохора, Н. Горюхиной, Л. Мазеля, Е. Назайкинского и других.

Национальный характер культуры, обусловленный социальной историей народа, имеет большую устойчивость – веками в той или иной культуре удерживаются одни и те же концептуальные представления о существовании музыки, её значении, назначении, соотношении с другими ветвями искусства.

В иерархии стилевых уровней индивидуальному стилю принадлежит особое место. Своеобразие творческой личности крупного художника накладывает отпечаток на содержание и форму его произведений. Творчество отдельных художников является первоосновой, на которой возникают коллективные стилевые уровни. Творческий путь композитора, процесс формирования и эволюции его стиля представляют первоочередной материал для изучения предпосылок и условий механизма стилеобразования на его низшей, исходной ступени.

Выводы. Таким образом, понятие стиля многослойно. Музыкальный стиль представляет собой иерархически организованную систему, которая включает три основные подсистемы или три уровня. Высшим является уровень эпохального или исторического стиля. Под ним располагается уровень стиля направления того, что называют «школой». Между ними может быть расположен национальный стиль. Нижним уровнем является стиль индивидуальный, то есть стиль определённого композитора. Всякая стилевая система, которая занимает более высокую ступень в иерархии стилевых уровней, включает соответствующие подсистемы нижерасположенных уровней, каждый из которых в свою очередь представляет собой организацию меньшего объёма.

Ведущим для создания стилевой системы выступает явление связи. Это наиболее общая закономерность, которая лежит в основе феномена стиля, стилевые признаки – только внешние проявления этих закономерностей. Связь существует и между стилевыми системами, и внутри самой системы – между разными иерархическими уровнями и внутри их.

Теоретические положения, изложенные в статье, могут быть использованы в научно-практической деятельности, связанной с исследованием категории стиля, в музыкальной педагогике и исполнительской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергаланфи Л. Общая теория систем: Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.
2. Гёте В. Сочинения: В 10-ти т., Т.10. – М.: Худ. лит., 1980. – 511 с.
3. Дрогобыцкий И. Н. Системный анализ в экономике. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 512 с.
4. Кремлев Ю. Стиль и стильность // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып.4. – М.-Л.: Музыка, 1963. – С. 53-68.
5. Мазель Л. Строение музыкальных произведений. – М.: Музыка, 1986. – 528 с.
6. Михайлов М. К. Стиль в музыке: исследование. – Л.: Музыка, 1981. – 264 с.
7. Михайлов М. Этюды о стиле в музыке. – Л.: Музыка, 1990. – 288 с.
8. Николаева А. И. Стилевой подход в обучении игре на фортепиано
1. // Теория и методика обучения игре на фортепиано [под общ. ред. А. Г. Каузовой, А. И. Николаевой]. – М.: Гуманит изд. центр ВЛАДОС, 2001.-368 с. – С. 200-366.

9. Серов А. Избранные статьи. – М. – Л.: Гос. муз. изд-во, Т.1,1950. – 272 с.
10. Холопова В. Н. Музыка как вид искусства. – Ч.1. – М.: Печатник, 1990. – 139 с.

N. F. Tikhomirova

(lecturer, methodologist)

SEIC «Lugansk State Academy of Culture and Arts

named after M. Matusovsky»

(Luhansk, Luhansk People's Republic)

E-mail: tichom57@gmail.com

MUSICAL STYLE AS A COMPLEX ORGANIZED SYSTEM

Annotation. The evolutionary development of the concept of “musical style” in the historical and theoretical aspect is analyzed in this article. The appearance and formation of this concept from ancient times in the works of Aristotle, the significance of the foundations of understanding the style laid down in the Enlightenment for its further development are retraced. The analysis of studies of the XIX and XX centuries takes a special place. Based on the philosophical definition of a system, the subsystem of style or levels are marked out in the work: epochal or historical style, national and individual. A style system that occupies a higher step in the hierarchy of style levels includes the corresponding subsystems of lower levels. In this case, the connection phenomenon is leading for the creation of a style system, while the connection exists both between different hierarchical levels and within them.

Key words: musical style, system, hierarchy, integrity, communication.

Поступила в редакцию 15 ноября 2019 года

УДК 130.2

Т. В. Лугуценко

(д. филос. наук, профессор)

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

(г. Луганск, луганская Народная Республика)

E-mail: telfira@yandex.ru**О. В. Роговец**

(соискатель кафедры социальной философии и политологии)

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

(г. Луганск, луганская Народная Республика)

E-mail: olechka3cool@mail.ru

БИО-АРТ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ТЕЛЕСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КУЛЬТУРЫ

***Аннотация.** В статье исследуются предпосылки возникновения понятия «био-арт», анализируется интерпретация тела и телесности в таких видах искусства, как живопись, скульптура, хореография и кинематограф. Авторы раскрывают философский аспект био-искусства, очерчивают понятие новых «телесных практик», влияющих на сам культурный концепт человеческого тела, а также характеризуют работы био-арта, касающиеся тела человека как биологического организма – с одной стороны, и как пространственно-временного физического воплощения – с другой.*

***Ключевые слова:** искусство, био-арт, биологическое искусство, тело, телесность.*

Разнообразие стилей и направлений современного искусства сегодня достигло такого невероятного числа, что в нём оказываются задействованы те сферы, которые ещё пол века назад с творчеством не соприкасались даже косвенно. Искусство и биология сплетаются воедино, создавая новые материалы для существования, среди которых свою нишу обретают «растущие» ткани, цифровые, звуковые мембраны и жидкости частей человеческого тела, переводимая в ДНК поэзия, заставляющая организм вырабатывать белок и другие примеры высокотехнологических метаморфоз.

Ситуация изменилась с появлением такого направления в искусстве как био-арт (биологическое искусство), утвердившегося на пороге XXI века Э. Кацем. Имея дело с живыми тканями, генами и иным «человеческим» материалом, авторы экспериментов в данной области (Дж. Дэвис, Н. Еремеев, О. Каттс, Х. Коле, М. де Минизиш, С. Робб, Я. Стербэк, И. Федотов-Федоров, И. Цурр и др.), нивелируя эстетические конотаты, устремляют своё внимание на первозданную сущность и истинную природу всего, что передаётся и используется в их работах. Внося живую и мёртвую материю в галереи, на выставки и театры, включая технологии телесной визуализации в художественное пространство, мастера био-искусства опираются на биологические метафоры, наполняя, таким образом, свои произведения потоками природности и дыханием жизни.

Объединяя научные достижения и творческие замыслы учёных и художников, био-арт захватывает также внимание философов, искусствоведов и представителей других научных направлений, поскольку ставит актуальные вопросы о сущности

всех живых существ, ценности человеческой жизни, а также выстраивает линии развития и преобразования самой природы. Посредством проникновения в тайны строения тела, клеточно-молекулярные механизмы и биохимию человеческого организма, искусство пытается обратить внимание всего мира на то, что тело всё больше отдаляется от своей природности, естественности и правдивости – оно «... подлежит чтению, пониманию, интерпретации, виртуальному представлению, генетической расшифровке» и практически предаются забвению такие «старинные» способы его восприятия как «осозание и чувственное наслаждение» [5, с. 10]. Весь мир творчества и искусства, предостерегаемый теоретиками искусственного интеллекта, разработчиками нано-технологий и кибернетики, будто пытается поставить свои работы в противовес убеждению Г. Моравека о том, что человечество находится на пороге «пост-биологического» мира и вскоре «... все мы будем закачивать наши души в память компьютеров или тела роботов и навсегда распростимся с нашей немощной плотью» [4, с. 14].

Прежде чем коснуться непосредственно понятия «био-арт» хотелось бы обратиться к некоторым видам искусства, современное состояние и развитие которых привело к появлению абсолютно нового творческого направления. Отметим, что развивающийся процесс конвергенции науки и искусства происходит во всех его отраслях – скульптуре, живописи, хореографии, кинематографе и многих других видах, выдвигающих собственную интерпретацию функций, возможностей и предназначения тела, пытающихся вывести формулу состава человека.

Подчеркнём, что искусство живописи одно из немногих способно наиболее точно, в мельчайших деталях и подробностях представить человеческое тело, однако, способно оно и трансформировать его до неузнаваемости. «Глаза становятся грудью, нос – середина лица – теперь стал пупком, а рот – гениталиями», пишет Р. Магрит [2, с. 189]. И действительно, А. Модильяни, П.-П. Рубенс, Э. Шиле, П.-О. Ренуар, К. Брюллов, Я. Капков, И. Акимов и другие в период с XVII по XX века в своих работах пытались найти образное решение телесности и осязательности, посредством наготы воспеть красоту или несовершенство тела человека, а также попытаться понять, какие чувства может выражать пластика тела. Наполняя плоть то вызывающей дерзостью, то нежной интимностью, изображая брутальное, сильное и волевое тело, или же чувственно ранимые и хрупкие силуэты, художники пытались представить собственное мнение или же выразить эстетически-нравственные проблемы современников.

Художники постмодерна переходят от простого изображения тела к изображению «телом». На наш взгляд, сегодня сами материалы трансформируются из красок, карандашей или мела, до пепла усопших, крови и людских испражнений, в то время как кисть заменяется всевозможными телесными органами, в том числе неживыми (проект М. Вискума «Рука, которая не перестала рисовать»). С одной стороны, мы можем говорить о том, что картины сегодня живут не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова, но с другой, многие из них живут «мёртвыми жизнями», преобразуя всю систему культурных ценностей. *Человек, идентифицируемый телесно, становится центрообразующим фактором пост-антропомерным этапом социокультурного пространства* (курсив наш. – О. Р.).

Изображение тела в скульптуре, беря своё начало с древних времён, также всегда обращало внимание к телесности человека. Каждая эпоха, определяя приоритет той или иной части тела, трансформировала и его пропорции (греки, воспевая физическую красоту, пытались достичь реалистичности в скульптуре); аскетичное настро-

ение Средневековья подтверждается скрытым под одеждами, тогда вовсе недостойным внимания телом; антропоцентризм Возрождения вновь очерчивает его контуры, и наряду с телесным аспектом в статуях Просвещения появляется духовная составляющая; искусство XX и XXI веков, находясь в поиске новых техник изображения тандема физического и духовного, переходит к абстракции, пытаясь выразить полноту внутреннего мира и в то же время телесную сущность человека.

Подчеркнём, что скульпторы современности, считая тело человека экспериментальным полем, имеющим неограниченные возможности, создают человеческие формы, используя весь спектр существующих в природе материалов, тем самым призывая социум прислушаться к их мыслям. Например, работы Б. Виктора напоминают о вземной, божественной сущности женщин; металлические изваяния К. Кусолито отражают хрупкий баланс между человечеством и окружающей средой; цифровые скульптуры А. Мартинакиса, представляющие собой фрагментарные футуристические изображения человека, наполняют окружающее пространство ощущением беспомощности, раздробленности и немного крика перед вызовами общественности; проникновенные и поражающие размерами силиконовые изображения людей Р. Мьюека погружают зрителя в ощущение собственной наготы и, созданные посредством взаимодействия тела и пространства, ставят ниц перед пограничностью самой реальности. Таким образом, «игра с масштабами», варьирование материалов, обескураживающая наглость, а порой и фантасмагорическая неменяемость современных скульпторов всё же подчиняются одной идее – идее поразительности человеческого тела и до конца неизведанной его сущности.

Пластические театры и танцевальные студии, стремительно набирающие популярность, используя свои оригинальные методы, преподносят тело в качестве универсального материала, инструмента для свободного выражения чувств и эмоций. Хореографы видят танец неким коммуникативным актом, центральное место в котором занимает поэзия человеческого тела. Создавая свои постановки на основе принципов внутренних порывов и импульсов, и отходя от внешней красоты и правильности линий, такие постановщики как Д. Болджер, С. Вальц, О. Дюбуа, У. Макгрегор, Д. Роден, Я. Фабр и другие трансформируют сам подход к телу. Используя его (тело) в качестве инструмента, хореографы пытаются раскрыть все его возможности, дойти до пределов его границ и исследовать всю пектораль взаимоотношений с собственным телом. В каждом танцевальном спектакле постмодерна создатели пластики балансируют на грани между полным телесным контролем и подчинением воли тела. Так, например, в спектакле С. Вальц «Тела» (нем. «Körper» – «тело») представляются множественные способы использования и трансформирования тела, каждое проявление которых вырывается наружу лишь ради получения ответа на один единственный вопрос: «Зачем нам тело?». Зритель видит конвульсивные дерганья конечностей, замеры внутренних органов, выдавливание и выжимание из тела всех его «соков», а что в итоге... Вопрос так и остаётся без ответа, но побуждает в каждом из увидевших данный пластически-анатомический пазл мысли о собственной сущности, поиске внутреннего «Я». Это приводит к продолжению исследования телесных возможностей.

Такое продолжение находят, прежде всего, во всевозможных инсталляциях и перформансах, отчасти отсылающих нас к теме био-арта. Уже в шокирующих телесных перформансах К. Бердена и М. Абрамовича проводятся попытки узнать, из чего состоит наше тело, сколько боли может вытерпеть человек и как далеко могут зайти окружающие в попытке проникнуть в само «телесное нутро». Таким образом,

понятие «тело» сегодня употребляется не только в дисциплинарных контекстах, но и влияет на них, оно не только оказывает своё воздействие на все виды искусства, но и побуждает создание новых направлений.

Био-искусство, являя собой «пересечение искусства и биологических наук с живой материей, такой как гены, клетки или животные, в качестве новой среды», как художественный жанр закрепилось в 1990-х годах [6]. Введённое Э. Кацем понятие «биологическое искусство» сформировало новое направление, в котором произведения буквально созданы из человека.

Изучение философского аспекта био-арта вызвано непосредственным освещением вопросов о пограничности жизни и смерти, границах тела и внутренней его наполненности, о телесных страданиях и сексуальной самоидентификации, о неотчуждаемости элементов тела, до недавних пор являющейся главным отличием тела от организма, имеющего в свою очередь возможность быть разъятым на части, которые могут быть заменены, наделены дополнительными функциями или же включенными вообще, и о его такой же возможности сегодня, прежде всего, в искусстве. Концептуальными аспектами био-искусства выступают тело-фетиш, тело-вещь, тело-инструмент, тело-объект и другие концепты, сталкивающие нас с новой реальностью, в которой телесность человека, транслирующаяся в произведениях био-искусства, «манифестирует процесс отчуждения человека от своего физического естества» [3, с. 212].

Работая в сфере биологического искусства, художники и учёные пытаются выставить напоказ то, что невозможно увидеть невооружённым взглядом. Например, Ж. Пан причиняет себе боль на публике; М. де Ван, пытаясь убедиться в реальности собственного тела, в кинокартине истязает, рвёт на куски и поглощает его; Р. Шварцкоглер проводит видеосъёмку собственной смерти, вызванной отрезанием плоти и последующей потерей крови. Таким образом, формируются новые *телесные практики*, влияющие на сам культурный концепт человеческого тела. О теле в искусстве и био-арте говорят в своих исследованиях Д. Булатов, М. Журниак, Э. Кац, Р. Митчелл, Ф. Плюшар, И. Райхле и другие, отмечая, что био-искусство не создаёт объекты, события или виртуальные образы – оно управляет онто- и филогенезом. Отличительным признаком, выделяющим это направление из множества иных художественных движений, выступает, по мнению Э. Каца, «манипулирование биологическими материалами на различных уровнях (живых клеток, белков, генов, нуклеотидов) и фактически создание новой жизни» [7, с. 12-20].

Множество работ био-арта направлено на переосмысление отношений человека с нечеловеческими, в частности животными, другими формами жизни, на необходимость нового взгляда на живую материю, а также на раскрытие характеристик таких направлений, как ДНК-арт, генетическое и трансгенное искусство. Однако, существуют работы, касающиеся непосредственно тела человека, несводимого лишь к коду и набору хромосом, а очерченного пространственно-временным физическим воплощением. Так, проект *Morbis Artis: «Болезни искусств»* (2017 г.), затрагивающий не столько вопросы жизни, сколько актуализирующий проблемы болезни и смерти, на уникальной интерактивной художественно-научной выставке создал портреты на льду, которые вскоре исчезли, – они символизировали актуальные и метафорические коммуникативные заболевания, отравляющие отношения между человеческой и нечеловеческой жизнью, знаменовали

«мучительный век видов и разрушение среды обитания, и все более проницаемые ткани современных тел» [6].

Среди других работ био-арта можно выделить видеопроекцию Д. Берри, в которой инфекционные клетки «высвобождаются» из тела и, проецируясь на стены галереи, «улетают» в пространство; мультимедийную анимационную работу Л. Торре, в которой два стеклянных глазных яблока превращаются в капли воды – водянистую жизнь, символизируя изменения и порчу взглядов общества под влиянием цифровых технологий; сканирование синяков кожи Э. Беннет, на сенсорном экране которых люди могут, манипулируя повреждёнными тканями, в то же время почувствовать прикосновения к своим глазам – одновременно они прикасаются к ушибу и оказываются ушиблены сами. Можем сказать, что такие проекты с помощью скальпеля, кисти и видеоэффектов позволяют по-новому взглянуть на мир и его составляющие.

Одним из ответвлений био-арта являются выставки реальных человеческих тел, преобразованных по различным методикам. Среди них *пластификация* Г. Фон Хагенса – сохранение тел умерших, при котором вода и жир заменяются особым пластиком, преображающим тело в «пластинат». Проходящие последние двадцать лет выставки постоянно расширяются и несомненно вызывают неоднозначное мнение общественности. Кто-то называет это «высокотехнологичным глумлением над трупами», кто-то созерцанием «объектов скорби», а кто-то говорит о создании уникальной энциклопедии по анатомии, в которой можно воочию проследить изменения человеческого тела с детства и до глубокой старости. Сам автор стремится изменить отношение каждого человека к собственному телу, обратить внимание на заботу о нём, насытить знаниями о его строении и напомнить о скоротечности бытия. Учитывая различные точки зрения на его работы, можем констатировать тот факт, что художники посредством работ пытаются не столько выразить свои собственные переживания, сколько позволяют самим экспонатам создавать ощущения невероятной динамики, волновать общественность и вызывать социокультурное пространство к насущным проблемам.

Исходя из вышеизложенного можем судить о растущей тенденции к «музеефикации» тела, в развёртывании эпопеи которой искусство становится главным действующим лицом. Перестроения происходят и в самом искусстве, в первую очередь, отражаясь в процессе, где на периферию художественного опыта отправляется литература, а на передний план выходят визуальные и экранные его виды – «игра со словом в литературе заменяется игрой с телом – чужим, своим собственным, изображением тела, акцентуированностью внимания к телесному вообще [5, с. 212-213]. Вся культура современности формируется под эгидой телесности, активизма, расчеловечивания и массовости, ставя под вопрос приоритет индивидуальности.

Гипертрофия аудиовизуальных каналов, порождающая дистанцирование человека от реальности и связанные с этим проблемы с переживанием собственной идентификации, приводят к обретению приоритетных позиций осязательности, в отличие от принципа изобразительности, преобладающего в искусстве прошлых веков, поэтому, подводя итог, можем обратиться к Т. Адорно, ранее высказавшему мысль о том, что «искусство нуждается в философии в целях развития своего собственного содержания» [1, с. 135]. На сегодняшний день это действительно так, поскольку, являясь средством отражения социальных явлений и культурных изменений, каждое из направлений искусства и в первую очередь био-арт, стремятся сме-

стить акценты с внешнего на внутреннее и отразить, с одной стороны, осязаемое отелеснивание всего окружающего пространства, а с другой – процесс утраты тела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адорно Т. Эстетическая теория / Пер. с нем. А. В. Дранова – М.: Республика, 2001. – С. 135.
2. Баскаков В. Ю. Свободное тело. – М.: Инст. общегуманит. исслед., 2004. – С. 189.
3. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород / Под. ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. – М.: Канон, РООИ Реабилитация, 2014 – С. 212.
4. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / Пер. с англ. Т. Парфеновой. – Екатеринбург.: Ультра, Культура, М.: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 14.
5. Эпштейн М. Н. Философия тела / М. Н. Эпштейн. Тело свободы / Г. Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 10.
6. Anker S. Of microbes and machines: How art and science fuse in bio-art [Электронный ресурс] / S. Anker. – CNN Style, 2017. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/style/article/bio-art-microbes-and-machines/index.html>
7. Кас Е. Art that looks You in the Eye: Hybrids, Clones, Mutants, Synthetics, and Transgenics: Introduction // Signs of life: bio art and beyond / ed. by E. Кас. Cambridge. – L.: The MIT Press, 2009. – P. 1 – 27.

T.V. Lugutsenko

Doctor Philosophical Sciences, Professor)
SEI LPR «Lugansk national agrarian university»
(Lugansk, Lugansk People's Republic)
E-mail: telfira@yandex.ru

O.V. Rogovets

(Applicant, Department of Social Philosophy and Political Science)
SEI LPR «Lugansk national agrarian university»
(Lugansk, Lugansk People's Republic)
E-mail: olechka3cool@mail.ru

BIO-ART AS A DIRECTION IN THE STUDY OF THE PROBLEM OF PHYSICALITY IN THE CONDITIONS OF MODERN TRANSFORMATIONS OF CULTURE

Annotation. The article examines the prerequisites for the emergence of the concept of "bio-art", analyzes the interpretation of the body and physicality in such arts as painting, sculpture, choreography and cinema. The authors reveals the philosophical aspect of bio-art, outlines the concept of new "bodily practices" that influence the cultural concept of the human body, as well as characterizes the work of bio-art relating to the human body as a biological organism on the one hand, and as a space-time physical embodiment on the other.

Key words: art, bio-art, biological art, body, corporeality.

Поступила в редакцию 10 декабря 2019 года

УДК 130.33

И. А. Черных

(к. пед. наук, доцент)

ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет
имен святителя Луки»

(г. Луганск, Луганска Народная Республика)

E-mail: irinatchtrnykh@yandex.ru**ОСНОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ
В РЕЛИГИОЗНОМ И СВЕТСКОМ СМЫСЛАХ**

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности трактовки понятия «духовность» в религиозном и светском смыслах. С религиозной точки зрения духовность определена на основе значения понятия «дух» с позиции религиозных философов, которые связывают с духовностью все лучшее в человеке, а все негативные проявления в человеке и обществе определяют как бездуховность. Светская трактовка понятия опирается на понятие «дух» на основе идеалистических учений, рассматривающих духовность как добровольный выбор индивидом важнейших общественных ценностей и идеалов и подчинение своей жизни их требованиям. Это позволило прийти к выводу о том, что определение понятия «духовность» требует учёта и религиозной, и светской трактовки, оно заключается в стремлении индивида к совершенству на основе высших ценностей.*

Ключевые слова: духовность, дух, душа, бездуховность.

Тема духовности все чаще привлекает внимание философов, деятелей культуры и религии, педагогов, публицистов, политиков как одна из актуальных проблем современности. Именно в духовности находят «панацею от болезней» человек, социум, человечество в целом. Поэтому понятие «духовность» является одним из самых загадочных и притягательных в философской литературе.

Сегодня существует конфликт между философскими конструктами и социокультурными репрезентациями духовности. Философские конструкты выстраиваются преимущественно в границах императивно-нормативной модальности, которая своими корнями уходит в христианскую культуру, и сохраняют модерную и даже премодерную векторизацию. Одновременно социокультурная реальность приобрела постмодерные качества – утратила абсолютное обоснование своих исходных основ, традиционные основания и механизмы формирования, стала плюралистической, мультиверсионной, чрезвычайно динамичной. То есть возникли новые механизмы формирования, функционирования и развития духовности. Ее социокультурные репрезентации выходят далеко за границы нормативности и сами приобретают мультиверсионный, плюральный, постмодерный характер. Отсюда возникает необходимость контекстного исследования духовности: ее концептуализации с позиции новых социокультурных контекстов идентификации и сравнительного анализа философских конструктов и социокультурных репрезентаций духовности. Обозначенные конфликты интерпретаций показывают, что забота о духовности предусматривает обновление философского дискурса духовности, ее реинтерпретации и новой категориальной идентификации.

В античности смысловые контуры понятия «духовность» постепенно складывались из репрезентации в других понятиях: «нус», «логос», «пневма». От их семантики образуются такие смысловые константы понятия «дух»: нетленная, бестелесная, активная, движимая, животворящая, принуждающая, захватывающая, зажигающая, инспирирующая сущность (от «пневма»); смысл, основа, отношение,

действие, инспирирующее (животворящее) и всеорганизуемое, разумное начало макрокосмоса и микрокосмоса (от «логос»); главный, единый «рулевой души» (от «нус»); целокупный, творческий, энергетический источник света, атрибутами которого являются Благо, Мудрость, Истина и Красота (синтез «логоса» и «нуса» у Платона). Для античной смысловой модели сущностными являются представления о космичности духа, его разумности и рационализированности духовности, ее человекомерности, но духовное качество человека мыслится не как индивидуальное, а как соединяющее ее с нетленным мировым началом.

Подчеркнем, что в Новое время прослеживаются трансформации смыслового поля духовности, обусловленные секуляризацией и рационализацией культуры. Очевидно, что секуляризация постепенно приводит к десубстанциализации духа, который уже с эпохи Возрождения (Манетти, Пико дела Мирандола, Лоренцо Валла и другие) мыслится не столько как божественное, сколько как собственно человеческое начало, акцентируются творческие потенции человеческого духа и его способность выходить за границы земного и даже небесного миров. Но ренессансный титанизм, поставив Я на первое место, привел к утверждению эгоцентризма и эгологизма (Левинас), которые становятся атрибутивными для Новоевропейской культуры, где также происходит рационализация Духа (Бога) и духовности как атрибута человека, порожденная распространением механистично-детерминистского мировоззрения.

В религиозно-философском смысле духовность понимают как состояние духовного, из одного духа составленное. Смыслоопределяющая часть «дух» прямую и первично связана с областью религии, конкретно с христианской традицией. Своими корнями оно уходит в античную философию и религиозную традицию Ветхого Завета. В переводе с латинского «spiritus» и греческого «pneuma» оно означает «движущийся воздух», «дуновение», «дыхание» (как носитель жизни), иногда отождествляется с понятием «душа» как сущностью, которая может покинуть тело, или с самой жизнью. Духовность проявляется в подчинении души и тела духу. Задача, стоящая перед человеком, – высвободить дух из-под власти низших сфер, вознести его на должную высоту, подчинив всю свою природу, устремляясь к богоподобию.

В библейско-христианской традиции дух рассматривается как Бог, сотворивший по своей воле мир и человека. Традиция христианской аксиологии, заложившей смысловое ядро понятия «духовность», в дальнейшем была продолжена в русской религиозной философии в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Н. И. Лосского, В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка и др. Духовность рассматривалась ими значительно шире, чем религиозность, и понималась как проявление «метафизического ядра» человека (Н. А. Бердяев), «энергии Высшего и Совершенного Начала» (И.А.Ильин). Именно с духовностью связывалось все лучшее в человеке: свобода личности, чувство ответственности, стремление к совершенствованию, стремление к труду, способность увидеть совершенное. И напротив, все негативные проявления в человеке и обществе обуславливались неразвитостью духовных качеств. Это можно соотнести с понятием «бездуховность». В. И. Даль, определяя в своем словаре понятие «дух», пишет, что оно широко «распространено не только в церковно-религиозной практике, но и в разговорном языке. Дух это высшая искра Божья в человеке, как воля и стремление человека к небесному» [1, с. 503]. В. И. Даль выделяет в духе не только это стремление, но и ум, способность составлять отвлеченные понятия.

В светски-материалистическом смысле духовность чаще всего трактуют как тягу людей к вершинам культуры и совершенствованию своих творческих способностей. Поэтому иногда говорят о духе произведения искусства, подразумевая при этом его идейное содержание, о духе эпохи, корпоративном духе как всеобщем характере чего-нибудь. В этом случае понятия «дух» и «душа» обычно берутся не в своих собственных традиционных значениях, а искаженно – как синонимы общественного и индивидуального сознания. А далее к ним применяется перевернутая религиозная формула: вместо описания духовности как присутствия в душе Духа Божьего о духовности говорят как о добровольном выборе индивидом важнейших общественных ценностей и идеалов и подчинении своей жизни их требованиям.

Понятие «дух» в философии понимается как противоположность материи. Материя воплощает в себе внешнюю необходимость, дух – сфера внутренней свободы. Материя развивается в соответствии с объективными законами, а дух – творит. Свобода и творчество, таким образом, атрибутивные характеристики духа.

Понятие духа в идеалистических учениях выступает для обозначения первоначала мира как особая субстанция, а также как синоним слову «сознание». Иногда под духом понимаются сознание и мышление (рационализм), иногда дух выступает как синоним воли, чувства, воображения, интуиции (иррационализм). В разных философских системах понятие «дух» трактуется весьма разнообразно.

В индийской философии оно раскрывается через слова «брахман» представляющего высшую реальность, объективное, безличное начало, из которого возникает мир, и «атман» – субъективное духовное начало, основа индивидуального бытия. В древнегреческой философии дух (нус) – это тончайший субстрат с признаками материи, мирообразующее начало, перводвигатель космоса.

В философии нового времени дух – это разумное начало, позже развиваются интуитивистские и экзистенциалистские интерпретации этого понятия. В марксистской философии дух выступает как синоним сознания. Таким образом, в философии дух понимается как противоположный природе, но не враждебный ей, а призванный возвысить ее, усовершенствовать. Он проявляется в трех формах. Это дух отдельного индивида, или личный дух. В этой форме он соотносится с понятием «душа», которая рассматривается как носитель духа. Душа тесно связана с телом, она включена в процесс органического развития, ее свойства могут передаваться по наследству. Личный дух по наследству не передается, его нельзя понять на основе психического. По наследству передается только способность создания духа, который возникает посредством духовной работы. Личный дух тесно связан с объективным духом. Его носителем является какая-либо общность людей (группа, народ).

Объективный дух – это совокупность возможных предикатов к субъекту «народ». Объективированный дух существует в виде совокупности завершенных творений человека – произведений науки, искусства, религиозных откровений и т.д. Все эти формы тесно взаимосвязаны между собой. Личный дух становится самим собой благодаря вращению индивида в область объективного духа, в духовную сферу, а объективированный дух – это результат такого вращающегося, те произведения, которые создает человек, осваивая духовную сферу.

Г. В. Ф. Гегель выделяет также «абсолютный дух», независимый от какого бы то ни было земного носителя, тождественный с чистым божественным духом, который рассматривается как идеальное целое. Концепция Абсолютного Духа окончательно проявляет спекулятивный характер всевозможных размышлений о духе

как таковом и тем самым открывает путь к философской легитимации понятия «духовность» как формы репрезентации духа на уровне человеческого бытия. Этот путь постгегелевская философия преодолевает по-разному. Например, одно направление соединено с акцентуацией объективности духа (М. Гартман, Э. Дюркгейм, Э. Касирер, М. Шелер), а другое – с акцентуацией субъективности духа, его восприятием как сущностной характеристики человека, атрибута человеческой самости, человеческого способа бытия в мире (экзистенциализм, персонализм, мидовская версия прагматизма и бихевиоризма), хотя здесь выраженными являются и мотивы С. Кьеркегора. Наполненность и горизонты смыслового поля также определяются методологической и эпистемологической ситуацией в философии, которая порождает плюрализацию и «припрятывание» смыслов духовности, что усложняет ее концептуализацию и категориальную идентификацию.

В смысловом поле духовности усиливаются отцентровые силы, вследствие чего оно становится аморфным, теряет свойственные ему раньше целостность, связность, прозрачность. Установлено, что понятийный ряд духовных феноменов постепенно привлекается к анализу общественно-политических явлений. Тенденция прослеживается в исследованиях духовных основ и признаков кризиса западноевропейской культуры (Й. Хейзинга, Э. Гуссерль, П. Сорокин, О. Шпенглер, К. Ясперс), в более поздних поисках причин и признаков кризиса современной цивилизации (Г. Маркузе, Х. Йонас, Е. Тоффлер), аналитике тоталитарного общества (Т. Адорно, Г. Арендт), в теориях демократии (элитистские и плюралистичные концепции) и гражданского общества (Г. Алмонд, С. Верба, Г. Пауэлл).

Во второй половине XX века все более очевидной становится взаимосвязь между духовными и социальными феноменами, прежде всего, этикой и политикой, духовностью и социумом (коммуникативная философия, теория габитуса П. Бурдьё). Тенденция усиливается вследствие этизации философского дискурса, что в значительной степени актуализировало проблемы духовности в работах В. Вельша, Н. Элиаса, Ч. Тейлора, Р. Шпеманна. Сделан вывод о том, что хотя разнообразные феномены духовной жизни занимают важное место в западной философии XX века, но сам феномен духовности так и не стал предметом специального философского анализа вне границ философской антропологии (А. Гелен, М. Ландман, Г. Плеснер, А. Портман, Э. Ротхакер) и религиозной философии. Исключением являются работы К. Г. Юнга, Э. Фромма, В. Франкла. Это не содействует постметафизической идентификации духовности, и в понятии определяющими остаются даже не современные, а премодерные коннотации.

Христианство персонифицирует дух, понимает его как олицетворенный абсолют, «Дух Святой», что определяет животворящую функцию божества. Дух не принадлежит самому человеку, он словно дарится ему Богом. Установлено, что для христианской семантической модели духовности характерна троичность: божественной природы – Отец-Сын-Святой Дух, человеческой природы – плоть-душа-дух, Абсолютных ценностей – Благо-Истина-Красота, экзистенциалов человеческого бытия – Вера-Надежда-Любовь, интерсубъективных отношений – Бог-Я-Ближний. Установлено, что здесь окончательно складываются такие смысловые константы понятия: активная, динамичная, животворящая, интенционная, трансцендирующая сила, которая является проявлением Божественного в человеке, и ориентация на которую придает человеку и его бытию подлинности, весомости, полноты. С понятием «духовность» закрепляется значение морального идеала, и оно приобретает определенной императивно-нормативной модальности. Обосно-

вано, что в христианском мировоззрении оформляются классические для западно-европейской культуры смысловые очертания духа и отсюда начинаются истоки той нормативной семантической модели духовности, которая и теперь претендует на занятие господствующих дискурсивных позиций. Но со времен «смерти Бога» в культуре такая семантическая модель проблематизируется и требует как новой системы обоснования, так и новой / или обновленной смысловой насыщенности.

В конце XIX – начале XX века в русской философской традиции складывается более содержательное понимание духовного, которое было основано на приверженности авторов православной религии, а также на знании и глубоком освоении учений немецких философов об объективном духе. Это понимание предполагает, что духовное:

- во-первых, укоренено в душе отдельного человека;
- во-вторых, присуще общественному бытию, где проявляется в массовых чувствованиях, верованиях, навыках, склонностях, способах действия и др. Духовное как бы пронизывает все формы социальной жизни, облагораживая и привнося высший смысл, нравственность, чувство любви, понимание свободы в политику, в национальные и межнациональные отношения, в трудовую и правовую деятельность.

Своеобразие русской православной духовности философы связывали с соборным началом: особым типом коллективизма, который не противостоял личностному началу, а выступал как первичное, неразложимое единство людей, из которого произрастает личность, приобретая в этом становлении религиозную страстность и стремление найти путь к общему спасению. Важными чертами понимания духовности русскими философами являются также напряженные поиски смысла жизни, стремление к целостному восприятию мира, к всеохватывающей и конкретной тотальности и тесно связанное с этим развитое чувство космического. В русской философии, согласно светской трактовке, духовность рассматривают как:

- свойство отдельного человека, как одну из важнейших характеристик его психической деятельности (Г. Э. Бурбулис, М. С. Каган, В. Е. Кемеров);
- как исключительно личностное качество (Р. Л. Лившиц);
- как качественную характеристику сознания и продукт деятельности человека (Г. С. Батищев, Л. П. Буева, М. К. Мамардашвили, В. Н. Шердакова).

В современной философской литературе отсутствует единая, целостная концепция духовности. На наш взгляд, в современных научных исследованиях, посвященных проблеме духовности, недостаточно определены сущность и содержание духовности в светском и религиозном измерении. Как считает С. Б. Токарева, в значительной степени «это обусловлено смешением проблемы сущности духовности с проблемами ее спецификации» [2, с. 83]. Таким образом, возникла необходимость анализа смысловой наполненности понятия «духовность» с учетом изменений основ социокультурной реальности и самосознания современного человека. Духовность всегда связана с положительным общечеловеческим идеалом, а идеал, по справедливому замечанию А. В. Гулыги, «трудно строить из понятийных конструкций, образ – более подходящая форма» [3, с. 8].

На наш взгляд, актуальность исследования духовности сегодняшнего дня представляет собой проблема концептуализации феномена духовности, сущность которой не выражена. Тем не менее, духовности присущи содержательные характеристики, которые могут быть выявлены в процессе философского анализа духовного опыта. Например, Л. М. Лузина называет исследование духовности «феноме-

нологией духовности», она считает, что невозможно изучить и описать духовность с помощью научных методов, можно дать исчерпывающее научное определение понятию «духовность», лишь посредством метода наблюдения, можно «зафиксировать и описать проявление духовности в поступках человека» [4, с. 10]. По мнению С. Б. Токаревой, о духовности невозможно говорить в строгих определениях понятий и категорий, и наиболее приемлемым оказывается ее символическое истолкование. Исследование духовности, таким образом, предполагает постоянную компенсацию недостаточности понятийного, дискурсивного знания знанием интуитивным, метафорическим.

С позиции материалистической философии, как и религиозной, качеством, противоположным духовности, является бездуховность. Бездуховность – это «покинутость» человека Богом, разрыв связи души с духом, замыкание способностей души на деятельности по обслуживанию своей телесной оболочки и сохранению достигнутой жизненной формы. Бездуховность может быть сопряжена либо с неразвитостью тяги души к духовному бытию, либо с усталостью преодолевать инерцию экзистенции и эгоизма. Она понимается как отсутствие высших целей и ценностей, как господство низменных, плотских интересов и влечений. Это ведет к уничтожению в светском пространстве сакральных зон, не допускающих глумления, цинизма по поводу важнейших проявлений жизни: рождения и смерти, любви, уважения к старости, заботы о слабых и др. Например, Е. Б. Ерина утверждает, что духовность и бездуховность можно определить как качества, присущие каждому человеку. Первая проявляется как «стремление к совершенству на основе высших ценностей, а вторая – к удобному устройству в жизни, утверждению плотского начала, обращение к темной стороне бессознательного и признание именно этой стороны в качестве определяющей» [5, с. 15].

Рассмотренные нами особенности трактовки духовности с религиозной и светской позиций, подтверждают мнение В. А. Лекторского о том, что «единым как для религиозного, так и для светского сознания является понимание духовности, которое связывается с выходом за пределы эгоистических интересов, личной пользы, корысти. Духовное предполагает, что цели и смысложизненные ориентиры личности укоренены в системе надындивидуальных ценностей» [6, с. 34].

Как некую надындивидуальную сферу, в которой пребывает каждый христианин, духовность трактует и С. Л. Франк [7]. Он убежден, что религия и духовность «нерасторжимы». «Духовность как сопряженность души с духом, под которым понимается идеальность как таковая», трактует С. Б. Токарева [2, с. 98]. Она считает, что духовность есть возникающая в результате обращенности к духовной реальности соразмерность человека с духом как надындивидуальной идеальной сущностью, которая и задает меру человеческого в человеке. А как утверждает Е. Б. Ерина, решение проблемы духовности в рамках религии безупречно. «Духовность – это восхождение человека к Богу. Духовность предполагает признание вертикали ценностей, восхождение человека по этой вертикали. Стремление к высшим ценностям предполагает напряженную веру в них» [8, с. 142].

Анализ сущности понятия «духовность» в религиозном и светском смысле дает возможность утверждать, что и с одной, и с другой позиции духовность рассматривают как понятие, связанное с понятием «дух», понятием, противоположным духовности, является бездуховность. Наиболее полное и точное определение понятия «духовность» должно учитывать и религиозную, и светскую трактовку этого понятия, которое актуализировано современными социокультурными трансфор-

мациями и необходимостью реидентификации феномена и реконцептуализации понятия в новых социокультурных и дискурсивных контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Владимир Иванович Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа. – Т. 4: 2003. – 688 с.
2. Токарева С. Б. Методологические основания анализа духовности / С. Б. Токарева // Философия и общество. – 2005. – № 2. – С. 83 – 100.
3. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы / А.В.Гулыга. – М.: Наука, 2003. – 230 с.
4. Лузина Л. М. Феноменология русской духовности как педагогическая проблема / Л. М. Лузина // Педагогика культуры. – 2005. – № 1.
5. Ерина Е. Б. Духовность и соотносительные понятия / Е. Б. Ерина // Общественные науки. – 2010. – №3. – С. 12 – 16.
6. Лекторский В. А. Духовность и рациональность / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1996. – №2. – С. 31 – 35.
7. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 510 с.
8. Ерина Е. Б. Светский аспект понятия «духовность» / Е. Б. Ерина // Научная мысль Кавказа. – 2010. – №1. – С. 142 – 147.

I. A. Chernykh

(Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor)

SI LPR «Lugansk State Medical University

names of St. Luke "

(Lugansk, Lugansk People's Republic)

E-mail: irinatchrnykh@yandex.ru

THE FOUNDATIONS OF SPIRITUALITY IN THE RELIGIOUS AND SECULAR SENSES

***Annotation.** The article deals with the peculiarities of the interpretation of the concept of "spirituality" in the religious and secular senses. From the religious point of view, spirituality is defined on the basis of the meaning of the concept "spirit" from the position of religious philosophers, who associate with spirituality all the best in man, and all negative manifestations in man and society are defined as lack of spirituality. The secular interpretation of the concept is based on the concept of "spirit" on the basis of idealistic teachings that consider spirituality as a voluntary choice by an individual of the most important social values and ideals and subordination of his life to their requirements. This led to the conclusion that the definition of "spirituality" requires consideration of both religious and secular interpretations, and consists in the individual's desire for perfection on the basis of higher values.*

***Key words:** spirituality, spirit, soul, spiritlessness.*

Поступила в редакцию 11 декабря 2019 года

УДК 101.1:316

Т. В. Лугуценко

(д.филос.н., профессор)

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

E-mail: telfira@yandex.ru**А. С. Товчига**

(старший преподаватель)

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ФОТОГРАФИЯ КАК ДОКУМЕНТ: АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В данной статье исследовано теоретическое осмысление фотографии, ее историческое развитие и роль в социокультурном обществе. Была рассмотрена феноменология фотографии, что предусматривает её осмысление в непосредственном коммуникационном процессе, который охватывает функциональную сферу и само пространство коммуникации и восприятия.

Ключевые слова: фотография, фотообраз, фотообраз-симулякр, изображение-объект, изобразительная репрезентация, виртуальная реальность, медиакультура.

Насыщение общественной жизни визуальным содержанием, визуальными представлениями и проявлениями в ближайшем будущем будет только возрастать. Окружающая среда становится всё более зрелищной, красочной, аттрактивной, а экспансия масс-медиа порождает и тиражирует новые визуальные образы повседневности. Роль главного визуального медиа посредника играет фотография. Фотография, вознесённая процессами визуализации культуры в центр конструирования социальной истории, выступает носителем знания о мире. Создавая «антологию образов мира», фотография выступает коллективной памятью общества, основанием для понимания, типизации и оценки действительности, конструктом социальной реальности. В отношении самого феномена фотографии была сформирована некая рефлексивная традиция, что объясняется фактом комплексности и новизны этого объекта, оказавшего влияние как на осмысление искусства и общества в целом, так и заложившего тенденцию критического осмысления последующих технически воспроизводящих объектов и визуальных медиа.

Опыт теоретического осмысления фотографии был исследован на основе выделения трёх этапов концептуализации фотографии. Изначально фотография рассматривалась как способ отражения реальности, её след, слепок, индекс. На втором этапе, связанном с эпохой рефлексивного модернизма, как способ аналитики в реальности, и на третьем этапе – как способ конституирования новой реальности. Изменяющееся значение фотографии – технического образа, как новой формы освоения медийного мира было проанализировано одним из первых медиатеоретиков В. Флюссером.

В эпоху цифровых изображений философский интерес к фотографии только усилился. Прежде всего, это выразилось в анализе фотообраза как аспекта медий-

ного пространства. Медийная природа фотообраза раскрывается в его функции коммуникативного посредника. Образ – это среда, где реализуется и одновременно репрезентируется взаимопроникновение материального и понятийного, индивидуального и социального. В медийном пространстве фотообраз создаёт и воспроизводит социально значимые диспозиции чувственного и интеллектуального. Утверждение фотографии в качестве приоритетной составляющей медиакультуры происходило постепенно – от появлений первых фотографических процессов до полномасштабной дигитализации современных культурных феноменов. Освоив новые сферы функционирования и транслируя новые смыслы в культуре, фотообразы изменились как в формально-техническом, так и в содержательно-смысловом наполнении.

В зависимости от функциональной специфики исследователи (Ю. Богомолов, А. Вартанов, Е. Кранке, М. Каган, В. Стигнеев) предлагают различные классификации фотографии, среди которых простой и популярной является разделение на документальную и художественную. Также выделяются публицистическая, экзистенциальная, пикториальная, постановочная, рекламная, научно-техническая, деловая, бытовая фотография и тому подобное. Такое разделение можно считать довольно условным, ведь один и тот же снимок может относиться сразу к нескольким видам, в зависимости от сферы функционирования, следовательно, границы раздела являются не принятыми. Р. Краусс вообще критически относился к прагматическому функционированию фотографии, утверждая, что таким образом фотография теряет свой культурный смысл и вступает в кризисную фазу развития. Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Э. Кранке обращались к осмыслению «чистой фотографии», пытаясь уйти от её функциональной ценности в культуре. Однако для идентификации фотографии как культурного феномена важно проследить динамику социокультурных функций фотографии, поскольку в зависимости от социально-коммуникационного канала распространение фотообраза может транслировать принципиально новую смысловую нагрузку. «Их окончательное значение кодирует каналы распространения «медиа», – пишет в этой связи о фотографии В. Флюсер [1, с. 94]

Феноменология фотографии предусматривает её осмысление в непосредственном коммуникационном процессе, который охватывает функциональную сферу как пространство коммуникации и восприятия. Одной из важнейших функциональных потребностей в возникновении фотографии можно считать стремление человека показать себя и окружающий мир и сохранить этот образ. А. Базен писал, что сегодня никто уже не верит в онтологическое тождество модели и портрета, но «можно предположить, что портрет помогает помнить о человеке и спасти его, таким образом, от второй – духовной смерти» [2, с. 13]. Появление фотографических процессов началось с попыток упростить процесс рисования путём копирования изображений. Предыдущие подходы к техническому решению проблемы создания фотографического изображения можно найти ещё в трудах средневековых алхимиков. В XIX веке появилось несколько техник, которые давали возможность получать изображения механическим способом, в частности гелиографии, калотипии и дагеротипия. Уже с конца XIX века наступает так называемый период зрелости фотографии. Несмотря на существующую критику, фотография, сохраняя функцию технического изобретения для точной регистрации действительности, очень быстро приобретает статус искусства, поскольку эстетическая функция является неотъемлемой из фотоизображения. К тому же реализация этой функции может быть довольно специфической. Фотографии обладают способностью эстетизировать урод-

ливое и одновременно обесценивать, профанировать прекрасное. Совершенствование фотографической техники привело к широкому применению репродуктивной функции фотографии, которая открыла возможность бесконечной технической репродукции визуальных образов. В данном контексте важно отметить положительную образовательную роль фотографии в её эстетическом аспекте: люди, которые не имеют возможности непосредственно посетить музеи или галерею, получили возможность увидеть разнообразные произведения искусства, которые не доступны в до фотографическую эпоху. Прослеживается также мощное влияние фотографии на развитие традиционного изобразительного искусства, освободив его от функции репродукции реальности и полностью взяв её на себя, она задала искусству новый вектор развития. Функциональные параметры фотографии не могли ограничиваться сугубо художественными рамками, в которые она так отчаянно стремилась попасть в первые десятилетия своего существования, ведь с фотографией человек получил возможность свободной манипуляции визуальными образами: «Фотографы научились извлекать из реальности фрагменты нематериальной видимости и превращать их в изображение-объекты. Жизнь, быстротечная и неуловимая, с изобретением фотографии проявила впечатляющее свойство – оставаясь узнаваемой, превращается из динамической протяжности во множество отдельных предметов, которые можно копировать и тиражировать», – отмечает исследователь В. Левашов [4, с. 9]. По желанию человека фрагменты видимой действительности складываются в любые сюжеты, формируя новое визуальное пространство. С изобретением фотографии объективность перестала отличаться от человеческой субъективности, а фотография утвердилась как полифункциональный культурный феномен и неотъемлемая составляющая жизненного пространства человека. Прежде всего, фотография выполняет гносеологическую и дескриптивную функции, поскольку является приоритетной иконической формой познания и описания окружающей действительности. Фотография получила широкое использование в научно-технической сфере, предоставляя человеку много знаний о том, каким было прошлое, и о различных событиях и явлениях нынешней эпохи.

В становлении фотографии как современного информационного медиа и важного социального и культурного феномена главную роль сыграли социальные события. Фотография выполняла разведывательные задачи, документировала, создавала информационно-пропагандистские продукты. Важная социокультурная функция фотографии заключается в том, что она сопровождает семейную жизнь, хранит память о достижениях членов семьи, фиксируя важнейшие моменты жизни человека и его рода. Сегодня актуализируются исследования так называемой повседневной и вернакулярной фотографии как социокультурных феноменов. Вернакулярная фотография – это типичное, анонимное фото, где автор не только неизвестен, но и, по сути, не важен. Любительская фотография крайне частная, интимная, она отсылает к подробностям жизни определённых незнакомых людей. Или же наоборот, это может быть фотография абстрактная, которая документирует специальные подробности технологических процессов, процесса лечения, проведения археологических раскопок, строительства дорог и т.д. То, что утверждает фоторегистрация, гораздо скромнее: это просто факт существования объекта, и поэтому фотографий никогда не может быть много. Например, по фотографиям каждая семья составляет свою портретную хронику – портативную сборку образов, которая показывает родственные связи. Неважно, что снято на таких фотографиях, если они есть – их берегут. Фотографии сохраняют память о людях и их будничных привычках. Семей-

ный фотоальбом в основном посвящён большой семье, и часто это единственное, что остается от неё. Фотографии обеспечивают людям мнимое владение прошлым, которое уже на текущий момент не может существовать [5, с. 123].

Современный социум, который прошёл фазы постструктурализма и постмодернизма, стремится к познанию культурного процесса с помощью языковых структур. И фотография не исключение, она имеет специфический образно-выразительный язык. «Фотография, как и слово, выступает носителем информации. Текст фотографии – особое явление, феномен которого заключается в том, что творчество фотографа – это язык, в котором генерируется новая реальность» [6, с.18]. Отдельного внимания заслуживает герменевтический аспект анализа фотоальбома как текста, определённого сообщения, закодированного в изображении (или их совокупности), которое с помощью символов может быть проинтерпретировано само по себе, или в пределах определённого контекста. Контекст (подпись или устный комментарий к тому, что демонстрируется) – один из важнейших факторов в восприятии фотографии, особенно если речь идёт о фотографии незнакомого человека. Но и при отсутствии словесного объяснения альбом может рассматриваться как нарратив, рассказ, связывающий отдельные разрозненные моменты (фрагменты) в единую историю. Эта связь осуществляется с помощью расположения фотографий (необязательно всего альбома, иногда его части) по тематическому или хронологическому принципу. Таким образом, достигается смысловое и временное упорядочивание, единство повествования (например, альбом «Наш ребёнок»). Во время просмотра имеет значение порядок ознакомления со снимками, что соответствует постраничному порядку во время чтения книги. Следует отметить, что хронологический и нарративный (сюжетный) принципы в фотоальбомах необязательны и могут быть нарушены.

В научных исследованиях фотография также используется как вспомогательная деталь в биографическом интервью, как иллюстрация. Такое её применение является следствием представления о ней как об объективной реальности, имеется в виду предположение, что снимок (все зафиксированные на нём явления, вещи и люди) имеет одинаковый смысл для всех. Однако интерпретационный подход к фотографии открывает её способность «изображать разное для разных людей», – отмечает Т. Власова, анализируя специфику семейных фотоальбомов [7, с. 124]. Понимая фотографию как некое субъективное представление реальности, мы можем обнаружить личную информацию из объяснений, сопровождающих семейные альбомы. Процесс нарративизации содержания фотоальбомов (то есть рассказы о некоторых фотографиях из альбома) характеризуется рядом особенностей. Во-первых, происходит разрыв между вербальным и визуальным планом реальности (что из того, что мы видим, включается в рассказ, а что – нет). Фотография может даже увеличивать дискретность биографического повествования, поскольку память может сохранить только то, что было запечатлено на фотографии. По мнению С. Лишаева, фотография становится псевдоосновой памяти, подменяя ее подлинность фотообраз-симулякрами, взятыми в частности из семейных альбомов. Таким образом, можно сделать вывод, что биографическими фактами можно манипулировать. Примером манипуляции такого плана является разрезанные или разорванные фотографии, целью таких действий становится защита человеком собственной идентичности. Во-вторых, наблюдается дистанцирование человека по отношению к самому себе на снимках. Это происходит по двум причинам: все

снимки сделаны в прошлом (даже если это прошлое было несколько секунд назад); человек видит себя не своими глазами, а как бы со стороны, то есть, имеет место эффект зеркала. Важным фактором является то, что многие события при нарративизации не столько упоминаются, сколько конструируются в соответствии с личностной имплицитной теорией – концепцией повседневного знания о разных периодах личной жизни человека. Биография во многом отмечена и размечена ритуалами, которые наполняют жизнь человека символическими событиями, тем, о чём можно рассказать. Ритуалы сопровождаются биографическим импульсом (стремлением осмотреть свою жизнь с временной дистанции и рассказать о ней) и одновременно стремлением отразить события, которые символизируют эти ритуалы, на фото. Итак, биографический импульс совпадает с фотографическим импульсом, поэтому фотографический импульс становится неотъемлемой составной частью социокультурного ритуала. Благодаря своей информативности фотография стала одной из самых распространённых разновидностей изображений в современном медиапространстве.

XX век характеризовался бурным развитием медиа, что стимулировалось различными общественными потребностями позаэстетичного характера. В это время стало общей нормой использование фотографии в прессе. Фотографии необходимы средствам массовой информации, ведь они – важное орудие информирования, обычно намного влиятельнее, чем сам текст. Фотограф в любой точке мира заполняет свою камеру визуальной субстанцией и передает её по электронной сети, где она, отредактированная современными графическими программами, заполняет определённые информационные поля – интернет-ресурсы или печатные издания. В прессе фотоснимки используют на первых страницах и у заголовков, привлекая внимание потребителей. Фотоиллюстрация – одно из приоритетных элементов дизайна. Иногда одна удачная фотография может рассказать больше чем статья или репортаж как традиционных, так и современных интернет-изданий. Фото влияют на эмоциональные и эстетические сферы, вызывают эффект сопереживания или определенного соучастия в событии. С открытием фотографии весь видимый мир начал переосмысливаться, открываться заново. Фотография стала мощным толчком к переориентации сознания человека. Она не только информирует о происходящих событиях, как это делала газета (дофотографическая), но и точно и мгновенно регистрирует их в визуальных формах. Когда новые технологии вошли в жизнь каждого человека, безусловно, интернет-издания стали самыми динамичными средствами массовой информации. Развитие «он-лайн» изданий (газет и журналов), а также стремительное распространение авторских блогов открыли новый фотографический рынок. Электронные издания дают читателю возможность интерактивного общения, их могут издавать и агентства, и фотографы-фрилансеры, а содержание может отвечать любым вкусам и потребностям издателя (заказчика информационного материала и его транслятора в медиапространстве) или потребителя (реципиента и интерпретатора визуального сообщения в форме фотообраза).

В условиях виртуализации культурных процессов коммуникационный процесс дает возможность оказаться лицом к лицу фотографу как с издателем, так и с потребителем визуальной информации, создавать собственные блоги и сайты. Цифровые фотокамеры открыли новые рынки в виртуальном пространстве, где каждый фотограф может загрузить визуальный материал с любой точки земли. Чрезвычайный объём визуальной информации используется Интернет-ресурсами.

Сайтам нужны изображения, которые можно получить быстрее. Цифровая фотография открывает новые горизонты и сама создает новые условия её применения.

Однако в пространстве современной медиакультуры возникает риск «однородности» и «излишества» визуального пространства, то есть перегруженности идентичными по содержанию образами, которые становятся для человека в конечном итоге инертными картинками. Общество видит снова и снова одни и те же фотографии на исторические, политические, культурные и социальные темы. Фотографии, которые в большом количестве публиковались периодическими изданиями, уже устойчиво запечатлелись в галерее нашей визуальной памяти. Но история фотографии писалась и другими авторами (профессионалами или любителями, чьи работы были забыты). Хотя сегодня научное сообщество заметило такие тенденции в функционировании фотографического изображения в культуре и обратилось к исследованиям так называемой «другой фотографии» [8]. Разумеется, фотография остаётся чрезвычайно важной частью исторического свидетельства. Другое дело, что фотография не может быть только свидетелем. Документальная фотография, запечатлевшая гуманитарные катастрофы, конфликты в горячих точках мира, благодаря избранным сюжетам всегда несёт определённую мысль. В частности, во второй половине XX века возникает так называемая гуманистическая фотография. Другая часть проблемы связана с появлением цифровой фотографии. Доступность компьютерной постобработки изображения в очередной раз поднимает вопрос о «достоверности» реальности, представленной на фотографии.

Онтологическая функция фотографии заключается в особом благоустройстве пространственно-временных параметров. Фотография обеспечивает человеку возможность сохранения памяти в образе, ощущение владения прошлым (хотя бы мнимое). В условиях, когда темп жизни ускоряется, человек стремится остановить, сберечь привычное и важное. В этих условиях фотография становится определённой хранильницей человеческой памяти. Фотография, как и любое другое значимое изображение, расширяет присутствие первообраза, обеспечивая ему своеобразный «прирост бытия» (Г.-Г. Гадамер). Представление является способом бытия изображения. «Если отображение лишь указывает на прототип, изображение не только представляет его внешний вид, но и выражает его сущностные характеристики, то есть представляет его», – отмечает в монографии, посвящённой проблеме изобразительной репрезентации, В. Головей [9, с. 148]. Исследование сущностных характеристик фотографии позволяет сделать вывод о том, что фотография является не только отражением определённых явлений культуры, но и изображением (репрезентацией) общественных ценностей.

Итак, к фотографии актуально применить концепт Г.-Г. Гадамера и определить её как «прирост бытия». Именно фотографирование, как социокультурная практика и новый тип человеческого опыта выделяет реальность собственно человеческого, персонального присутствия в мире, утвердив рядом с законами природы непоколебимость прав и потребностей антропологического характера – субъективного взгляда, частного опыта, фантазии и случайного впечатления. Несмотря на широкое присутствие фотографий в социуме и развитие кинематографа, телевидения, медиа-технологий человек испытывает к фотографии особые ностальгические чувства, «словно к собственному прошлому», – пишет В. Левашов [150, с. 159].

Тем не менее, аксиологическая функция фотографического изображения заключается и в том, что фото предоставляет объекту определённую уникальность,

дополнительное значение, ценности. Если объект зафиксирован камерой и находится в поле изображения, значит, он достоин внимания, пусть даже сам по себе является достаточно ординарным. Большинство сфотографированных объектов – именно потому, что они сфотографированы, – приобретают определённый пафос. Гадкий или гротескный объект может тронуть, потому что внимание фотографа предоставило ему определённое достоинство, важность. Любой хороший объект может породить сожаление, потому что постарел, или испортился, или нет. Фотография предоставила новый визуальный код, изменяя и расширяя представление человека о том, на что стоит смотреть и что мы имеем право наблюдать. С распространением цифровой фотографии, каждое событие социальной реальности, представленное в фотоснимках, становится только компактным файлом в безграничном мире информационных технологий. И это даёт основание задуматься: действительно ли фотография стала частью жизни современного человека, а возможно человек и его экзистенциальный опыт в визуальном формате становится частью медиальной фотоинвентаризации?

Современному человеку трудно представить мир без фотографии. Динамика социокультурных функций фотографии характеризуется трансформацией от феноменологического показания к всеобъемлющей репрезентации жизненного мира человека. Благодаря фотографическим образам человек сегодня познаёт мир и, как следствие, очень часто остаётся разочарованным, удивлённым или равнодушным, когда непосредственно видит объект, который ранее видел на фотографии. Фотография выполняет функции познания и интерпретации реальности как фиксации впечатлений, а фактически, как фиксации человеческого опыта восприятия и переживания мира, восприятия себя в мире. Итак, на современном этапе фотография утвердилась как полифункциональный социальный феномен и неотъемлемая составляющая жизненного пространства человека, в значительной мере влияет на социокультурные процессы современности.

Исследование этой проблематики открывают перспективы для дальнейшего изучения феномена фотографии в контексте будущих трансформаций её онтологического статуса, социальных и культурных функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Флюссер В. За философию фотографии / В. Флюссер ; [Пер. с нем. Г. Хайдаровой] – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 146 с.
2. Базен А. Что такое кино? : сб. ст. / А. Базен ; [пер. с франц.; под ред. И. Вайсфельда] – М. : Искусство, 1972. – 384 с.
3. Бажак К. История фотографии. Возникновение изображения / К. Бажак ; [пер. с франц. А. Кавтаскина]. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 159 с.
4. Левашов В. Фотовек. Краткая история фотографии за 100 лет / В. Левашов – Н. Новгород : КАРИАТИДА, 2002. – 126 с.
5. Зонтаг С. Про фотографию / С. Зонтаг ; [пер. з англ. П. Тарашук]. – К. : Основы, 2002. – 189 с.
6. Мироненко В. Фотография как текст / В. Мироненко // Галерея. – 2005. – № 1 (21). – С. 18–19.
7. Власова Т. Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарратизация содержания семейных фотоальбомов / Т. Власова // Визуальная антропология: Новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. – С. 123–145.

8. Гавришина О. Другая фотография: заметки о конференции ; [Электронный ресурс] / О. Гавришина // Синий диван. Вып. VI. – Режим доступа : <http://sinjdivan.narod.ru/sd6rez4.htm>
9. Головей В.Ю. Сакральне в мистецтві: проблеми образотворчої репрезентації : монографія / В.Ю. Головей. – Луцьк : Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. – 420 с.
10. Левашов В. Визуальный век. 1990-е / В. Левашов // Искусство кино. – 2000. – №11. – С. 159–160.

T.V. Lugutsenko,

(Doctor Philosophical Sciences, Professor)
SEI LPR «Lugansk national agrarian university»
(Lugansk, Lugansk People's Republic)
E-mail: telfira@yandex.ru

A. S. Tovchiga

(Senior lecturer)
SEI LPR «Lugansk national agrarian university»
(Lugansk, Lugansk People's Republic)

***Annotation.** This article examines the theoretical understanding of photography, its historical development and role in socio-cultural society. The phenomenology of photography was considered, which provides for its understanding in the direct communication process, which covers the functional sphere and the very space of communication and perception.*

***Key words:** photography, virtual reality, media culture.*

УДК 111.83

А. В. Гижя

(канд. филос. наук, доцент)

ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет»

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

19andrey06@mail.ru**ЧТО ЛЕЖИТ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИНФОРМАЦИИ?**

***Аннотация.** Анализируется феномен информации с позиций выяснения особенностей его содержательного ограничения. Информационная компонента в настоящее время получила чрезвычайное значение как онтологически базовая составляющая социальных отношений. Представляется, что такая универсализация понятия информации есть следствие идеологически-апологетических претензий, не имеет строгого философского обоснования и является, в конечном счете, составной частью распространившейся мифологии «конца истории». В общественном сознании распространяется парадигма мифотехноциентизма, искажающая понимание не только общественных отношений, но и самих науки и техники. Апелляция к информации и технологиям как основным регуляторам истории выражает мотивы сохранения архаизирующейся системы мирового капитала.*

***Ключевые слова:** информация, информативность, редукционизм, миф, мифотехноциентизм, капитализм, информационные технологии, экспертиза.*

Начиная с эпохи буржуазных революций, в Европе возникает и усиливается фактор осознанности социальных отношений, продумывания общественно значимых действий уже не в сугубо личном пространстве реализации исключительно собственных желаний, а в ракурсе масштабных и далеко идущих преобразований, имеющих общегосударственный смысл. Хотя, конечно, момент психологичности исторических деятелей никуда не исчез, он участвует в становлении субъективной формы общественных отношений. Другое дело, что эта частная форма получает своё естественное ограничение и более не может играть доминирующую роль в политике, делая её зависимой от прихотей, обид и настроений властных особ. Произошло своего рода взросление социума и из цивилизационной песочницы, переполненной эгоистичными детьми, он постепенно перебрался в трудовую мастерскую с весьма жёстким распорядком дня. Сразу отметим, что это взросление не всеобщее и окончательное, а проходящее промежуточную стадию исторического «подросткового» состояния. Тем не менее, «подростки» европейской цивилизации начинают историческое движение на самоуправлении, а роль взрослых в лице обобщённого Отца христианской религии нивелирована и отброшена всем ходом актуализации их мотивов, выраженных в *Liberté, Égalité, Fraternité*. Социально-регулирующая функция религии, начиная с эпохи Просвещения, маргинализируется, выхолащивается и уходит в ритуально-обрядовую плоскость бытовой повседневности.

В свою очередь, требование осознанности исторических действий влечёт необходимость их предварительного программирующего установления и обоснования в качестве идейно-духовной основы, чья функция состоит в мобилизации, организации и направлении усилий больших групп людей. Иными словами, возникают партии, программы, уставы, лозунги, политико-экономические учения, формируется саморефлексия общества, выраженная в появлении идеологии как всеоб-

щей формы общественного сознания. Последняя определяет становление информационной компоненты общественно-политических отношений. К настоящему времени она получает чрезвычайное значение уже не просто как некая информированность об объективном состоянии дел, как это мнилось в эйфории «протеста разума» в идиллический период Просвещения, но выступает в виде онтологически значимой, несущей конструктивной составляющей, формирующей картину действительности, всё более замещающую свой бытийный прототип.

Сразу отметим крайне характерную особенность появившейся указанной информационной социальной размерности: она выполнена в риторике и стилистике высоко гуманистических, нравственных ориентиров, имеющих фактически сакральный, религиоподобный характер. Это хорошо видно по приведённому лозунгу Французской революции, а также, например, по тексту американской Декларации, где характерным аспектом является упор на аксиоматичность исходных положений: «Мы исходим из той самоочевидной истины, ...» [1]. Текст Декларации независимости США чрезвычайно характерен и может служить идейно-смысловым маркером эпохи. С опорой на самоочевидную логику в нём обосновывается право народа на отделение и создание собственного государства. При этом постоянно идут ссылки на Творца, и в этом, в частности, выражается квазирелигиозный характер её обоснования. Таким образом, в документе сочетается как сила аксиоматически выводного знания, что подключает дух Просвещения и выглядит научно и современно, так и здоровый консерватизм с опорой на морально-религиозные основы повседневной жизни, понятные любому обывателю-пуританину той эпохи.

Несут ли лозунги Французской революции и текст Декларации некую конкретную информацию? Разумеется, да, в них есть определённая целостная содержательная замкнутость. Отвечают ли они объективному состоянию дел? Только отчасти. Упомянутая содержательность легко ускользает от своего продолжения в соответствующих действиях. Они являются семантически направляющими понятийными комплексами, выполняющими задачи по логическому обоснованию, этическому мотивированию и онтологическому оправданию социальных действий, ломающих сложившуюся систему политико-экономических отношений. Но у них исторически выявилась ещё одна функция, оказавшаяся определяющей. Она относится не исключительно к Декларации, а вообще есть имманентное свойство идеологически насыщенных текстов. Оно состоит в том, что их действительная нравственно-гуманистическая декларативность остаётся, как правило, именно исходным авторским посылом и быстро выхолащивается по мере реального развития политико-экономических отношений в ситуации растущего отчуждения человека. Вопрос заключается лишь в скорости смысловой нивелировки этих светских проповедей: в момент подписания, через несколько лет или спустя два-три поколения. Таким образом, отмеченное наличие в лозунгах Французской революции и той же Декларации конкретной информации не спасает положения, поскольку она оказывается заблокированной в своем развитии самими условиями социально-политического существования индивидов. Тем не менее, высказанное не исчезает, и блокировка внешними условиями не способна уничтожить их гуманистический потенциал.

Осознанность становления социального бытия, начиная с эпохи буржуазных революций, как мы отметили, несёт и усиливает фактор информированности членов общества. Поскольку же это обобщённое западно-атлантическое сообщество крайне неоднородно и расслоено по классовым признакам, имущественному цензу,

цвету кожи, образовательному статусу, возможности пользоваться социальными лифтами, и многими прочими разобщающими моментами, то информированность также имеет структурированный характер – вся транслируемая информация располагается в широком диапазоне от прямой лжи через её градации до более тонких вариантов, практически вплоть до истины. Последнее устанавливается для избранных, и об этом говорил Ницше, относя восприятие истины к возможностям только сильных духом натур.

Мы, в отличие от немецкого философа, понимаем на настоящий момент суть дела в иной плоскости. В глобализирующейся постмодернистской реальности современной мировой цивилизации развернута категория «сильных духом натур» ушла в тень, уступив место анонимно действующему мегасубъекту, имеющему совокупно-сетевую природу, подкреплённую финансовой силой транснациональных компаний и системы международных банков.

В XX в. произошёл переход от локального ницшеанского субъекта с сильной волей как реального, пространственно-временного индивида или соответствующей группы, к анонимному и непространственному действующему началу, которое также представлено смертными индивидами – мы не будем, конечно, мистифицировать и мифологизировать вопросы управления ключевыми событиями на планете. Однако они, эти новые масштабные и трансграничные управляющие структуры, организуются и действуют в иной социальной онтологии, где личности их участников не высвечиваются, принимая, в конечном счете, обезличенную форму едва ли не фатума.

Разумеется, в конкретике такого развернувшегося всепланетного контекста следует очень осторожно относиться к использованию для понимания нынешних реалий прежней, старой доброй системы классических понятий, где за мыслью следовало слово, а оно подразумевало соответствующее дело, и можно было проследить степень их последовательности, точно выявить и обозначить моменты нарушения истинности суждений. Формалистика прежних обозначений с их высоким гуманистически звучащим стилем осталась, но смыслы понятий не просто потеряны, они надежно заменены антисистемными симулякрами. Вдохновители и стратеги евроатлантической цивилизационной мегасистемы держат в памяти канонические значения, выражающие истинную онтологию человека в его единстве с мирозданием. Но это знание нужно исключительно для того, чтобы не дать возможность им каким-либо образом вновь зазвучать в культуре и сердцах людей, обратив их к подлинным смыслам творчества и нестяжания, братства и взаимопомощи, любви и милосердия так, чтобы эти идеи могли быть практически реализованы не только лишь отчасти и случайно в повседневных заботах и отношении, но нашли своё применение в политике дружбы народов, достойных международных отношениях и в установлении высоких целей земной цивилизации.

И вот в рамках доминирования предельно отчуждающей системы социальных отношений, в контексте установившегося беспредельного, как кажется, мирового господства финансовой плутократии и паразитарно-эксплуататорского образа жизни «золотого миллиарда», происходит знаково-символическое переобозначение маркеров духовного пространства современности, увиденное, поддержанное и развитое адептами постмодернизма в философском плане и разнесённое по информационной сети простыми переносчиками, в том числе и добросовестно заблуждающимися. Идеологически нагруженным термином в связи с этим переоформлением служит «информация», ставшая поистине мемом с универсально-редуцирующим и

этически обеспечивающим действием. Сугубо техническое, количественное определение информации давно мистифицировано и подано как обнаружение новой онтологической основы, наряду с материей, к которой как отдельная субстанциальная сущность, вдобавок, приписывается и энергия.

Перекося матрицы действия, того, что определяет практическую социально-историческую процессуальность, произошёл в сторону неправомерного акцентирования идеально-информационной компоненты человеческого бытия. В отличие от марксовской политэкономии, требовавшей конкретных изменений отношений в сфере общественного производства, имеющих юридически оформленный характер, ликвидации фигуры эксплуататора как реального субъекта, здесь вопросы и рассуждения о прогрессе и светлом будущем переходят в разряд утопических умствований относительно определяющего развития информационных технологий. Эти новые технологии должны-де повысить качество осведомлённости граждан, сделать их массово знающими, имеющими свободную волю и самостоятельный разум для выбора и отстаивания достойных целей и гармонизации социальных преобразований. Простая казуистика при этом заменяет понятие истинного знания на характеристику роста потребления информации и представляет эту замену в виде вектора прогрессивного эволюционного варьирования суммы жизненных обстоятельств, при котором по умолчанию сохраняются базисные характеристики тотального властвования и господства. Более того, тотальность плутократического мирового господства становится окончательно паразитарной, без исключения цинично-беспощадной и, практически, непреодолимой.

Информационная картина мира, транслируемая СМИ, медиа- и блогосферой, весь поток структурированных новостных линий, запускаемые в обиход мемы, лозунги, слоганы, шаблоны и простые смыслы фиксируют особый феномен информационной цивилизации, в истории которой, вспомним, три с лишним века результативнейшего научного развития. Этот феномен заключается в формировании специфической мифологии техносциентистского толка, мифотехносциентизма, направления, сочетающего апелляцию к науке и технике с детской верой во всемогущество простых пожеланий. Данная апелляция касается не познания природы, что было бы уместно, а возлагает надежды на обнаружение чисто научного, технологического исхода из сложившейся катастрофической во многих отношениях ситуации в мире.

Одновременно, с разрушением системного образования, оживает сказочно-фантазийная компонента общественного сознания, поднимает голову механицизм – ведь умение мыслить сложно требует воспитания и больших личных усилий, предъявляет высокие требования к морально-эстетическим качествам индивида. Индивид при этом в развитой конкретности своего мышления становится ответственным не только лишь за собственное благосостояние, но видит общественную пользу, стремится к ней. Ответственный субъект исторического действия с уходом СССР нивелирован как общественный тип, соответственно без-ответственный субъект товарно-вещных отношений характерен безапелляционностью суждений, самым махровым невежеством и высокомерием, фантастической претенциозностью и мессианской озабоченностью собственного ролевого предназначения. Его онтологический порок и внутренняя испорченность делают невозможным диалоговое состояние ответа-на-вопрос, он именно без-ответственен и остаётся в монологически-пророческом, но слепом дискурсе вещания потока «новых истин». Это субъект мифоподобного или квазирелигиозного восприятия мира исторически ин-

фантилен, по-детски самоуверен и обидчив. Его амбициозность прямо пропорциональна степени его невежества в областях, где он берётся судить на обывательский манер, не предполагая сложности предмета суждения, не задумываясь над вопросами точной и содержательной формулировки и передачи мысли. Как правило, такая запутанная, без признаков просветления эпистемическая ситуация характерна независимо от образования, гуманитарное ли оно, естественнонаучно-математическое, или вообще какое-нибудь экономическое, если такой субъект не имеет глубокого интуитивно-внутреннего опыта со-причастного единства сущего с утвердившимся человеко-размерным, т.е. конкретно-гуманистическим видением мира.

Вот характерный, просто-таки типичный пример умственной активности такой личности. Некто А. Простов, к. полит. н., главред журнала «Социальная экспертиза», ведёт активную работу по концептуальным формулировкам интеллектуальных способов управления экономикой, которую он называет «креативной». Сразу отметим неэквивалентность творческого и креативного начал. Здесь видим всё ту же понятийную разбалансированность, когда под видом достойных референтов протаскиваются негодные симулякры – ровно то же было с различием знания и информации. Вот он работает по сложной теме, касающейся проектирования будущего и пишет небольшую работу под названием «Политическая кибернетика: принципы проектирования будущего» [2]. Небольшой объём требует отточенных формулировок и весьма продуманных тезисов. Пример авторских дефиниций: «*“Кибернетика”* – это управление синергетическими эффектами, полученными от синтеза сложных динамических систем, построенных на разных принципах и имеющих разную природу» [2, с. 6]. Мы узнаём, что принципы и природа систем разные, но больше о них не известно ничего. А центральное звено его предмета, политическая кибернетика – это «синтез общетеоретических научных знаний об управлении сложными системами и исторических результатов применения межпредметных знаний в виде естественнонаучных открытий, технологических изобретений, религиозных догматов, политических доктрин, экономических учений, социально-экономических проектов, общественно-политических легитимных практик и интеллектуальных инициатив» [2, с. 6]. Здесь смешались в одну кучу и религиозные догматы, и научные знания, и какие-то «инициативы», и вся эта мешанина непонятно чего представлена в виде «политической кибернетики». Однако кибернетика как наука управления не может быть скопищем всевозможных невразумительных и неотрефлексированных «синтезов» всего на свете, она обладает своим предметом познания, и он конкретен. Здесь же нам предлагают растечься мыслью по всему необъятному древу познания и провести алхимический опыт некоего трансцендентного «синтезирования» – понятно, что требовать от автора указания способов и принципов такой работы излишне.

Дальше из этого трактата мы узнаём, что «Современная глобализация - это процесс развития системы коммуникационных технологий» [2, с. 8]. Стало быть, нет никаких ТНК, международных банков, всепланетной экспансии американизма, вообще никаких проблем с всевластием финансовой олигархии, а есть нормальное технологическое развитие, именно в нём суть, по нашему «эксперту», мировых процессов глобализации. Столь же благостную картину наблюдаем и дальше, когда автор касается вопросов управления экономикой. Оказывается, что «мировая элита более не в состоянии всем этим эффективно управлять, так как является носителем старых знаний» [2, с. 8]. Но выход есть, и он элементарен: «...решить данную про-

блему управления развитием можно, только переучив мировую элиту мыслить в терминологии возможностей вместо привычной терминологии проблем» [2, с. 8].

Независимо от того, насколько сам Простов понимает абсурдность своих судьбоносных «рекомендаций», такие, как он, играют определённую роль в поддержании на плаву прогнившей и стремительно архаизирующейся мировой структуры корпоративного капитализма. Они своими многочисленными писаниями, не имеющими ни грана научности, создают обоснование существующего миропорядка. Действительно, в их мифических либеральных представлениях есть некая «мировая элита», чья функция состоит в разумном социальном управлении на общее благо и вот есть одна проблема – образование пресловутой элиты не поспевает за стремительными технологическими изменениями в обществе и её надо как-то переобучить, направить, видимо, на курсы повышения «элитной» квалификации. Столь детские представления есть прямая глупость интеллектуалов, мнящих себя знающими экспертами, которые могут, якобы, взять управление в свои руки.

Социально-политические, экономические и экзистенциально-цивилизационные механизмы процессов в обществе им неведомы в силу ли элементарного невежества, что неудивительно в эпоху деградации образования, или они закрывают на них глаза вследствие своей идеологической установки – всё это малоинтересно и несущественно. Искомый факт заключается в наличии самой идеологемы, концентрированно выраженной Простовым. Она состоит из двух аспектов: 1) «всё есть управление» и 2) разработать адекватную модель управления способны только «учёные-эксперты, обладающие особым методом наработки эксклюзивной информации» [2, с. 8].

Таким образом, хищническая сущность наличного глобального миропорядка заменяется нейтральным определением капитализма как «информационного», а доминирующая роль в его функционировании должна принадлежать неким высокооплачиваемым «независимым экспертам», обладающим монополией на абсолютную истину, владеющим таинственным и неизвестным научной общественности методом «наработки».

Какова степень элементарной логической корректности новоявленных гуру видно из «определения», где развивается исходный тезис об управлении: «Все есть управление системами посредством меры распределения в них энергии, где под энергией подразумевается единство вещества, энергии и информации» [2, с. 6]. Причём, этот «тезис» вытекает, по автору, из «закона сохранения энергии» [2, с. 6].

Не стоит даже начинать вдумываться в эти нелепицы, поскольку рационально-понятийное мышление подразумевает обязательную логическую дисциплину, а здесь сказано примерно следующее, если перейти на конкретный пример: человек есть люди, кони, звери. А энергия есть вещество, энергия, информация. Просто чудовищные измышления возникают на этапе постмодернистских псевдонаучных изысков иных «кандидатов политических наук».

Дело в контексте «информационного капитализма» видится *лишь* в недостатке правильной информации для «элит»: «одним из основных факторов усиления государства является обязанность науки и экспертного сообщества достоверно и своевременно информировать национальную элиту, которая принимает управленческие решения, о реальных процессах, проблемах и событиях, происходящих в стране и в мире, а также давать практические рекомендации решения этих проблем» [2, с. 9]. Экспертные гуру видят историю и общество как один завод с неизменными запущенными технологическими процессами, а сами они выступают в роли главного

инженера, докладывающего директору о ситуации. Кроме того, автор, можно сказать, ломится в открытую дверь – экспертное сообщество существует, работает и даёт советы. О качестве этих советов детально рассказал Николас Талеб в научно-популярном бестселлере «Чёрный лебедь» [3].

Таков сформировавшийся мифотехносциентизм с его крайним информационно-управленческим редукционизмом, предельно упрощённым пониманием общественных отношений и глубокомысленной, но псевдонаучной ориентацией на систему безличных означающих, т.е. на такой язык описания, базовыми терминами которого являются объективировано-абстрактные конструкторы. Особенность новой мифологизации заключается в несоответствующем применении объективированной терминологии. Она уместна лишь на соответствующем – элементарно-физическом уровне структуризации познаваемого объекта и совершенно неработоспособна в ситуации описания сложной формы движения, в данном случае – социально-исторической. Применение в этой области естественнонаучной понятийной терминологии напоминает попытку выяснения проблем животноводства через рассмотрение коровы как клеточно-молекулярной системы.

Мифология в третьем тысячелетии возникает в силу рассогласованности познавательных способностей индивида, его внутренней сущностной несобранности и интеллектуально-нравственной слепоты, оставляющей актуальной задачу Сократа по обнаружения границ своего незнания. Вновь удивительно современно звучит из далекого 1966 года резюме Пиамы Гайдено, что Кант отразил «в философской концепции тот реальный социальный факт, что познание и деятельность, теория и практика в буржуазном обществе являются двумя несовместимыми моментами» [4]. Указанная несовместимость, как бы она ни камуфлировалась апологетами либерального миропорядка, есть именно реальный факт, и он ставит крест на всех недобросовестных или прямо жульнических попытках протащить идеи информационно-экспертного прогрессорства с ареопагом осенённых высшим знанием новоявленных дипломированных жрецов политических манипуляций.

За пределами информации лежит действительное знание, выраженное в системной форме конкретизирующегося понятия. В свою очередь, достижение данной конкретности, имеющей процессуально-исторический характер, требует значительных внутренних усилий индивида по безличностному осмыслению собственного жизненного опыта самопознания. Вне выработанной метафизики мысли, освещающей любую ситуацию в единстве сопричастных смыслов с возможностью их содержательного роста, никакое знание не станет человеческим приобретением, но превратится в информационный склад, где большей частью пылятся невостребованные значения когда-то живых понятий, идей и суждений. Упор именно на информативность индивида превращает последнего в зрителя ненужных артефактов культуры, в исполнителя чужой воли, в окончательно зависимого, но мнящего себя свободным субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация независимости // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm>
2. Простов А. Ф. Политическая кибернетика: принципы проектирования будущего // Социальная экспертиза. - № 3. - 2010. – С. 6-30 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL http://polityber.ru/images/socexp/se-03_2010.pdf

3. Талёб Нассим Н. Чёрный лебедь: под знаком непредсказуемости / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <https://avidreaders.ru/book/chernyy-lebed.html>
4. Гайденко П. П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // В кн.: Современный экзистенциализм. – М. : Мысль, 1966. - С. 77-107 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL http://psylib.ukrweb.net/books/_gaidp01.htm#s5

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

WHAT IS OUTSIDE THE INFORMATION?

Annotation. The phenomenon of information is analyzed from the standpoint of clarifying the features of its substantial limitations. The information component is now of extreme importance as an ontologically basic component of social relations. It seems that such a universalization of the concept of information is a consequence of ideological and apologetic claims, does not have a strict philosophical justification. The paradigm of mythotechnoscience is spreading in the social consciousness and it distorts the understanding of not only social relations, but also of science and technology. Appeal to the information and technologies as basic regulators of history expresses the motives of conservation of archaizing system of the world capital.

Key words: information, informational content, reductionism, myth, mythotechnoscience, capitalism, informational technologies, expertise.

Поступила в редакцию 7 декабря 2019 года

УДК 130.2

Н. П. Волянский

(аспирант кафедры философии)

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: sheeeeeerlock@gmail.com**РЕЛИГИЯ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И МЕХАНИЗМ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности религии как способа духовно-практического освоения действительности, выступающего в качестве формы социальной связи индивидов и одного из механизмов, обеспечивающих сохранение и развитие общества – формы культурной памяти. Религия рассматривается автором как одна из наиболее важных социально-исторических форм сохранения и ретрансляции общественных норм.*

***Ключевые слова:** религия, способ освоения действительности, форма социальной связи, общественные отношения, культурная память, механизм преемственности.*

У понятия «религия» множество значений, так как его суть определяется множеством исследователей в различных формах. Поскольку религия также явление многоаспектное, то данное множество определений представляется не свидетельством понятийной путаницы, а следствием раскрытия различных наиболее существенных сторон данного феномена, которые взаимно дополняют друг друга. Рассмотрим религию прежде всего как способ духовно-практического освоения действительности и форму культурной памяти.

По причине весьма широкого диапазона значений понятия «религия», а также ввиду важности всех объективных форм её существования, рассматриваемая тема является актуальной для исследования. В рамках данной работы будут намечены возможные пути исследования религии как способа духовно-практической деятельности и как формы культурной памяти. Эти формы существования религии выступают одними из важнейших в историческом развитии религии как культурно-исторического феномена.

Итак, духовно-практическое освоение действительности в первую очередь связано с культурой как сущностной составляющей всего общественно-исторического развития, ибо «...культура является способом бытия человека в истории» [3, с. 375]. В этом плане понятие «культура» противостоит понятию «натура», обозначающему весь природный и естественный мир, существующий вне человеческого бытия. Развиваясь и творя свою историю, человеческое общество осуществляет это наиболее универсальным, специфически человеческим способом – посредством целесообразной деятельности, протекающей в определённых формах культуры. В ходе этого процесса как раз и происходит освоение окружающей действительности в двух измерениях – практическом, необходимом для обеспечения физического существования и условий развития человека, и духовном – призванном отражать и познавать закономерности развития окружающего мира, в том числе – «...объективные по своему характеру и надындивидуальные по форме существования всеобщие формы культуры, образующие «социальные рамки», в которых протекает общественная жизнь людей» [5].

Так, Ю. М. Лотман определяет культуру как «своеобразную атмосферу», «которую создаёт вокруг себя человечество, чтобы существовать дальше». Именно в этом значении она является способом освоения действительности. Религия, рассматриваемая как часть культуры, как форма духовного опыта, не может быть отделена от практической стороны освоения действительности, выступая своеобразным способом духовно-практического освоения действительности.

Наиболее точно это можно указать, обращаясь к истории ранних религиозных форм сознания и зарождения религии как такого специфического способа освоения мира. В своих ранних формах, таких, например, как ритуал, первые культурные представления, будучи выразителями коллективных форм и способов действий, получают своё объяснение и закрепление в рамках мифологического предания/сказания, неся в своём содержании ярко выраженное практическое значение. Своеобразие феномена религии как особого способа освоения действительности уже на заре человеческой цивилизации проявляется в том, что она является следствием практических действий, интерпретируемых духовно, и потому оказывается способной выполнять функции духовного (культурного) канала сохранения и передачи норм практического опыта, реализуемых в труде как «исходной форме бытия человека в истории». В частности, в виде ритуальных действий, предваряющих охоту и другие жизненно важные акты деятельности древнего коллектива людей, такого рода формы религии, как обряды и ритуалы, аккумулируя в себе особенности социального и практического опыта, способны были выступать началом, нормирующим и регулирующим совместную жизнь людей. Приведём пример, выражающий сущность такой сакрализации культурных компонентов.

«Проблему воспоминания, находящегося в пределах коммуникативной памяти под угрозой и потому закрепляемого культурной памятью...» [1, с. 67] можно выразить следующим образом: «... имеется ... живой интерес к закреплению и сохранению любыми средствами отпечатка неудержимо удаляющегося прошлого. В этом случае вместо все новых и новых реконструкций возникает прочная традиция» [1, с. 68]. Таким образом, при необходимости сохранения социально значимого опыта происходит его переход из сферы практического функционирования в форму традиции, ритуала.

Указанные обстоятельства позволяют рассматривать религии как форму культурной памяти. Изучение религии с данных позиций возможно, так как если обозначить религиозное мировоззрение как традиционалистское, то: «традиция – это не некая самостоятельно бытийствующая сущность или данность, традиция – это социально-временная характеристика преемственного бытия определённых наличных форм человеческой культуры. Поэтому особенность традиции как социально-временной характеристики преемственно существующих в истории форм культуры предполагает, что сначала эти формы должны быть поняты со стороны своей всеобщей сущности, позволяющей выявить имманентный им способ существования (закон их возникновения и функционирования), чтобы затем можно было понять также и механизм их воспроизводства во времени» [4, с. 39].

Таким образом, религия выступает формой культурной памяти (и в этом смысле – «традицией») благодаря специфике собственного бытия в обществе, благодаря функционированию в качестве духовно-практического способа отбора, кодирования, сохранения и передачи культурных особенностей опыта того или иного человеческого коллектива, к рассмотрению которых мы перейдём ниже. Однако

прежде выскажем несколько соображений относительно другого, не менее многоаспектного понятия – «культура».

Вот одно из наиболее целостных его определений, к которому целесообразно обратиться для лучшего понимания специфики культурной памяти и религии как одной из форм культурной памяти. «Рождение философского понятия культуры явилось результатом всестороннего осмысления качественного отличия исторического бытия людей как мира, созданного человеком, от природы как мира, в своём существовании независимого от человека. Однако, это – только одна сторона дела» [3, с. 70].

Так, культура, выступая в качестве особой реальности, созданной человеком, а значит, имманентно содержащей в себе в качестве своего «предметного тела» весь мир вещей, созданных человеком для человека, а также совокупность выработанных человечеством всеобщих форм и способов совместной деятельности, устойчиво существующих и воспроизводящихся на каждом новом витке развития истории, предстаёт в итоге как некая система норм – культурных норм, социальное предназначение которых состоит в организации и упорядочивании совместной деятельности индивидов, – словом, в организации стабильного существования и преемственного развития всего общественного бытия.

Культурные нормы, как показывает в своей статье Т. Э. Рагозина, «...будучи формами организации общественной жизни людей и функционируя в виде сложной, иерархически устроенной системы, образуют собой особую – «чувственно-сверхчувственную» – реальность, которая, хотя и существует вместе и наряду с предметным миром культуры в том же самом пространстве и времени, тем не менее по способу своего бытия принципиально отличается от этого чувственно воспринимаемого мира как реальность идеальная» [2, с. 135]. Однако это не мешает тому, что «...культурные нормы выполняют функции элементарных форм фиксации и сохранения социально значимого опыта и в качестве таковых они есть необходимые условия самой возможности существования и развития человеческого общества на каждом новом витке истории» [2, с. 135].

Нормы религии, будучи составной частью общей системы культурных норм, несомненно выступают в качестве форм культурной памяти, социальное предназначение которых также состоит в обеспечении воспроизводства обществом своих жизненно важных условий стабильного функционирования и развития.

В частности, это проявляется в том, что религия, выступая одной из форм культурной памяти, сохраняет в себе мифологический компонент мировоззрения и благодаря этому оказывается формой сохранения исторического опыта. Вот что об этом пишет Я. Ассман: «Мифы также суть фигуры воспоминания. В этом миф и история не отличаются друг от друга. Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. Можно сказать также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф. Миф – это обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения. Исход, совершенно независимо от вопроса о его историчности, – это миф об основании Израиля. Как таковой он включён в ритуал празднования Пасхи и как таковой принадлежит культурной памяти народа. Через воспоминание история становится мифом. Это не делает её нереальной, напротив – только так она становится реальностью в смысле постоянной нормативной и формирующей силы» [1, с. 55].

В этом отношении мифы являются важнейшей стороной культуры – способом сохранения истории. Фиксируемая в мифе история, таким образом, приобретает характер осмысленного, нормообразующего, а вернее – нормосохраняющего и в некотором смысле, нормооправдывающего объяснения настоящего. Но религия не тождественна мифологии. Потому сохранение исторического в мифах, указанное Ассманом, не даёт исчерпывающего описания сути данной проблемы. Ведь в религии как форме культурной памяти сохраняется также и множество иных аспектов общественной жизни, регулируемых особыми нормами. В частности, моральными нормами.

Всё это богатство культурного опыта, сохраняющегося в религии как способе духовно-практического освоения мира, базируется на том, что религиозное сознание и религиозные культы выступают носителями данных особенных норм. О «богатстве» и социальной значимости сохраняемого и воспроизводимого в религии культурного опыта целесообразно говорить ещё и потому, что, как указывает Т. Э. Рагозина, он продолжает оказывать своё обуславливающее действие на общественную жизнь до тех пор, пока функционирует религия как способ духовно-практического освоения мира: «Имея дело с такими наличными формами бытия культуры, как государство и право, мораль и искусство, язык, обычаи и нравы народов, философы всякий раз обнаруживали их возвратно-обуславливающий характер действия по отношению к живой деятельности как отдельно взятых индивидов, так и по отношению к коллективной деятельности сменяющих друг друга поколений людей в целом» [5, с. 20].

Чтобы описать богатство культурных норм, которые сохраняет религия как форма общественного сознания, следует указать на сравнение культурной памяти и коммуникативной, проводимое Я. Ассманом [1, с. 58-59]. В частности, исследователь фиксирует некоторые важнейшие отличительные характеристики, указывая, например, что в рамках коммуникативной памяти фиксируется опыт прошлого для последних трёх или четырёх поколений, соответственно «сдвигаясь» с течением времени.

В рамках же культурной памяти происходит сохранение «абсолютного прошлого» (что мы и видим в религии). «Устойчивые объективации, традиционная символическая кодировка / инсценировка в слове, образе, танце и проч.» [1, с. 59]. Данная «кодировка» представляет из себя ещё один важнейший момент: поскольку символизм выступает универсальной культурной особенностью, постольку сохранение символов – важная и необходимая функция культурных норм.

Каждый аспект такого сохранения – от абсолютной истории до ритуальной коммуникации – важен для преемственного существования человеческого рода. В этом плане стабильное функционирование самих норм культуры, воспроизводящих своим содержанием достижения общественного развития, абсолютно необходимо как фиксация опыта предшествующих поколений.

Как уже отмечалось выше, религия становится формой культурной памяти с наиболее ранних периодов развития человеческого общества. Так, в ней фиксируются наиболее важные и первоначальные достижения социального опыта. «Когда нет возможности письменного сохранения, единственным прибежищем знания, гарантирующего групповую идентичность, является человеческая память. Чтобы память могла реализовать содержащиеся в ней объединяющие и направляющие импульсы, должны осуществляться три функции: сохранение, востребование, сооб-

шение или: поэтическая форма, ритуальная инсценировка, коллективное участие» [1, с. 59].

О социальной важности данной фиксации пишет Ю. Н. Триль: «воспроизводятся ... целесообразные трудовые, семейно-бытовые, праздничные, горестные и иные действия. Целью каждого действия, закреплённого обычаем, является достижение какого-либо реального результата: создание орудий труда, поддержание определённых отношений между людьми, удовлетворение тех или иных человеческих потребностей. Именно поэтому обычаи соотносят с реальной деятельностью людей ...» [6, с. 265].

Кроме того, Я. Ассман выявляет такую интересную особенность культурной памяти, которая проявляется в том, что благодаря культурной памяти человеческая жизнь приобретает двухмерность, или двухвременность, сохраняющуюся на всех стадиях культурной эволюции. В частности, «...в бесписьменных обществах культурная двухвременность видна особенно отчётливо: в разнице между повседневностью и праздником, повседневной и ритуальной коммуникацией» [1, с. 60].

Как видим – сакрализация в религии как определённая степень «защиты» и возвышения над обыденным отличает культурные нормы и становится важнейшим маркером, определяющим необходимость и естественный ход сохранения важнейших культурных устоев. Сохраняется наиболее целесообразное, важное, чем сокращается вариативность поведения, которая может привести к распаду общества [7, с. 38-41]. Таким образом, с помощью этого происходит отделение условно «важного» в культурном опыте от всего прочего. Укажем, что данное «важное» особенно ярко фиксируется при обращении к ранним формам религии, где оно представляет собой практически важное. В данном отношении подтверждается сущность религии как способа духовно-практического освоения действительности, в котором практическое освоение оказывается зафиксировано в формах духовного воспроизводства данной культурной традиции. А вернее – опыт религиозно-практического способа сохраняется в наиболее ёмкой для фиксации и воспроизводства данной культурной традиции форме – например, в *каноне*. Главную особенность такой культурной традиции в обществе Д. М. Угринович усматривает в том, что «опыт человеческой деятельности приобретает не путём усвоения основных принципов или норм этой деятельности, а путём её копирования, воспроизведения целых её отрезков, «кусков» во всех формах и подробностях», что является необходимым при передаче социального опыта подобным образом» [8, с. 15-16].

Такие элементы человеческой истории, как коммуникация, нормы взаимодействия, празднование, формы наследования информации, символизация и прочее, – все они становятся богатством общества только в качестве зафиксированного тем или иным способом опыта. И, конечно же, фиксация социально значимого опыта происходит в рамках определённых, конкретно-исторических норм, а не посредством простой безотносительной сакрализации. Так, «... канон можно определить и как перенос коренящегося в сфере права идеала обязательности и верного следования на всю центральную область письменной традиции. Обряд и право имеют то общее, что они задают человеческой деятельности строгие рамки предписанного и ставят действующего в положение «*secundus*», который должен «следовать»» [1, с. 113].

Важно отметить, что религия воспроизводит культурные нормы на различных этапах развития общества, и помимо того – в различных его модификациях, являясь, таким образом, утверждающей единство общественного развития в противо-

положность особенностям, например, фиксирующимся на уровне коммуникативной памяти, определённой Ассманом в качестве одной из разновидностей и форм памяти. Она может не только соединять, но и разделять, так как в данной форме фиксируется лишь недавнее прошлое. Правда, при этом всегда происходит своего рода «компенсация» такого положения вещей за счёт фиксации достижений культурного развития в религии как одной из самых устойчивых форм культурной памяти, функционирующей на каждом этапе развития человеческого общества.

Наконец, не менее важно отметить, что на сегодняшний день благодаря вне-национальному статусу всех мировых религий и общему характеру передаваемых ими ценностей, религия как форма духовно-практического освоения действительности обеспечивает ретрансляцию культурных норм и достижений социального опыта на подлинно наднациональном уровне – на уровне рода человеческого. Это означает, что религия может рассматриваться как один из самых действенных механизмов социально-культурной преемственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Рагозина, Т. Э. Культурные нормы как формы развития истории: норма versus стереотип / Т. Э. Рагозина // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – Воронеж : ВГУИТ, 2015. – Вып. 4. – С. 127-136.
3. Рагозина Т. Э. Культура: термин и понятие – путь парадигмы / Современные проблемы гуманитарных и общественных наук [Текст] // ФГБОУ ВО «ВГУИТ». – Вып. 3 (20). – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. – С. 67-78.
4. Рагозина Т. Э. Проблема «начала» культуры в зеркале редукционизма / Современные проблемы гуманитарных и общественных наук [Текст]: Серия «Духовная жизнь общества и человека: история и современность» / ФГБОУ ВПО «Воронеж. гос. ун-т инженер. тех-нол.». – Воронеж: «Научная книга», 2016. – Вып. 3(11). – С. 107-117.
5. Рагозина Т. Э. Культура как явленная метаморфоза первичной реальности / Культура и цивилизация (Донецк). – ГОУВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2015. – Выпуск № 1-2 (2). – С. 7-25.
6. Триль Ю. Н. Ритуал в традиционной культуре // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: аспирантские тетради. – Санкт-Петербург, 2008. № 27 (61). – С. 263-268.
7. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. – 280 с.
8. Угринович Д. М. Обряды. За и против – М.: Политиздат, 1975. – 175 с.

N. P. Volyanskiy

(graduate student of the department of philosophy)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: sheeeeerlock@gmail.com

RELIGION AS A FORM OF CULTURAL MEMORY AND MECHANISM OF SOCIO-HISTORICAL CONTINUITY

Annotation. *The article discusses the characteristics of religion as a way of spiritual and practical mastering of reality, acting as a form of social connection of individuals and one of the mechanisms ensuring the preservation and development of society - a form of cultural memory. Religion is considered by the author as one of the most important socio-historical forms of conservation and relay of social norms.*

Key words: *religion, a way of mastering reality, a form of social connection, social relations, cultural memory, continuity mechanism.*

Поступила в редакцию 7 декабря 2019 года

УДК 31.01.29

Л. Л. Негода

(к. филос. наук, доцент)

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

E-mail: martina_lulek@mail.ru**КУЛЬТУРА КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НАЦИИ**

***Аннотация.** В статье анализируются теоретические вопросы системы и культуры социальной памяти, которые рассматриваются как её форма и качество. Осмысляются составляющие системы социальной памяти, в частности: объекты и субъекты, содержание, функции, национальные отношения, касающиеся социальной памяти и т.п.*

***Ключевые слова:** глобализация, культура, традиции, национальная идентичность, культурная функция, социальная память.*

В последние годы в разных странах мира стали появляться всякого рода симптомы кризиса культуры, проявляющиеся в диаметрально противоположных процессах, формах и видах культурной деятельности общества. Глобализационные процессы, формирование информационного пространства, события политического и социального характера, связанные с резкими изменениями в обществе, усиливают необходимость в сохранении своих культурных традиций и передачи их будущим поколениям. «Наступает новейшая эпоха управления вниманием – эпоха социальной технологии, вытесняющей гуманитарность культуры» [1, с. 83].

Для культуры вопросы глобализации являются наиболее сложными, так как развитые страны заполнили своими культурными артефактами другие страны, что ведёт к сближению культур разных народов и постепенной унификации. Современное значение памяти являет собой символическую форму передачи культурных смыслов, а обрыв между прошлым и будущим заполняется конструктами человеческого мышления.

Благодаря культуре осуществляется передача социального опыта от поколения к поколению, от народа к народу, от эпохи к эпохе, где исторический нарратив в любом виде выступает не столько фиксацией событий, сколько реестром их отражения в сознании современников и потомков. «Человечество, понимаемое как род, может осознавать себя во времени, однако индивид, чётко чувствующий ужас убывания, биологического исчезновения, должен вступить в пространство, в котором живые все и все, не просто живые, а продолжают быть» [2, с. 26-27]. Эта надежда реализуется через память, преодолевая историческое время, и раскрывается через комплекс разделяемых традиций, верований, представлений о прошлом, предстающий как совокупность донаучных, вненаучных, научных знаний и представлений социума о народе.

«Каждая группа в обществе обладает собственным символическим капиталом. Память может выступать формой трансляции этого капитала. Таким образом, память является выразителем групповых ценностей и представлений» [3, с. 3]. В таком понимании, культура в целом выступает как всеобщая, общечеловеческая форма социальной памяти, где память является каналом передачи исторического опыта и фактором формирования национальной идентичности («историческая память», «социальная память», «социальный опыт» и др.). Ведь только культура спо-

собна обеспечить проникновение человека в прошлое, для того чтобы спроектировать его в современном и будущем, создавая таким способом непрерывно существующую социальную среду.

Любая форма памяти имеет дело с прошлым, при этом следует различать историческую память (конкретные исторические события) и социальную память, которая сохраняет явления социального характера: особенности повседневной жизни, праздников и традиций, образ жизни, настроение и психическое состояние людей, образ месторасположения, состояние социальных институтов, власти людей и т.п.

Так впервые в работах М. Хальбвакс «Социальные рамки памяти» (1925 г.) и «Коллективная память» (1950 г.) настаивал на том, что пространство, время и коллективная память связаны, свою концепцию он называл «социальными структурами коллективной памяти», которая укоренена в конкретном социальном опыте, а значит, тесно связана с временным и пространственным представлением. Он считал, что не существует коллективной (социальной) памяти там, где нет ссылок на специфическую в социальном плане базовую пространственную структуру [4; 5].

Следуя М. Хальбваксу, французский учёный П. Нора утверждал, что социальная память находится в «постоянном процессе эволюции». Результатом трансформации социальной памяти является историческая память, признаками которой становятся индивидуальность, субъективность и продуманность. Её трансформация может происходить с помощью двух механизмов: влияния определённых социальных групп или государственных органов на формирование культуры памяти нации; изменения, которые возникают в процессе эволюции социальных институтов. Опираясь на анализ отношения к прошлому, П. Нора выделил три категории памяти: память-архив, память-долг и память-дистанция, которые значительно отличаются друг от друга [6].

Развивая эти идеи в культурологическом направлении, немецкий учёный Я. Ассман в своей книге «Культурная память» 1992 г, базируясь на конкретном исследовании древних культур, вводит понятие «помнящая память», акцентируя внимание на том, что она не имеет ничего общего с искусством запоминания, а имеет дело с «памятью, создающей общность» [7, с. 30].

Ещё одним источником развития концепции памяти является работа П. Коннертона «Как общества помнят», в которой анализируются такие понятия, как память, социальная память, публичная и коллективная память. Центральным становится идея «памяти-привычки», сквозь призму которой автор предлагает рассмотреть, как интериоризируется память, становясь основой социального-культурного-политического бессознательного. П. Коннертон, пытаясь ответить на вопрос: как и каким способом, память групп поддерживается и передаётся следующим поколениям, рассматривает структуры социальной памяти [8]. Тем самым, тема памяти всё больше превращается в новую парадигму наук о культуре и социуме.

Исходя из выше сказанного, следует заметить, что именно понятие «социальная память» наиболее продуктивно акцентирует внимание на постоянном культурном единстве того или иного народа и раскрывает его механизмы.

Глубоко укоренённая в прошлое, память является в первую очередь атрибутом современности, которая имеет своё прогнозируемое измерение, реагирующее на изменение ситуации, так как дистанция между памятью и историей начинает прорастать именно тогда, когда человек познаёт свою власть и своё стремление к переменам. Ведь если память механически воспроизводит историю и распределяет

её элементы вдоль единой хронологической линии в обход внутренним связям между разными её фрагментами, то она становится наполненной абстрактным временем и аксиологической пустотой.

Фундаментальное значение культуры состоит в том, что она, имея сложную структуру, определяет содержание феноменов социальной памяти и оказывает влияние на человека, семью, нацию, этнос, народ и т. д. Культура сохраняет социальный опыт человечества, независимо от исторической эпохи, в понятиях и словах, обычаях и традициях, формулах и разнообразных языках искусства. Безусловно, важным при этом является активная поддержка культурной политики государства. В. А. Подорога пишет: «Необходимой память стала тогда, когда человек из-за своей легендарной забывчивости, не смог выполнять своих обязательств перед другими» [9, с. 24]. Таким образом, кроме культуры, общество не располагает никаким иным механизмом трансляции всего богатейшего опыта, накопленного человечеством. Потому что память, как способность отражать всеобщие человеческие смыслы возможна только в том случае, когда история становится основой индивидуального развития, то есть целостно разворачивается в личностном бытии и когда благодаря памяти человек приобретает способность быть присутствующим в настоящем.

Следует подчеркнуть, что культура влияет на общественные изменения, а её зрелость является показателем факторов осуществлённых в стране реформ, утверждение значения социальной памяти в общественной жизни «в широком понимании культура – не "музей древностей", а живой процесс, который включает производство, сохранение, потребление духовных ценностей» [10, с. 274]. Поэтому, какого бы прозрачного вида в современном социуме ни приобретала культурная память, она всегда выступает осмыслением и связью между прошлым, настоящим и будущим, при этом являясь причинной связью между прошлым и настоящим через будущее, имеющее при этом обратную связь от будущего к прошлому.

Не только прошлое влияет на современное общество, но и его представление о нём и исторических событиях, которые создаются в обществе в границах специфических культурных маркеров и политического контекста.

Манипулирование историей становится возможным в ситуации потери культурно-исторической памяти, так как именно она призвана придавать смысл историческим событиям. Утилизация истории трансформирует память согласно с частными потребностями индивида, нации, народа, класса. В подобной ситуации память идеализируется и становится выборочной [11, с. 118-122]. История и культура становятся средствами консолидации общины, а индивиду остаётся с помощью идеализированной памяти усваивать готовые структуры идентичности.

Человеку присуще осмысление (понятое как сознание человеком себя самого), поэтому в любом здоровом обществе смысловой континуум включает в себя ценностные коды, определяющие устойчивость социальной памяти, которые переносят информацию через поколения независимо от того, осознают ли действующие личности свою роль в этом процессе или нет. Существует лишь одно предостережение: память способна быть такой при условии в обществе общепринятого проекта будущего и принципиального консенсуса касательно основополагающих ценностей. Народ, который уважает свои традиции и ценит своих предков, в процессе осмысления прошлого учится осознавать свою ответственность перед потомками.

Как объект культурной функции государства, культура – целостный комплексный процесс, главным ориентиром которого является человек, его духовное

(моральное, интеллектуальное) развитие и усовершенствование, так как культурное развитие той или иной страны является одним из наибольших объективных показателей не только духовного здоровья общества, но и полноты решения тех проблем, в первую очередь политических и экономических [12, с. 3].

Взвешенная и реалистичная политика памяти, является вызовом времени образов прошлого и модусов поведения, самовосстановление культуры в контексте распространения информационных технологий возможно лишь в условиях целенаправленной деятельности правительства государства и социума в направлении минимизации влияния на общественное сознание мифологических конструкций и искусственно созданных идеологием. Распад традиционных идеалов и ценностей стимулирует поиски новых форм духовности, среди которых возвращение к традиционным основам жизни и желание объединить разорванную связь поколений.

Социальная память определяется специалистами в разных областях науки: философов, историков и социологов, но в известной нам литературе существуют разночтения в понимании структуры и содержания системы социальной памяти.

С философской точки зрения, система социальной памяти, как и любая другая, представляет собой совокупность определённых элементов, между которыми существует закономерная связь или взаимодействие. На наш взгляд, содержание, соответствующее системе социальной памяти, включает «механизмы и способы переработки информации, обусловленные мировоззренческими установками» [13, с. 120].

Социальная память человечества, в первую очередь, является хранителем и транслятором культуры, системы ценностей общества во всех их видах. Но социальная память не только хранит положительный опыт, но и отрицательный, приучая людей не повторять ошибок. Такая память может иметь качества социального факта (по Э. Дюркгейму), то есть существовать объективно, независимо, вне индивида и влиять на него извне принудительным образом, принуждая его к социально взволнованному действию. Социальная память может также иметь и статус субъективного феномена, который зависит от субъекта и сохраняется в субъекте в форме когнитивных конструкций, если идёт речь о сохранении образов, особенно прошлого, которые имеют социальный смысл и характер. Так как социальная память может иметь качества социального факта (существовать объективно, вне индивида и влиять на него извне), то в любом обществе (государстве) существует соответствующая система социальной памяти, содержание которой включает в себя её историческую и идеологическую обусловленность, вследствие чего приобретает её национальная специфика. В конкретном обществе система социальной памяти отражает её историческую и культурную своеобразность, что определяет чёткие ориентиры для восприятия социальной и национальной идентификации членов общества.

То есть, следует различать социальную память субъекта, а именно память человека о своём прошлом впечатлении или действии, которые имеют социальное значение и социальную память как элемент общественного мышления, коллективного опыта, который существует в символах, артефактах, книгах и других разных материальных и нематериальных формах опыта, которые объективировались.

Как известно, социальный институт может трактоваться как норма, образец отношений, закреплённый благодаря социальной памяти в стойких формах, признанных сообществом и которые существуют длительное время. Каждое из условий институционализации каких то социальных отношений имеет дело с социаль-

ной памятью. Так, критерии существования институционализированных норм продолжительное время не могут обеспечиваться без социальной памяти.

Можно отметить два аспекта социальной памяти, где первый заключается в содержательном характере социальной памяти, который сохраняет качество образов, символов и артефактов, а второй – технологический, инструментальный характер, когда память обеспечивает существование какого-то социального феномена.

Согласно системным подходам, содержание системы социальной памяти можно рассматривать как целостную, структурно организованную совокупность объектов и субъектов памяти. Следовательно, система социальной памяти может определяться как категория, которая обозначает совокупность источников памяти, культуру памяти, традиции, идеологию, специфические черты, методы социально значимых компонентов (объект, субъект и т. д.). Продолжительность существующих правил и норм поддерживается именно социальной памятью, а если исключить её действие, то норма не могла бы существовать долго.

Рассмотрев содержание, необходимо обратиться к функциям социальной памяти, которые зависят в первую очередь от культуры общества, его морального состояния, исторических обстоятельств, экономического и политического режимов, отношений власти и общества и многих других факторов.

К функциям социальной памяти относятся:

- идентификационная (позволяет идентифицировать этническую принадлежность), психологическая (укрепляет психологическое состояние);
- воспитательная (на лучших примерах формируется характер);
- социализация (позволяет личности стать полноценным членом сообщества);
- интеграционная (формирует устойчивость коллективного существования);
- коммуникативная (формирует условия и средства человеческого общения);
- инструментальная (служит механизмом для сохранения разных функций);
- политическая (формирует общественное сознание);
- этическая (формирует социальную ответственность);
- историческая (сохранение событий прошлого);
- сакральная (сакрализация образов прошлого);
- культурологическая (важный компонент культуры общества);
- трансляция опыта культуры (память, помогающая передавать опыт прошлого, сохранение преемственности поколений, сохранение ценностей культур).

Анализ опыта прошлого, позволяет с помощью метода аналогии, сравнения с обстоятельствами прошлой жизни лучше понять современные события и явления общественной жизни, а трансформация социальной памяти может привести к новым инсталляциям этого вида памяти, разрушению прежних представлений.

Считаем целесообразным предложить собственное определение культуры как формы культурной функции нации, где культура выступает процессом создания, накопления, воспроизведения и распространения духовных и материальных ценностей, в котором наиболее полно раскрываются богатства и разнообразия внутренних отношений человека, в результате чего формируется мировое культурное пространство.

Так как социальная память является элементом социальной структуры общества, одной из составляющих социальных институтов, она таким образом становится внешней относительно отдельных индивидов. Такая память тесно связана с индивидуальностью, поэтому прошлое воспроизводится через призму личностных интересов или интересов определённых групп, то есть происходит ценностно-

символическая реконструкция прошлого в настоящем, которая может производиться как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях, в качестве неотъемлемой составляющей коллективной и индивидуальной сознательности. Социальная память выполняет стабилизирующую функцию, связывая прошлое с социальной реальностью и является сложным многокомпонентным феноменом, который тесно переплетается с современной реальностью.

Культура определяет качество социальной памяти, её характер и состояние относительно взаимоотношений и ценностей. От культуры социальной памяти зависит общее состояние сознания общества и, наоборот, на культуру социальной памяти влияет уровень социального сознания общества. Культура направлена на сохранение эффективного функционирования всех элементов системы социальной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ланкин В. Г., Григорьева О. А. Книга как информационно-технологическая основа культуры // Социс. – 2009. – № 7. – С. 78-84.
2. Суханцева В. К. Метафизика культуры. – К. : Факт, 2006. – 368 с.
3. Мекаева Ю. Ю. Социальная память как инструмент социального влияния : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М. : Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 2011. – 24 с.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3. – С. 8-27.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
6. Нора П. Память, история // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – М. : Прогресс, 1989. – С. 439-441.
7. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
8. Коннертон П. Як суспільства пам'ятають / Пер. з англ. С. Шліпченко. – К. : Ніка-Центр, 2004. – 184 с.
9. Подорога В. А. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. – М. : «РИПОЛ Классик», 2017. – 268 с.
10. Нагорна Л. П. Исторична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії. – К. : ІПіЕНД ім. І.Ф.Кураса НАН України, 2012. – 328 с.
11. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. – М. : Изд-во гуманитар. л-ры, 2004 (Французская философия XX века). – 728 с.
12. Чернець В. Г. Держава і культура: онтологічний аспект // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв : наук. журнал. – К. : Міленіум, 2012. – № 4 – С. 3-8.
13. Колеватов В. А. Социальная память и понимание. – М. : Мысль, 1984. – 190 с.

L. L. Negoda

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

SCI LPR «Lugansk national agrarian university»

(Lugansk, Lugansk People's Republic)

E-mail: martina_lulek@mail.ru

Annotation. *The article analyzed theoretical issues of the system and culture of social memory, which are considered to be its shape and quality. The components of the system of social memory are conceptualized, in particular: objects and subjects, such as content, functions, national relations concerning social memory, etc.*

Key words: *globalization, culture, traditions, national identity, cultural function, social memory.*

Поступила в редакцию 15 ноября 2019 года

УДК 396.1

А. С. Армен

(ст. преподаватель)

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: armenanastasiya@gmail.com**ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
В ЗЕРКАЛЕ ФЕМИНИЗМА**

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению феминизма как закономерного явления эпохи капитализма, спровоцировавшего коренной сдвиг в культурном, социальном и политическом пространстве западного общества, а также теоретической доктрины, в которой нашли отражение основные тенденции общественного развития. Внимание автора сосредоточено на либеральном и радикальном крыле феминизма второй волны.*

***Ключевые слова.** Феминизм, либеральный феминизм, радикальный феминизм, общество потребления, патриархат.*

Современный этап развития социума характеризуется обилием противоречивых явлений и процессов в культурной, политической, общественной сферах. Кризис индустриальной цивилизации, интенсивное распространение средств массовой коммуникации, либерализация, формирование общества нового типа обусловили появление ряда общественных и политических движений которые получили поддержку, распространение и соответствующую теоретическую базу.

Одним из таких явлений, без сомнения, можно считать феминизм – идеологию и практику борьбы за права и человеческое достоинство женщин. Начавшись, как борьба за равенство экономических и гражданских прав женщин правам мужчин в рамках капиталистической цивилизации, феминизм в своём дальнейшем развитии перешёл к критике не только экономических и правовых устоев этой цивилизации, но и её системы воспитания и образования, политической системы, морали, религии и философии. Марксистский феминизм доводит эту критику до отрицания капиталистической цивилизации. Либеральное и радикальное течения феминизма пытаются разрешить противоречия этой цивилизации, не отрицая её основ. Развитие феминизма сопровождает развитие капиталистической цивилизации, а её противоречия образуют узловые проблемы феминистских доктрин. Это позволяет нам рассматривать *феминизм как зеркало современной цивилизации*, которое позволяет разглядеть её черты более пристально.

В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые особенности отражения капиталистической цивилизации в так называемой второй волне феминизма. Она пришлась на 60-70-е годы XX века и представляет собой явление крайне неоднородное. Представители его отдельных ветвей (либеральной, радикальной, социалистической) фокусируют своё внимание на различных аспектах женской экзистенции и различных сферах проявления неравенства и угнетения. Объективные социально-политические и экономические условия для возникновения феминизма как специфического общественного феномена складывались параллельно с развитием капитализма, когда женщина всё в большей и большей степени наряду с мужчиной стала непосредственно включаться в систему социально-экономических отношений. Итак, феминизм является закономерным явлением, по сути, результатом накопленных социальных ожиданий и запросов. Необходимость пересмотра тради-

ционных взглядов на женскую природу, роль и место женщины в культурном, политическом и историческом процессе, признание существования специфического женского опыта была очевидна. С другой стороны, его последователи подвергли жёсткой критике всю систему ценностей и институтов западного образца.

Либеральное крыло феминизма (Б. Фридан, Дж. Бернад) справедливо считается наиболее умеренным, в фокусе внимания представителей которого расширение и юридическое закрепление прав и свобод, раскрепощение женского самосознания и достижение эгалитарности в браке и сфере наёмного труда. Одна из ключевых идеологов либерального феминизма Б. Фридан в своём труде «Мистика женственности» (1963) возлагает ответственность за женскую пассивность и подчинённое положение на сложившееся к 60-м гг. XX века общество потребления. Последнее, посредством массовой культуры, системы образования и средств массовой информации навязывает женщинам, по мнению Фридан, стереотипные представления об истинной женственности. «Истинная женственность» исключает образовательные и карьерные притязания, закрепляя в сознании единственно возможный жизненный сценарий для любой женщины – супружество и материнство. В основе навязанного образа лежало убеждение, что женщины «не могут желать себе лучшей судьбы, чем прославление собственной женственности» [1]. Потребительский рай, в котором безбедно существовала белая американка среднего класса, Бетти Фридан называла «уютным концлагерем», в котором женщина подобно узнику обрекает себя на лишение идентичности, подавление интеллекта, профессиональных и социальных интересов, личностной значимости посредством рекламной индустрии и женских журналов. Тезис о том, что женщинам, обладающим «истинной женственностью», не нужна карьера, – им не нужно высшее образование и политические права – одним словом, им не нужны независимость и возможности, за которые боролись феминистки первой волны. Всё, что от них требуется, – это с раннего девичества посвятить себя поискам мужа и рождению детей. Освобождение женщин от «мистики женственности», по мнению автора, было необходимо ещё и с точки зрения общественных интересов и воспитания молодого поколения американцев. Отсутствие индивидуальности, образования, сложившегося мировоззрения и системы ценностей у большинства матерей привели к прогрессирующей дегуманизации их детей, а душевные болезни, алкоголизм, рост количества самоубийств среди женщин стали социальными последствиями «проблемы, у которой нет названия» [1].

Необходимо отметить, что книга спровоцировала пробуждение женского самосознания, однако, спустя более чем 50 лет, «мистика женственности» вновь оказывает разрушающее влияние, но уже на женщин современного общества. Субкультура пользователей социальных сетей транслирует весьма конкретные и в то же время сомнительные образцы женской самопрезентации и женского предназначения. Так, в XXI веке, тема супружества и материнства исключена из формирования женского образа. Потребительское отношение к жизни, к партнёру (мужчине), стремление к беззаботной и красивой жизни, обилие материальных благ вещного характера и гламурный внешний вид являются основополагающими аспектами самопрезентации успешной женщины в информационном поле.

В своём труде Б. Фридан настаивала на том, что наиважнейшая задача в борьбе за равноправие – показать женщинам возможности свободы и самореализации вне семьи и дома, искусственный характер ограничений и исключительную важность образования как фактора успешной социализации. Означает ли это, что

борьба за равноправие в социальной сфере дала обратный результат? Женщинам более не нужны права и возможности самореализации в труде, творчестве, самораскрытии?

Заявив о том, «что личное есть политическое» представители радикального феминизма (К. Миллет, А. Дворкин, С. Файерстоун) впервые перевели весь спектр проблем, на протяжении столетий считавшихся исключительно женскими и относящимися к приватному пространству, в плоскость сферы принятия политических решений. Насилие, проблемы на рабочем месте, связанные с сексуальными домогательствами, проблемы личной репродуктивной свободы и свободы в выборе сексуальной ориентации стали частью политической повестки. Однако, феминистки радикального толка не просто вывели в публичное пространство вопросы традиционно приватной сферы, они словно из ящика Пандоры выпустили самые острые и резонансные явления XX века: разложение половой морали, кризис духовности, падение уровня рождаемости в постиндустриальном обществе.

Так, очевидно, что половая мораль трансформировалась вместе с развитием человеческого сообщества и чем выше была ступень развития, тем больше ограничений и запретов имело место. Нравственность как некая система правил и запретов жизненно необходима для существования социума, для поддержания стабильности и развития. Согласно О. Форелю, главная заповедь половой этики звучит так: отношения между полами не должны не только «...не вредить отдельным личностям, а в особенности человечеству, но ещё и способствовать их подъёму» [2]. Данное утверждение предполагает нравственным (а значит, нормальным) всё то, что способствует счастью и преуспеванию человечества, а безнравственным (то есть ненормальным) – то, что причиняет ему вред. Характер половой морали определяется эпохой, экономическим и общественным строем, соответственно в её нормах выражаются интересы тех, кто формулирует нравственные законы. Не случайно поэтому присутствие в сексуальной культуре двойной половой морали, морали различных эпох и цивилизаций, классовой (социальной) половой морали и некоторых других. Поднимая вопросы половой морали и сексуальности, феминистки упустили тот факт, что последняя является могучей силой, возможно наиболее мощной из всех людских сил. Сексуальный союз включает в себя любовный импульс, создание жизни и передачи наследственности потомству. Вне взаимной привязанности, любви, доверия секс часто оказывался разочаровывающим и болезненным опытом.

Исторически возник и глубоко укоренился некий синкретизм между человеческой сексуальностью, любовью, браком и воспроизводством населения. Однако эта социокультурная взаимосвязь любви, семейной жизни и продолжения рода стала подвергаться представителями радикального феминизма яростным нападкам. Подобное изменение репродуктивных норм и социальной регуляции в сфере брака и семьи привело к дальнейшей переоценке сексуальности. Этика свободной любви стала доминирующей в западной поп-культуре, начиная с 60-х годов XX века. Свободная любовь, отделённая от деторождения, превратилась в самоцель, оправдывая множественность сексуальных партнёров для насыщения сиюминутных желаний. Сексуальная революция обещала свободную любовь, но взамен дала ничем не ограничиваемый хаос секса, который породил изломанное и разочарованное поколение. Женщины, возможно, сами оказались первыми жертвами сексуальной революции, если принимать во внимание сексуальное насилие и душевную усталость. Отметим, что многие активистки радикального феминизма пережили подобного

рода травмирующий опыт, с чем, очевидно связаны некоторые суждения, часто лишённые здравого смысла и объективности.

Безусловно, существование двойной морали и ханжеских представлений о женской сексуальности является проявлением патриархального общества и критерием неравенства. Однако новые тенденции межполового взаимодействия привели к появлению так называемых альтернативных жизненных стилей, которые существенно подорвали ценностные основы института семьи. Кроме того, брак и семья определялись в феминистском дискурсе в качестве институтов, закрепляющих патриархальную зависимость женщин, а необходимость воспроизводства населения вообще не принималась во внимание.

Активистка радикального крыла С. Файерстоун полагала, что источник патриархального уклада и женского угнетения есть само женское тело, то есть уникальная способность к деторождению. Однако, по мнению одной из ключевых теоретиков радикального феминизма, эта биологическая основа, хоть и коренится в природе, не является неизменной. В то же время научно-техническая революция 1950-1960-х годов могла бы способствовать разрыву связи биологии и освобождению женщин от их репродуктивной роли посредством новых репродуктивных технологий (через искусственное осеменение, оплодотворение «в пробирке», трансплантацию эмбрионов и т. д.) В своём труде, ставшем классикой феминистской теории «Диалектика пола» (1970) С. Файерстоун рассуждает: «Беременность не является удовлетворяющим и творческим опытом, это «временная деформация тела индивида ради сохранения вида», рождение ребенка попросту болезненно, а с сопутствующими собственничеством и эмоциональным манипулированием оно психологически вредит как матери, так и ребенку» [3, с. 215].

Однако самым радикальным шагом в разрушении тысячелетних норм взаимоотношений полов стало феминистское отрицание гетеросексуальности как биологической данности и обязательной личностной характеристики. Основываясь на драматическом личном опыте, такие феминистки, как А. Дворкин, видят в отношениях мужчин и женщин лишь «злоупотребление властью», используя при анализе такие категории, как «унижение», «манипулирование», «порабощение». Более того, в феминистской риторике появляется такая категория как «принудительная гетеросексуальность». Последняя провозглашалась скорее политическим установлением, механизмом контроля, нежели естественным выражением сексуального желания. Ожесточённые нападки на гетеросексуальность привели некоторых радикальных феминисток к идее о «политически корректной» сексуальной активности, что подразумевало прекращение сексуальных отношений с мужчинами. «Мужчины – враги. Гетеросексуальные женщины – пособницы врагов» [3, с. 221]. Парадоксально, но к началу XXI века гетеросексуальность утрачивает характер нормы поведения и уже нуждается в защите. Но вопреки логике, за революцией не последовало реакционного отката. Приведённые выше тезисы, несмотря на свою экстравагантность и иррациональность были абсорбированы обществом и приобрели сторонников за пределами узкого круга борцов за права женщин.

Невзирая на то, что радикальный феминизм объективно потерял связь с интересами и проблемами большинства женщин, последствием стал *сдвиг западной культуры к бессемейному матриархату* и, как уже было сказано, усилению ценностного кризиса семьи. Веками в общественном сознании семья определялась как средство снятия морально-психологического напряжения индивида; именно стабильная семья выступает в сознании многих людей как один из гарантов прочности

общественного строя, развития гармоничной личности и залогом здоровых межличностных отношений. Английский футуролог О. Тоффлер в своём труде «Шок будущего» так описывает значимость семьи: «Некогда семья считалась «могучим средством от ударов общества»; после сражений с большим миром человек возвращался в семью избитым, в синяках и обретал здесь единственно устойчивое место среди всё более изменчивого окружения» [4, с. 460]. Однако, тенденция развития межличностных отношений на современном этапе такова, что брак и семейный образ жизни рассматриваются не в качестве жизненного приоритета, а лишь в ключе долга, обязательств, самоотречения, ответственности. То есть, таких сложных психо-эмоциональных состояний, переживать которые в полной мере современный индивид не стремится. Это неудивительно, ведь ценности современного общества – это индивидуализм, свобода во всех её проявлениях, культ личностного роста, а его реалией становится, так называемая «семьебоязнь». Увы, среди её последствий социальное одиночество, увеличение количества суицидов и т.д.

Явление феминизма спровоцировало осознание необходимости переоценки системы ценностей и звучания запросов прежде «неинтересных» для общества групп (женщин, представителей сексуальных меньшинств, инвалидов, детей, пожилых людей) в центральное русло общественной политики и поставило вопрос об их реальном влиянии на процесс принятия политических решений. Вместе с тем, представители феминизма в своих работах впервые подвергли критике биологическую природу пола, что спровоцировало переосмысление биологического начала человека в традиционной науке и привело к кризису человеческой идентичности в современном обществе, а отклонения от тысячелетних норм сексуального поведения не могли не иметь катастрофических последствий для института семьи.

Так, отрицание гетеросексуальности, повлиявшее на формирование во многих государствах Западной Европы и США специфической государственной политики заставляет всерьёз задуматься о перспективах развития человеческого сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Б. Фридан Загадка женственности // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/fridan_betti/zagadka_genstvennostithe_feminine_mystique.html#0
2. Форель О. Половой вопрос // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/forel_avgust/polovoy_vopros.html
3. Брайсон В. П. Политическая теория феминизма: Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.
4. Тоффлер О. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

A. S. Armen

(Senior Lecturer)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: armenanastasiya@gmail.com

CONTRADICTIONS OF MODERN SOCIETY IN THE MIRROR OF FEMINISM

Annotation. The paper is devoted to the consideration of feminism as a regular phenomenon of the era of capitalism, which provoked a radical shift in the cultural, social and political area of Western society, as well as a theoretical doctrine, which reflected the main trends in social development. The author's attention is focused on the liberal and radical wing of theoretical feminism of the second wave.

Keywords. Feminism, liberal feminism, radical feminism, consumer society, patriarchy.

Поступила в редакцию 9 ноября 2019 года

УДК 37.017:17

О. В. Курито

(ст. преподаватель)

ГОВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)E-mail: prorector.ahr@mail.ru**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В работе исследуются философские и нормативно-правовые основы аксиологической составляющей современного образования; рассматриваются формы образовательной деятельности, позволяющие охватить максимальное число обучающихся, сохраняя ценностный аспект образования.

Ключевые слова: образование, аксиологический аспект, социум, личность, самоидентичность.

Проблема ценностей особенно остро стоит в обществе, где обесценивается культурная традиция, знания и образование, и идеологические установки которого дискредитируются, что собственно и произошло в России, Украине и других странах Восточной Европы после распада СССР. Учитывая то, что образование является мощным механизмом трансляции общественных ценностей, а также их формирования и трансформации, социально-философское обращение к её аксиологическим основаниям в период активных общественно-политических и экономических изменений развития молодого государства вполне закономерно.

Для того чтобы найти себя в социуме, человек должен осуществить своеобразную духовную «одиссею», которой и является образовательный процесс. Не случайно образование является одним из самых тяжёлых видов труда, ведь это труд по изменению и совершенствованию собственной сущности через усвоение духовно-информационного наследия своего общества, а на этой основе – культурных достижений человечества в целом. Этот процесс имеет специфические черты в каждой отдельной стране, но при этом он строится на универсальной ценностно-этической основе, стержневой опорой которой является понимание образования как труда по созданию личности, а образование есть, прежде всего, процесс усвоения определённого пласта нравственных ценностей.

Обращаясь к международному аспекту ценностей образования, важно отметить, что образовательная сфера является предметом нормативно-правового регулирования не только на национальном, но и на международном уровне, что ещё раз подчёркивает его общечеловеческую сущность. Общеизвестная связь нравственных и правовых ценностей, а также морали и права как регуляторов общественных отношений, указывает на необходимость анализа международного правового измерения развития образования.

Ценностные и этические проблемы образования были отражены ещё в Уставе ЮНЕСКО в 1945 г. Ведь именно образование способствует сохранению мира, культурному развитию и толерантным отношениям между народами. Одной из главных международных законодательных основ образования, безусловно, является Всеобщая декларация прав человека, где в статье 26 говорится о праве каждого человека на образование, которое должно быть направлено на развитие челове-

ческой личности, на увеличение уважения к правам и свободам человека, должно способствовать взаимоуважению, толерантности и дружбе между всеми народами, а также способствовать деятельности ООН по поддержанию мира [4, с. 35].

Важными международными документами, в которых отражены ценности образования, также выступают Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Европейская культурная конвенция (1954), Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960) и декларация ООН о распространении среди молодёжи мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами (1965 г.). Как отмечает С. Рашидов [8, с. 156-157], деятельность международных организаций в области создания общественных объединений способствует не только расширению демократии на национальном уровне, но и образованию и воспитанию молодёжи. В основе деятельности международных организаций лежат такие ценности, как демократия, права человека, свобода, равенство, толерантность, солидарность, гражданственность, справедливость и взаимное доверие, которые всячески внедряются в образовательную практику.

Важным фактом, который отражает отношение международного сообщества к ценностным основам образования, стало обсуждение этой проблемы на уровне Международной комиссии по вопросам образования ЮНЕСКО [8]. В частности, в докладе Комиссии по вопросам образования XXI в. было выделено шесть направлений международной аналитической деятельности в сфере образования: образование и культура; образование и гражданственность; образование и социальная защита; образование и социальная консолидация; образование, труд и занятость; образование и развитие; образование, исследования и наука. Отмеченные направления объединяются тремя сквозными темами, касающимися функционирования образования в современном мире, среди которых – коммуникационные технологии; учитель и обучение; финансирование и управление. Стоит остановиться на этих трёх тематических направлениях более подробно.

Коммуникационные технологии создают новые возможности и порождают новые ценностно-этические проблемы в сфере образования. Согласно докладу Международной комиссии по вопросам образования 1996 г., во всём мире базовое образование должно охватить 900 млн. неграмотных взрослых, 130 млн. детей, не посещающих школу, а также еще 100 млн. детей, преждевременно оставивших обучение в школе [7]. Конечно, каждый год эти цифры меняются, но проблема не решена. Качественно новый шаг в её решении можно сделать с помощью распространения современных коммуникационных технологий, способных принципиально облегчить доступ населения к таким компонентам образования, как культура и этика, наука и техника, а также экономика и обществоведческая отрасль знания.

Очень неравномерно происходит компьютеризация городов и сёл, что значительно усложняет воплощение принципов равных возможностей в образовании. Реализация принципа равных возможностей обеспечивает удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей человека, постоянную адаптацию к меняющимся условиям профессиональной деятельности в социальной среде. Так, А. М. Новиков предлагает «всемерно развивать дистанционное, открытое и другие формы образования с доставкой, так сказать, образовательных услуг «на дом» [5, с. 151].

Благодаря современным коммуникационным технологиям можно более эффективно решать целый ряд задач при обучении иностранному языку, в том числе, знакомить студентов с речевым этикетом страны изучаемого языка, формировать

стабильную мотивацию иноязычной деятельности, обсуждая актуальные вопросы из материалов Интернет-сети. Международные образовательные и научные проекты, организованные в Интернете, создают реальную языковую среду. При этом используются такие средства, как виртуальные библиотеки, музеи, базы данных, различные информационные серверы. Живое общение может быть организовано через «Скайп», электронную почту и тому подобное. Работая над совместными проектами, студенты из разных стран обращаются к разнообразным сетевым приложениям, графическим редакторам и тому подобное. Такие образовательные проекты автоматически становятся междисциплинарными, что повышает восприятие естественных наук.

Так, ежегодно проходит Московский международный форум «Город образования». Это – международная площадка, миссия которой заключается в трансляции практического опыта по интеграции городских ресурсов для эффективной реализации идей открытого образования. Форум объединяет учёных, педагогов, родителей, учащихся и студентов – всех, кому интересно современное образование, уникальные практики, а также кого беспокоит расслоение общества, дискриминация человека с инвалидностью и рост неравенства в образовании при пропаганде равных возможностей.

Использование информационных технологий способно в значительной степени исправить недостатки, присущие большинству современных печатных учебников. Внедрение компьютерных программ в учебно-воспитательный процесс способствует реализации такой ценности, как индивидуализация обучения, ведь в них предусматривается возможность индивидуального подбора заданий, упражнений и др. Конечно, новейшие коммуникационные технологии – это не панацея. Оптимальным решением сегодня может стать распространение печатных учебных материалов вместе с мультимедийным дополнением. Проблема коммуникационных технологий в образовании непосредственно связана со сферой деятельности учителей. К сожалению, самые профессиональные преподаватели порой не могут или не хотят работать в тех уголках земного шара, где их профессионализм, кажется, нужен больше всего.

Сфера деятельности учителей и учебный процесс как таковой является практически неисчерпаемым направлением этической и аксиологической проблематики. Одной из узловых проблем современного образовательного процесса является проблема роли учителя в учебном процессе, а также вопрос самообучения и замены учителя новейшими информационными технологиями там, где это возможно.

Большой научный и общественный интерес вызывают эксперименты по самообучению индийского исследователя Сугата Митры [6], которые он проводит, начиная с 1999 г. Примером его деятельности является эксперимент, проведённый в Дели (позже Митра повторил его по всей Индии и во многих других странах мира), где он встроил компьютер с Интернет-подключением в стену одного из зданий в бедном районе, где дети практически не говорили по-английски и не посещали школу. В результате эксперимента дети (6-8 лет и старше), благодаря своим природным задаткам, способностям и любопытству смогли совершенно самостоятельно овладеть навыками работы с компьютером всего за две недели, просматривать Интернет-страницы, делать снимки, загружать различные программы, записывать собственную музыку и проигрывать её. Первые результаты были получены уже через 4 часа после того, как включенный компьютер появился в стене. Был сделан вывод о том, что группы детей могут самостоятельно приобретать навыки пользо-

вания компьютерными технологиями, независимо от географического и социокультурного контекста. Не менее оригинальные результаты были получены в индийском городе Хайдарабаде, где дети говорили по-английски с очень сильным местным акцентом. Аналогично с первым экспериментом на улице был установлен компьютер, а в нём содержалась программа, которая трансформировала речь в текст. Перед детьми была поставлена задача сделать так, чтобы компьютер их понял, но не давалось никаких инструкций, как это сделать. Через два месяца речь детей стала почти идентична британскому варианту английского языка, и эти результаты были достигнуты без всякой помощи учителей.

Конечно, такие примеры должны в дальнейшем исследоваться, а их положительный эффект вполне может быть распространён среди определённых слоёв населения. Но успешные результаты подобных экспериментов не следует толковать как толчок к полному обесцениванию роли учителя в образовательной сфере. Личность учителя была и остаётся одним из главных факторов духовного, нравственного и интеллектуального развития личности ученика. Кроме того, в идеале процесс образования должен начинаться ещё в дошкольном возрасте и в нём обязательно должны участвовать семья и местное сообщество. Как справедливо указывает И. Алексейчук [2, с. 4], бывшая индустриальная ценностная парадигма, которая выражается формулой «Ученики концентрируются вокруг Учителя», осуществлялась в реальном физическом пространстве учебных аудиторий, принадлежность которых к конкретной национальной системе была очевидна. Финансирование и управление в сфере образования также является вопросом, который активно обсуждается на международном уровне и имеет многочисленные локальные социокультурные вариации практического воплощения. Наиболее острой этической проблемой, связанной с финансированием образования, является коррупция. Проблема коррупции, как уже отмечалось, является системной проблемой современного образования, но неправильно считать, что её нет в других странах мира. Она присутствует и в системе образования стран Запада, хотя и в меньшем масштабе. Эта проблема существует и в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Как отмечает Р. Апресян [3], в США вопрос коррупции имеет два аспекта, но ни один из них не связан с взяточничеством. Первый аспект – традиционный, предстает как проблема нецелевого использования федеральных средств, предназначенных для отрасли образования (эта проблема возникает, например, когда миллиарды долларов не поступают в учебные заведения из-за махинаций чиновничества). Второй аспект проявляется в снижении уровня высшего образования в США из-за коррупции. Поскольку университеты являются факторами формирования нравственного сознания и функционируют в конкретной социальной, культурной и национальной среде, они не могут быть свободными от ценностно-этических характеристик. При этом во многих странах мира разрабатываются этические аспекты деятельности университетов и вопросы их нравственной атмосферы. Примером документального закрепления этого вопроса является «Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе» (2005), где говорится о том, что этические нормы и ценности академических учреждений не только обеспечивают надлежащее качество образования, но и формируют студентов как ответственных и толерантных граждан демократического государства. Бухарестская декларация включает такое понятие, как «этический аудит», который требует соблюдения демократических свобод в стране, в которой функционирует тот или иной университет, а также прозрачности в вузовском администрировании.

При этом как можно осуществлять такой «этический аудит», в декларации не конкретизируется.

Существующие на сегодня международные декларации ценностей академического сообщества, кодексы и резолюции научно-исследовательских центров и законопроект, содержащие нравственные требования к образовательной и научной сфере из разных философских позиций имеют очень неоднозначные интерпретации. Так, вместе с развитием в начале XX в. социологических знаний, стала одновременно стремительно развиваться и академическая этика (работы М. Вебера, Т. Куна, Р. Мертон, К. Поппера, М. Шелер). По мнению известного итальянского исследователя Э. Агацци, который проанализировал критику концепции академической этики Р. Мертона и других философов и социологов, в реальной практике педагоги и исследователи далеко не всегда придерживаются задекларированных в международном сообществе этических норм [2, с. 105-117].

В современной России, где на первый план выдвигаются общечеловеческие принципы и ведётся активная работа по расширению границ нравственного воспитания, необходимо студенчество ориентировать именно на получение знаний, а не диплома, при поступлении в высшие профессиональные образовательные организации, учитывать не только успешное обучение, но и общественную активность, спортивные и творческие достижения абитуриента [9].

В свою очередь, обсуждать этические вопросы (проявления ксенофобии в различных сферах деловой жизни, родственных связей при построении карьеры, проблему коррупции и отношение к ней со стороны молодёжи и так далее) очень важно, особенно на последних годах обучения в вузе. Благодаря такому обсуждению, решать различные ситуационные задачи студенты могут на реальных примерах, могут приобретать навыки принятия решения, исходя не только из собственных амбиций и финансовых интересов, но и интересов всего общества, природы, ближайшего окружения, коллектива организации, в которой будут работать.

Итак, ответственность университетов за формирование ценностно-этической составляющей студенчества непосредственно вытекает из того, что отечественные абитуриенты опираются на сравнительно небольшой социальный опыт, пользуются меньшей свободой и, в целом, менее сознательны при принятии решений относительно своего профессионального будущего.

Особое значение при этом имеет вопрос ценностного измерения образования, которое непосредственно связано с общественной жизнью и сознанием, что актуализирует значение социально-философского исследования этой проблематики, ведь, хотя бытие и определяет сознание, но нельзя отрицать и обратную связь. И в этом смысле ценности образовательной сферы выступают одними из главных факторов и регуляторов бытия современного социума.

В контексте образования как системы, которая сама себя организует, человек может рассматриваться как постоянный источник изменений, стихийности, неупорядоченности, но при этом следует помнить, что без этих составляющих невозможно развитие, направленное на повышение качества образования.

В современных условиях происходит становление информационного общества, вследствие чего возросла роль образованной личности в производстве и в других сферах общественной жизни, поэтому вполне обоснованно можно утверждать, что университетское образование, как классическое, так и специализированное, является одним из главных приоритетов информационного общества.

Движущим механизмом и потенциалом динамики образования как открытой системы является личность. При этом очень важно сохранить целостное понимание образования и человека в нём, несмотря на широкую разветвлённость современной науки, которая отражается в постоянно растущей дифференциации научных направлений и учебных дисциплин, что, в свою очередь, приводит к мировоззренческой дефрагментации всех участников образовательного процесса. Вполне справедливо характеризует эту ситуацию А. Пономарёв, который пишет: «...Современная педагогическая теория и практика, к сожалению, ещё в значительной степени остаются в кругу традиционных взглядов на человека как объекта обучения. В то же время он, даже в детском возрасте, должен рассматриваться не только как равноправный субъект учебно-воспитательного процесса, но и как сложная открытая система, постоянно находящаяся под интенсивным воздействием множества различных факторов внешнего и внутреннего характера, объективной и субъективной природы» [1, с. 105]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что образовательная система должна опираться как на системное видение обществом перспектив своего развития, так и на понимание своего места в нём.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци; [пер. с англ. И. Борисова]. – Москва: Московский философский фонд, 1998. – 324 с.
2. Алексейчук И. С. Рациональное познание (слова, понятия, структуры): монография / И. С. Алексейчук. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2010.–184 с.
3. Апресян Р. Г. Этика в высшем образовании [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян. – Режим доступа: <http://ethicscenter.ru/ed/kaunas/apr1.html>.
4. Всеобщая декларация прав человека // Права людини: Збірник документів. – Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 2005. – 236 с.
5. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе: парадоксы, наследия, векторы развития. – Москва: Эгвес, 2000. – 271с.
6. Новые эксперименты Сугаты Митры по самообучению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://intopik.com/ru949/>.
7. Образование – сокровище. Основные положения доклада Международной комиссии по образованию для XXI века/ Интеллектуальная Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf7doklad_yunesko_obrazovanie_21_veka.pdf/.
8. Рашидов С. Ф. Международно-правовые основы воспитания ценностей гражданского общества / С. Ф. Рашидов // Духовність особистості: ме-тодологія, теорія і практика: 36. Наукових праць. – Вип. 4 (39). – Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 2011.– С. 155 – 166.
9. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/06/08/vospitame-dok.html/>.

O. V. Kurito

(Senior Lecturer)

SO HPE «Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky»
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: prorector.ahr@mail.ru

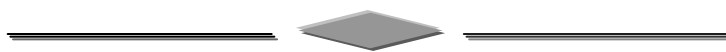
PHILOSOPHICAL BASES OF FORMATION VALUE AND ETHICAL COMPONENT OF EDUCATION

Annotation. The work examines the philosophical and regulatory framework of the axiological component of modern education; forms of educational activity are considered that make it possible to cover the maximum number of students, preserving the value aspect of education.

Key words: education, axiological aspect, society, personality, self-identity.

Поступила в редакцию 29 ноября 2019 года

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 321.013

М. М. Кухтин

(к. полит. наук, доцент)

ГОУВПО «Донецкий национальный университет»

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ И СТРУКТУРНЫЙ РЕАЛИЗМ К. УОЛЦА

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению точек соприкосновения между марксистской концепцией отчуждения и структурным подходом в рамках неореалистической теории международных отношений. Делается вывод, что представление о структуре международной системы как принуждающей силе, неподконтрольной и непонятной акторам, достаточно хорошо согласуется с диалектико-материалистической категорией отчуждения. Марксистское учение о разумных формах исторического процесса, в частности – о государстве и праве, содержит ряд положений, имеющих более или менее отдаленные соответствия в теории К. Уолца.*

***Ключевые слова:** марксизм, неореализм, отчуждение, структура системы международных отношений, логика исторического процесса.*

Ранние теории международных отношений (в частности, классические идеализм и реализм) несли на себе печать субъективизма и волюнтаризма, их методология и категориальный аппарат страдали от приблизительности и нехватки объективного содержания. После второго «большого спора» ситуация изменилась к лучшему. Теория международных отношений освоила некоторые естественнонаучные и математические методы исследования, структурализм стал преобладающим подходом к изучению международно-политических явлений и процессов. Комплексный структурный анализ мировой капиталистической экономики был проведен ещё В. И. Лениным, однако его книгу об империализме следует рассматривать скорее как исключение в научной жизни той эпохи. Это объясняется не только тем, что буржуазная социология отторгала марксистские представления, но и относительной неразвитостью некоторых направлений междисциплинарных исследований. Теория информации (К. Шеннон), кибернетика (Н. Винер) и общая теория систем (Л. фон Берталанфи), заложившие прочное общенаучное основание структурного подхода, оформились только к середине XX в.

Классическим воплощением структурализма в международно-политических исследованиях стала неореалистическая парадигма. Её становление связывают с книгой американского учёного К. Уолца «Теория международной политики» [8], вышедшей в свет в 1979 г. Неореализм сохранил ряд положений классического реализма, в частности – строгое разграничение предметных полей внешнеполитических, внутривнутриполитических и экономических исследований. Кроме того, К. Уолц,

как и Г. Моргентау, был последовательным сторонником этатистской парадигмы. В её рамках национальное государство рассматривается как монолитное целое, взаимодействующее с другими государствами чисто внешним образом и проводящее внешнюю политику, вполне постижимую без учёта внутренних контекстов.

Перечисленные положения неореализма несовместимы с историческим материализмом, однако у двух теорий есть и общие черты. Их объединяет интерес к объективному содержанию общественной жизни, критика идеализма, субъективизма и волюнтаризма в оценке социальных явлений.

Целью работы является выявление точек соприкосновения марксизма и неореализма. Для её достижения необходимо выполнить следующие задачи:

- раскрыть марксистскую концепцию отчуждения;
- изложить основы структурно-системного анализа по К. Уолцу;
- сделать вывод о сходствах и различиях двух концепций.

Методология исследования основана на принципах единства исторического и логического и восхождения от абстрактного к конкретному. Любая научная теория должна рассматриваться и как система сформировавшихся представлений о предмете исследования, и как продукт общественно-исторического процесса познания, неотделимого от материальной практики человечества. Интерпретации отчуждения у Г. Гегеля, в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» [2] К. Маркса и в «Немецкой идеологии» [3] заметно различаются, однако здесь можно выделить «красную нить», позволяющую говорить о последовательном развитии одной идеи. Отголоски концепции в «Теории международной политики» К. Уолца дают полезный контекст для её истолкования.

В статье краткие определения отчуждения и структуры международной системы наполняются более конкретным и богатым содержанием, выясняется закономерная взаимосвязь данных концепций, раскрываются необходимые для её понимания политические и социально-экономические контексты. В ходе общественного развития и индивид, и государство утрачивают контроль над некоторыми своими сущностными силами и сталкиваются с внешним давлением и принуждением. Эту абстрактную констатацию необходимо наполнить жизненным содержанием, рассмотрев как основные моменты становления классового общества и государства, так и глобальные политические и экономические механизмы, ограничивающие национальный суверенитет в современном мире. Это поможет творчески развить марксистскую теорию глобализации и точнее оценить связанные с данным процессом вызовы и угрозы, которые хорошо описал, в частности, немецкий учёный У. Бек. Он составил катастрофический сценарий, который, по его мнению, реализуется в Европе, если её народы не смогут дать отпор глобальному финансовому капитализму, вооруженному неолиберальной идеологией.

Национальное государство обладает монополией на легитимное насилие на своей территории и предоставляет населению ряд социальных гарантий. Если основания государственной власти в Европе и мире будут подорваны, народные массы окажутся в заложниках у разнородных «союзов господства» (транснациональных корпораций, осколков старого государственного аппарата, религиозных общин, общественных организаций, преступных группировок и т. д.) и столкнутся с меньшими уровнями безопасности и комфорта и с более интенсивной эксплуатацией [1, с. 276-278].

С марксистской точки зрения, в построениях немецкого социолога есть рациональное зерно. Борьба народных масс против классово чуждого государства в из-

вестном отношении облегчается тем, что последнее чётко оформлено организационно и юридически, локализовано в пространстве и не может просто «ускользнуть» от протестного движения или приближающейся революции. Ситуация существенно усложняется, если главной опорой эксплуатации и угнетения оказываются сетевые, мозаичные структуры, заставляющие вспомнить то ли о раннем феодализме, то ли об организационных формах современной международной преступности. Ленинское учение о пролетарской революции предусматривает слом буржуазной государственной машины и консолидацию диктатуры пролетариата как параллельные, неразрывно связанные процессы [6, с. 33]. Если капиталистическая глобализация продлится ещё несколько десятилетий, в описанную ленинскую модель, возможно, нужно будет внести ряд уточнений.

Впрочем, И. Валлерстайн рисует картину современного миропорядка, несовместимую с катастрофическим сценарием У. Бека. С точки зрения американского неомарксиста, капиталистическая мир-система не может обойтись без плюрализма полноценных национальных суверенитетов. В мир-империи бесконечное накопление капитала перестало бы быть приоритетом. Квазимонополии могут существовать только при мощной государственной поддержке [7, с. 24, 26]. Перенос предприятий позволяет снижать себестоимость товаров, только пока условия ведения бизнеса разнятся от страны к стране [7, с. 80]. Фирмы покрывают часть своих издержек за счёт налогоплательщиков и сильно зависят от такого рода финансовых вложений. Наконец, капитализм предполагает своеобразное «разделение труда» между фирмами и государством [7, с. 46-48]. Навряд ли в случае упадка последнего первые смогут взять на себя его функции. Иными словами, И. Валлерстайн считает, что исчезновение национального государства как жизненного формата означало бы гибель капитализма, что несовместимо с построениями У. Бека.

Таким образом, конкретно-исторический анализ проблемы глобализации помогает методологически корректно подойти к отголоскам концепции отчуждения у К. Уолца.

Известно, что учёные, не придерживающиеся марксистского мировоззрения, могут, тем не менее, глубоко проникать в природу различных общественных явлений за счёт стихийной диалектики, неосознанного, интуитивного применения тех или иных марксистских положений. Дальнейшее исследование покажет, насколько такие соображения применимы к К. Уолцу и его последователям.

Современная исследовательница материалистической диалектики Т. Э. Рагозина резонно отмечает, что существование разумных форм исторического процесса признавалось целым рядом философских школ, хотя их носитель и, соответственно, субъект истории определялся мыслителями по-разному. Для материализма Просвещения им был индивид, для Г. Гегеля – мировой дух, для К. Маркса и Ф. Энгельса – *«труд и формы его организации (формы его разделения)»* (курсив Т. Э. Рагозиной) [5, с. 26].

«В реальной истории, говорит Гегель, в качестве результата действий индивидов возникает нечто, что не входило в их первоначальные намерения и что, получив статус самостоятельной силы (в качестве совокупности отношений целого), само начинает господствовать над людьми ...» [5, с. 21]. Человек не является прямым субъектом истории. Таковым его делает только коммунизм, предполагающий полное преодоление отчуждения и стихийности в общественной жизни. Пока же люди создают и воспроизводят общественные структуры, которые довлеют над ними как внешняя сила, непрозрачная для них и неподконтрольная им.

Понятие отчуждения служит концептуальным мостом между марксизмом и неореализмом. Большая советская энциклопедия определяет отчуждение как «объективный социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и её результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему» [4, с. 22]. В работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» это выражено так: «... разделение труда даёт нам также и первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, ... собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» [3, с. 31]. Далее объясняется, что государство – это отчуждённая форма общего интереса, оторвавшегося от действительных интересов индивидов и общественного целого.

Анализируя неореализм в категориях марксистско-ленинской политической экономии, необходимо помнить о разных видах и уровнях отчуждения. Появление государства означает, что известные сущностные силы общества вышли из-под его контроля и воплотились в некоторой внешней инстанции. Подобным образом, формирование международной системы возможно только за счёт отчуждения тех или иных сущностных сил государства – части его суверенитета. Они передаются с элементного уровня на системный, причём конкретные формы данного процесса многообразны. Утраченные государством полномочия могут стать достоянием политико-юридически оформленного наднационального органа, наподобие Еврокомиссии или Европарламента, однако это необязательно.

Ослабление государств неизбежно связано с усилением международных институтов в широком, неолиберальном истолковании термина, включая сюда не только международные межправительственные организации, но и международные обычаи, право, общественное мнение, гражданское общество и т. д. Наконец, что особенно важно, государство теряет некоторые степени свободы, интегрируясь в анонимную, лишённую непосредственного юридического оформления международную «систему». Последняя характеризуется в первую очередь как экономический порядок (И. Валлерстайн) или как устойчивая военно-политическая конфигурация (К. Уолц). В обоих случаях внимание исследователей смещается с национальных параметров и переменных на региональные и глобальные. Марксистское осмысление позднего империализма, уже прошедшего несколько этапов глобализации, также не может обойтись без описанной смены перспективы. Осознание данного факта побудило неомарксистов ввести такие понятия, как «осевое разделение труда» и «центр-периферия» [7, с. 91, 93].

В книге «Теория международной политики» К. Уолц отмечает: «Структуры поощряют определённые типы поведения и наказывают тех, кто не реагирует на поощрение. ... мотивы и результаты вполне могут быть рассогласованы. Структуры заставляют действия приводить к незапланированным последствиям» [8, с. 106, 107]. Причём, даже если государства поймут природу системы, что весьма непросто, и решат соответственно скорректировать своё поведение, им это не удастся: в международной политике, как и в экономике, господствует «тирания маленьких решений».

Иными словами, национальные государства, движимые своими частными интересами, принимают решения на доступном им элементном уровне, не имея возможности контролировать их последствия на более высоком (собственно системном) уровне [8, с. 108-109]. Это напоминает марксистское объяснение функциони-

рования капитализма. Капиталист стремится к максимальной прибыли, наёмный работник хочет продать свою рабочую силу с наибольшей выгодой. Направление развития общества определяется как равнодействующая таких импульсов, основанных на узко понимаемых индивидуальных и групповых интересах, а не на учёте «глобальных переменных». Из-за этого регулярно наступают последствия, которых не желал никто, наподобие кризисов перепроизводства.

«Международно-политические системы, подобно экономическим рынкам, формируются параллельными действиями эгоистичных единиц. ... Структуры возникают из сосуществования государств. Ни одно государство не желает участвовать в создании структуры, которая будет ограничивать его и других» [8, с. 91]. Это объяснение является для неореализма единственно возможным: он не может ни признать структуру международной системы мистическим началом, ни приписать её создание негосударственным акторам. Первое противоречило бы рационалистической установке теории, второе – её этатистской ориентации. Процитированные утверждения отличают неореализм от классической реалистической традиции, в которой, например, система баланса сил рассматривалась как «проект» входящих в неё государств, а не как отчуждённый от них объективный результат их взаимодействия – вполне возможно, непредвиденный и/или нежелательный. Школа Г. Моргентхау нередко прибегала к нестрогим, недостаточно основательным умозаключениям, что неизбежно, если неясна структура предмета исследования. Кроме того, отстаивая метафизическое представление о природе человека в духе Н. Макиавелли и Т. Гоббса, она регулярно отступала от принципа историзма. Уже в силу этого у классического реализма было очень мало общего с марксизмом. К. Уолц и его последователи уже имеют значительно больше точек соприкосновения с историческим материализмом. Трактовка последним отчуждения явствует уже из «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» К. Маркса: «*Самоотчуждение* рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает *внешнее* существование, но ещё и то значение, что ... жизнь, сообщённая им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая» (курсив К. Маркса) [2, с. 561]. Жертвой такого отчуждения становится не только рабочий. Капиталисты вызывают к жизни социально-экономические силы, с которыми они неспособны совладать, национальные государства неизбежно страдают от «побочных эффектов» мирового политического процесса, хотя и играют центральную роль в его формировании.

Неореалистическая теория международных отношений в своё время легко встроилась в капиталистический общественно-политический дискурс. Она отнюдь не ставит под сомнение экономические основы современного западного могущества, не рассматривает его с классовой точки зрения. Тем не менее, она неявно отсылает внимательного исследователя к центральной для марксизма проблеме отчуждения. Установка на объективность, системность и историзм закономерно приводит учёного к диалектическим и материалистическим подходам, пусть и в непоследовательных, стихийных вариантах.

Риски, сопряжённые со стихийностью в общественном развитии, осознаны подавляющим большинством социологических течений, однако единого подхода к ним нет. Неореалисты принимают неутешительные реалии как неизбежную данность и предлагают рекомендации по выживанию в них. Неолибералы, по сути, утверждают, что человечеству просто нужно еще больше капитализма в политике и экономике, чтобы решить вышеописанную проблему. Из трёх «больших нарратив-

вов» только неомарксизм признаёт, что её решение невозможно без перехода всего мира к более высоким общественным отношениям.

Из вышеизложенного следует вывод о непреходящей актуальности классической марксистской интерпретации отчуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 689 с. – С. 517-642.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7-544.
4. Огурцов А. П. Отчуждение / Большая советская энциклопедия. 3-е изд. // гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 19. – С. 22-24.
5. Рагозина Т. Э. Проблема «бездомности человека в мире» в зеркале негативной диалектики исторического развития / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация. – 2018. – № 2 (8). – С. 20-27.
6. Сталин И. В. Об основах ленинизма / И. В. Сталин // Вопросы ленинизма. 11-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С. 1-80.
7. Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke Univ. Press, 2004. – 109 p.
8. Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – 251 p.

M. M. Kukhtin

(candidate of political sciences, Associate Professor)

SEI HPE «Donetsk National University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

THE MARXIST CONCEPT OF EXCLUSION AND STRUCTURAL REALISM OF K. WOLZ

Annotation. *The article is devoted to identifying common ground between the Marxist concept of alienation and the structural approach in the framework of the neorealist theory of international relations. It is concluded that the idea of the structure of the international system as a coercive force, uncontrollable and incomprehensible to actors, is in good agreement with the dialectical-materialistic category of alienation. The Marxist teaching on rational forms of the historical process, in particular on the state and law, contains a number of provisions that have more or less distant correspondences in the theory of K. Waltz.*

Keywords: *Marxism, neorealism, alienation, the structure of the system of international relations, the logic of the historical process.*

Поступила в редакцию 10 декабря 2019 года

А Н О Н С Ы И О Б Ъ Я В Л Е Н И Я

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ (г. Донецк, ДНР)

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И ТОРГОВЛИ
ИМЕНИ МИХАИЛА ТУГАН-БАРАНОВСКОГО
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ (г. Донецк, ДНР)

ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ (г. Луганск, ЛНР)

Воронежский государственный университет
кафедра истории философии и культуры (г. Воронеж, РФ)

Белгородский государственный институт искусств и культуры
кафедра философии, культурологии, науковедения (г. Белгород, РФ)

25 апреля 2020 г.

Проводят VI-ю международную научную конференцию

«ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА»

Направления работы конференции:

1. Проблема духа в истории философской мысли.
2. Понятие духовного производства и его исторические типы.
3. Духовный кризис современной эпохи: причины и формы проявления.
4. Противоречия и тенденции развития современного духовного производства.
5. Формы и механизмы преемственности в сфере духовного производства
6. Наука и духовное производство как факторы исторического развития: прошлое и современность.
7. Проблема объективности истины в условиях социальной обусловленности научного знания.
8. Теоретические проблемы философии науки. Дискуссии и перспективы исследования.
9. Объективные и субъективные механизмы сохранения и воспроизводства культурно-исторического опыта.
10. Религия как способ духовно-практического освоения действительности и форма культурной памяти.
11. Искусство как зеркало противоречий духовного производства в современном обществе.
12. Духовное производство и политика: автономия или гетерономия?

NB: Полнотекстовая электронная версия сборника будет постатейно (!!!) размещена в научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» (РИНЦ)

Тезисы принимаются *до 20 марта 2020 года* по адресу: tatyana.ragozina@list.ru

Требования к оформлению научных статей для публикации в научном журнале «Культура и цивилизация (Донецк)»

Оформление научной статьи включает следующие обязательные элементы:

1.1. **Индекс УДК** (универсальной десятичной классификации). Его помещают перед сведениями об авторах и названием статьи отдельной строкой, слева.

1.2. **Сведения об авторах.** Сведения об авторах включают в себя:

- имя автора (инициалы и фамилия) выделяется жирным шрифтом по центру (в статьях, написанных несколькими авторами, их имена приводят в последовательности, принятой самими авторами);
- наименование учреждения или организации, включая место их нахождения, указываются следующей отдельной строкой по центру;
- адрес электронной почты – *курсивом* по центру;
- название статьи пишется по центру, без знаков переноса, жирным шрифтом, прописными буквами.
- в отдельном файле указывается учёная степень, звание, должность, рабочий или домашний адрес с индексом, номера мобильного и домашнего телефонов.

1.3. **Аннотация и ключевые слова.** Аннотации и ключевые слова пишутся курсивом и приводятся на двух языках (на русском и английском).

Аннотацию и ключевые слова на языке публикуемого материала помещают перед текстом публикуемого материала. Ключевые слова (не менее 5-8 слов) размещают отдельной строкой непосредственно после аннотации.

Аннотацию (с ключевыми словами) на английском языке помещают после текста статьи и библиографического списка. Рекомендуемый объем аннотации – не более 600-700 печатных знаков (приблизительно 8-10 строк).

1.4. **Названия основных элементов текста статьи** (постановка проблемы с кратким обоснованием её актуальности; анализ последних исследований и публикаций; постановка задач исследования; изложение основного материала; результаты и выводы с указанием направлений дальнейших исследований) рекомендуется выделять полиграфическими средствами (например, курсивом). Данное условие носит лишь *рекомендательный характер*, не более.

1.5. **Пристатейный библиографический список.** Библиографический список помещают непосредственно после текста публикуемого материала. Библиографический список следует оформлять в соответствии с действующими стандартами РФ: ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ 7.82-2001.

1.6. **Объём публикаций:**

- общий объём статьи может варьироваться от 10 до 12 страниц, включая библиографический список и аннотации;
- в случае если материал носит проблемный или обзорный характер, по решению редколлегии объём может быть увеличен до 24 страниц и более;
- рецензии на книги – от 3-х до 5 страниц;
- научная хроника – до 3-х страниц;

NB: В связи с включением журнала в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования) статьи будут проверяться на плагиат. К публикации в журнале принимаются материалы, ранее нигде не опубликованные.

Статьи и другие материалы высылать
ответственному секретарю редакции журнала по адресу:
tatyana.ragozina@list.ru
по тел.: (38) 071-334-94-16

**ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ
ССЫЛОК И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА**

Образцы оформления ссылок:

1. В тексте: [10, с. 81]

В затекстовой ссылке: 10. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.

Образцы оформления записей библиографического списка:**А) Оформление описаний книг**

Автор/ы (фамилия пробел инициалы). Заглавие: сведения, относящиеся к заглавию / сведения об ответственности (редакторы, переводчики, коллективы). Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания). (Серия). – Место издания: Издательство, Год издания. – Объем.

Примеры:

1. Аникин Б. А., Родкина Т. А. Логистика. – М.: Велби, Проспект, 2008. – 408 с.
2. Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2005: Стат. сб. / Подг. Тамашевич В.Н. и др. – Мн.: ГУ БелИСА, 2006. – 204 с.
3. Джонсон Д., Шоулз К., Уиттингтон Р. Корпоративная стратегия: теория и практика: Пер. с англ. 7-е изд. – М.: Вильямс, 2007. – 800 с.
4. Корпоративное управление: Владельцы, директора и наемные работники акционерного общества / Под ред. Хессель М.; пер. с англ. Миловидов В. – М.: Джон Уайли энд Санз, 1996. – 240 с.

Б) Оформление описаний статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника

Автор/ы (фамилия пробел инициалы). Заглавие статьи: подзаголовок (если есть) // Заглавие книги: сведения, относящиеся к заглавию / сведения об ответственности (редакторы, переводчики, коллективы). – Место издания: Издательство, год издания. – Местоположение статьи (страницы).

Пример:

1. Гохберг Л. М., Кузнецова И. А. Инновации как фактор модернизации экономики // Структурные изменения в российской промышленности / Под ред. Е. Г. Ясина. – М.: ГУ–ВШЭ, 2004. – С. 37-74.

В) Оформление описаний диссертаций и авторефератов диссертаций

Автор. Заглавие: дисс. (автореф. дисс.) ... канд. (док.) наук. – Место написания: издательство (если указано). – Объем.

Примеры:

1. Гевко В. В. Использование непроцессуальной информации во время доказывания на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – К.: Украинская академия внутренних дел Украины, 1996. – 174 с.
2. Безродная В. Ф. Особенности формирования гражданского общества в процессе политической модернизации Украины: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Одесса, 2004. – 16 с.

Г) Оформление описаний статей из газет или журналов

Автор. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию (подзаголовок, если есть) // Название журнала. – Год выпуска. – Номер выпуска. – Местоположение статьи (страницы).

Пример:

1. Яковлев П. Госзаказ ждёт инноваций // Бюллетень Оперативной информации «Московские торги». – 2013. – № 4. – С. 8-9.

Д) Оформление описаний источников электронного ресурса удаленного доступа

Автор. Заглавие // Название источника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL (без знаков препинания в конце)

Пример:

1. Морозов М. Э. Что такое Третейский суд? // Общероссийский информационный ресурс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitrage.ru/articles/32-Chto-takoe-treteiskii-sud.html>

**ОБРАЗЕЦ
ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ**

УДК 130.2

Н. П. Рагозин

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: nragozin@inbox.ru**ОБРАЗЫ ТРАДИЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ**

Аннотация. Традиция как объективная форма социально-исторической преемственности и её различные образы в теоретическом сознании эпох, процессы наследования и его способы – таков главный предмет предлагаемой статьи. Автор связывает формирование основ теоретического понимания традиции с материалистическим пониманием истории К. Маркса, с его трактовкой общества как органической системы производства и воспроизводства человека во всём богатстве его общественных отношений.

Ключевые слова: традиция как форма преемственности, общество как органическая система, традиция как производство и воспроизводство общественной жизни.

Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 2. Сост., общая ред. А.Л. Субботина. – М.: Наука, 1978, С. 5-222.
2. Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
4. Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955, Т.1. – С. 85-92.
5. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А. Б. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – 543 с.

N. P. Ragozin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

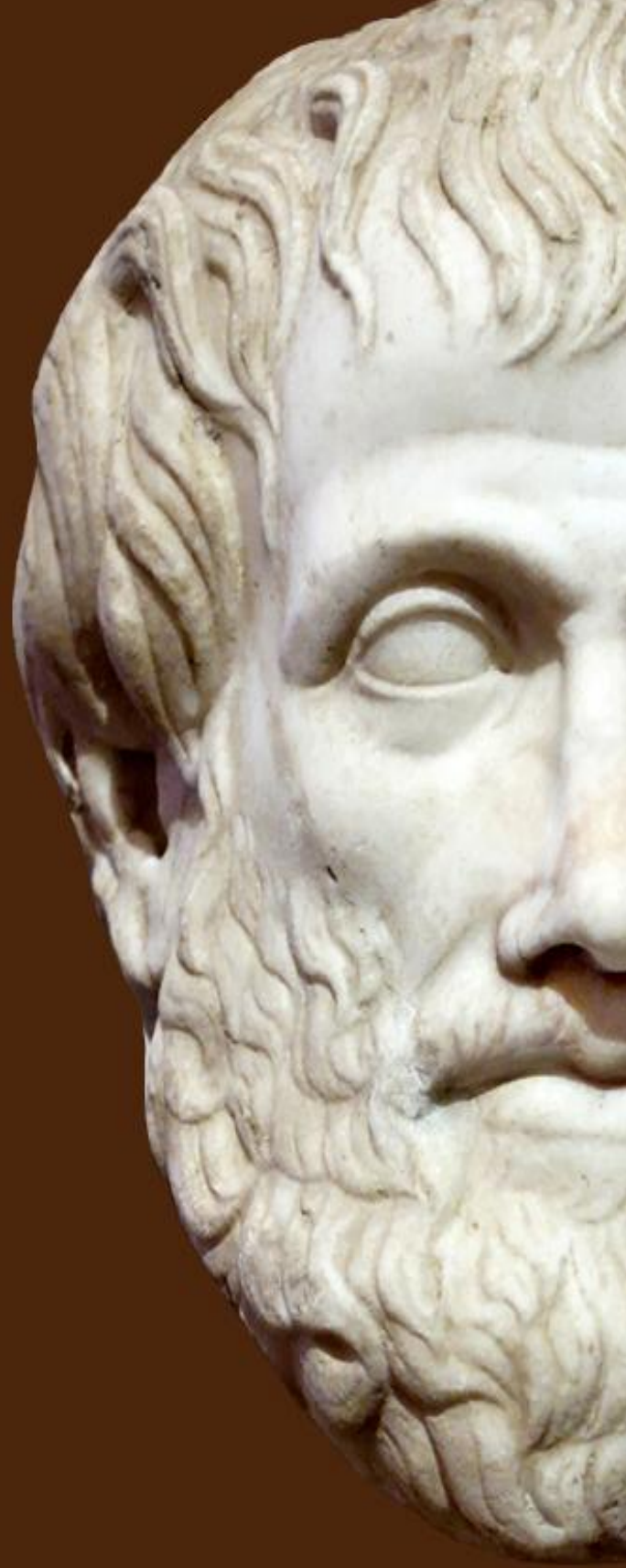
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nragozin@inbox.ru**IMAGES OF TRADITION IN THEORETICAL CONSCIOUSNESS**

Annotation. The key subject of analysis in the suggested article is tradition as an objective form of social and historical succession and its various images in theoretical consciousness of different ages, processes of succession and its ways. The author connects formation of the basis of theoretical comprehension of tradition with Marx's materialistic understanding of history, with his interpretation of society as an organic system including the process of production and reproduction in its full variety of social relationships.

Key words: tradition as a form of succession, theoretical images of tradition, society as an organic system, tradition as production and reproduction of social life.

ISSN 2522-9788